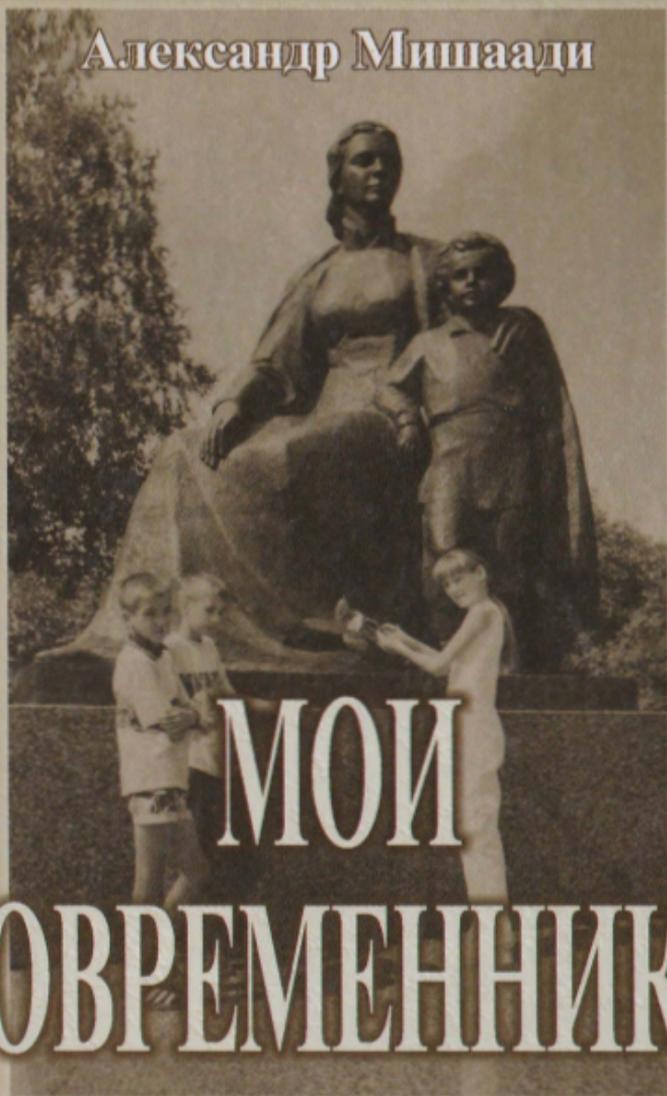

Александр Мишаади

МОИ
СОВРЕМЕННОИКИ

*Посвящаю друзьям,
единомышленникам,
подругам*

Александр Мишаади

МОИ СОВРЕМЕННОКИ

ПЕРВАЯ КНИГА

г. Ульяновск
"Печатный двор"
2004

ББК 63.3-2
Б 73

Александр Мишаади

Б 73 "МОИ СОВРЕМЕННОКИ" — Ульяновск: ОГУП "Областная типография "Печатный двор", 2004. — 192 с.

ISBN 5-7572-0127-4

© Александр Мишаади, 2004

О ТЕХ, КОМУ ПОСВЯЩЕНА КНИГА

«Видеть хорошее в человеке всегда трудно», – говорил А.С.Макаренко. Трудно, но можно. Не только можно, но и нужно. Этому принципу я следовал с тех пор, как стал педагогом. Старался в человеке найти такие струны, которые таились в его душе. Дотронешься – зазвенят во всю мощь. Партийная работа потребовала еще большего внимания к личности. А когда стал журналистом, понял, что его призвание – восхищаться подвигом людей. И вот они со мной – мои герои, мои современники. Я восхищаюсь их жизненным подвигом, все они прошли большую трудовую школу и шли к своей цели, преодолевая любые трудности. Всем им присущи человеческие слабости, но они никогда не поступались моральными ценностями. Патриоты, с твердой гражданской позицией, характер которых пронизывает вера в величие нашей Родины.

Выражаю признательность за помощь, оказанную в издании книги, генеральному директору строительной организации «Авион» Н. Г. Абрамову, директору акционерного общества «Тетюшское» В. В. Никонову, директору акционерного общества «Новоульяновское АТП» В. Г. Семенову, председателю фермерского хозяйства «Восток» А. М. Ширтанову, художнику Н. Н. Еграшкиной, оператору В. А. Ефимовой.

**АБРАМОВ
НИКОЛАЙ
ГЕРАСИМОВИЧ**

*Директор
строительной
организации "Авион"*

Родился 11 ноября 1955 года в селе Малые Туваны Шумерлинского района Чувашской Республики. С отличием окончил профессионально-техническое училище и Казанский индустриально-педагогический техникум. С 1976 по 1978 год служил в рядах Советской Армии, а с 1980 года трудился на стройках Туркмении. В Ульяновск приехал в 1983 году, строил авиационный комплекс, а в 1988 году создал производственно-строительный кооператив и превратил его в солидную строительную фирму.

ВРЕМЯ СОЗИДАТЬ!

“Депутатский мандат должен стать не целью, а средством для претворения в жизнь тех идей, которые послужат на благо народа.”

Николай Абрамов

Его любимое изречение “Время перестройки прошло, пришло время строить”, в которое он вкладывает более глубокое содержание, чем в толковых словарях. Строить означает для него обновление и созидание. В смутное время редко встретишь современников, думающих о судьбе трудового люда. Больше заняты заботами о своем кармане, а благородные лозунги служат лишь завесой для прикрытия темных делишек. Мой герой относится к категории людей, думающих о человеке труда, о том, как вернуть людям главное богатство страны - труд. 2,5 миллиона детей сейчас не учатся и пополняют армию наркоманов и преступников. Как сделать так, чтобы они были надежным резервом рабочего класса? Как вырвать их из пропасти, куда их кидает современная жизнь? Путь один - поднимать экономику, создавать для них рабочие места. Не сработает этот механизм, Россию ожидает печальное будущее.

Думы эти никогда не покидают Николая Герасимовича, который сам прошел большую школу трудового воспитания. Семья, школа, профтехучилище, техникум, армия и наконец - трудовой коллектив, где он вырос и

мужал как специалист, закалял свой характер. Освоил все специальности строителя – каменщик, плотник, штукатур, столяр, жестянщик, кровельщик, проектировщик... Своими руками может построить дом.

Когда в 1983 году переехал на родину Ленина и начал строить авиационный комплекс, за спиной было три года трудовой биографии на стройках братской республики, где проработал прорабом. Скоро заговорили о перестройке. Ломались старые принципы и стереотипы хозяйствования, давали свободу инициативе, а новых рецептов никто не предлагал. Рушились строительные организации, а новые никто не создавал. Молодой строитель внимательно следил за изменениями в стране, перелистывал новые законы, изучал опыт строительной индустрии в развитых странах, но на вопрос – с чего начать – ответа не находил. Интуиция подсказывала - надо начинать с малого, но перспективного дела. Простор для инициативы имеется, но понимал, что в одиночку не осилишь. Собрал людей близкого круга, трудолюбивых, смекалистых, изложил им план новой идеи, обрисовал перспективу и призвал объединиться. Будем строить дома, каких свет не видывал. Нужна инициатива, первоначальный капитал и желание. И начались хождения по мукам! Землю под строительную площадку выбивали годами. Прошли десятки инстанций, пока не добились небольшого клочка земли, на котором – трудно поверить – вырос многоэтажный дом с уникальной планировкой, с уютными и удобными квартирами и главное – с автономным отоплением. Жильцы знать не знают, что такое жилищно-коммунальный меч, который висит над горожанами. Они в шесть раз меньше платят за услуги, ибо не зависят ни от теплоцентраля, ни от теплосетей, ни от теплотруб, которые как паутина окутали весь город.

Всю зиму тепло в домах, и жильцы сами регулируют температуру.

Когда Николай Абрамов встречался с избирателями, ему часто задавали вопрос – можно или нельзя установить автономное отопление в существующих домах. Можно и нужно – был его ответ и кандидат в депутаты излагал свою программу, которая предусматривала вывод горожан из жилищно-коммунального кризиса. В настоящее время-это известно из официальных документов - на содержание жилищно-коммунального хозяйства мэрия тратит ежегодно около 420 миллионов рублей. Примерно 600 миллионов получает город из центра. Один миллиард рублей! Мы видим, как в разных районах города до глубокой осени продолжают ремонтные работы – меняют трубы, которые пролежали в земле от 30 до 40 лет. Программа Абрамова проста – нужно переходить к автономному отоплению домов. Планово и динамично! В течение четырех лет можно полностью освободить горожан от произвола коммунальщиков. Мэрия знает только один способ – увеличить тарифы. Надо идти по другому пути, абрамовскому, по которому ежегодно планируется перевести на автономное газовое отопление сотнямногоэтажных домов. Пройдет несколько лет и теплотрассы уйдут в историю, как памятники старины. Не будут ломать асфальт, рыть котлованы, пропадет нужда в мазуте и в других видах топлива, а сэкономленные деньги пойдут на зарплаты учителям, врачам и другим бюджетникам.

Какое это будет благо, если реализуется его программа! Неужели народ не в состоянии оценить его практические шаги? Может, но мы робко рекламируем его программу и в этом в первую очередь повинны мы, журналисты.

В первый раз встретил я Николая Герасимовича в кругу деловых людей. Вошел в тот момент, когда он что-то доказывал. Говорил долго и, как мне показалось, не совсем внятно. Наконец он повернул голову в мою сторону, направил на меня большие карие глаза и на секунду умолк. Я понял, что перед нами выступает кандидат в депутаты Государственной Думы. Наконец он закончил свою речь, и я воспользовался короткой паузой.

- Вы не выиграете выборную гонку, - сказал я ему, чуть повысив голос.

- Выиграю! – ответил он решительно. – У меня четкая программа, и она выполнима.

- Вы не представляете с кем имеете дело, - торпедировал я. – Вам придется столкнуться с такими олигархами, как Литвинов, Герасимов, Поляков. В их руках власть и капитал.

Не помню, чем закончилась наша дискуссия, но Николай Герасимович постепенно и незаметно втянул меня в выборную игру и я стал начальником штаба в районе, где мне были знакомы многие люди. Чем ближе к финишу, тем жарче схватки. Районная администрация пускала вход все средства. В центр приглашали глав сельских администраций, руководителей хозяйств и предприятий, чиновников разного ранга, директоров школ и давали прямое указание – за кого голосовать. Призывали открыто и нагло, не стеснялись в выражениях, не боялись законов, пугали увольнением и зарплатой. Нам не давали для встреч клубы, закрывали двери в школьных зданиях. К моему удивлению, в такой нервной обстановке Николай Абрамов держался спокойно и достойно, призывал не поддаваться провокациям и шантажу, часто повторял: «Лучше честное поражение, чем грязная победа».

Поражение его не вывело из равновесия. Прошли выборы, наступило затишье, и у меня появилось время, чтобы оценить Николая Абрамова, как специалиста,

Вера Алексеевна и Николай Герасимович в первые годы совместной жизни.

организатора, человека. Предвыборная борьба нас сблизила, и я был поражен, как он, Николай Абрамов, от встречи к встрече завоевывал симпатию электората, как рос его политический рейтинг. Невысокого роста, чуть с седеющими волосами, но крепкого телосложения, он с первых минут установил контакт с избирателями. Нет, ораторским искусством он не владеет, говорит тихо, но доводы его убедительны и доходчивы. Говорит кратко, но емко. Когда задают вопрос, выслушает до конца. В полемике часто употребляются слова: «Извините», «Объясняю», «Может я вас не совсем правильно понял», и никогда из его уст не вылетают слова, унижающие

достоинства человека, хотя с ним часто дискутировали люди, не разделяющие его позицию. Не повышает голоса – признак воспитанного и культурного человека. Он – практик, и не пускается в философские суждения, хотя в философских проблемах разбирается неплохо. Знает труды Сократа, Плутарха, Аристотеля, других античных мыслителей. Глаза чистые, крупные, живые. Смотрит открыто, испытующе. Доверчив. Слишком доверчив. Когда задал вопрос – ошибается он или нет при оценке кадров, ответил: «Редко ошибаюсь». Дай Бог, чтобы я был не прав, но мне кажется, он слишком верит людям.

Выборная битва имеет свои плюсы. В ходе встреч с людьми Николай Герасимович завоевал любовь и уважение своих современников. Они по достоинству

Вера Алексеевна за работой.

оценили его скромность, умение общаться и держаться, доступность, его организаторский талант и нравственные качества.

Истоки его становления и мужания, видимо, заложены в генах, но чтобы они проявились на практике, необходимо правильное воспитание. Многодетная семья, где было шестеро малышей и девочек, имела свои традиции. Николай до сих пор помнит, какие обязанности были возложены на него родителями: чистить двор, ухаживать за

коровой, принести воду. И все дела надо делать вовремя

и добросовестно. Не было случая, чтобы он ослушался. Дети не знали, что такое наказание, хотя Николай Абрамов на всю жизнь запомнил, как настиг его отцовский ремень. Увидел в руках сына спичечную коробку, которую он держал около уха, и потянулся за ремнем.

– Кто тебя научил курить? – повысил отец голос.

Николай не шелохнулся, не убежал и продолжал стоять на месте. Ремень просвистел по спине, и коробка упала на пол, раскрылась, и оттуда выползли жучки. Герасим Викторович улыбнулся, обнял сына и тихо вымолвил: «Прости, сынок!»

Отец для сына был кумиром, прошел с боями пол-Европы и встречал победный салют в Берлине. Бывало, наступит день Победы, и отец весь в орденах и медалях идет по главной улице села на митинг. Рядом он, Николай, шагает с отцом в ногу, с высоко поднятой головой. Три года нет его на свете, а память о нем не стирается. Слово вселилась в душу. А мать жива. С годами чувства к ней становятся сильнее. Видимо, потому, что сильнее чувствуешь сыновний долг перед ней, воспитавшей не только тебя, но еще пятерых детей, которые живы и здоровы, нашли себе дорогу жизни. Живет Александра Гавриловна в деревне, окруженной дремучими лесами, где много ягод и грибов. Недалеко пруд и река. Все так, как было в далекие детские годы.

Студенческие годы занимают особое место в биографии Николая Абрамова. Учеба и спорт, спорт и учеба. Они всегда шли рядом. Легкая атлетика, самбо, волейбол. Выступал за сборную команду техникума. В свободное время на площадке собирались девочки и мальчики. Образуют спонтанно две команды, и волейбольный мяч повисает над сеткой. Он ее приметил еще на первой

встрече. Она играла на чужой площадке, против него, и вся отдавалась игре. И каждый раз – на чужой площадке. Хрупкая, с длинными косичками, но как легко берет мяч и как точно пасует! Игра была в разгаре, когда Николай получил очередной пас и как барс повис над сеткой. Смотрит – она! Пас, а он не сводит с нее глаз. Пас – а он стоит. «Коля, я же пасую тебе!» - умоляюще смотрит она на него, а его словно заколдовали.

Вечером пошли на Волгу. Весна в тот год рано вошла в свои права. Расцвела вишня, и в садах запахло ароматом. А они шли по аллее и не знали, куда она приведет. На востоке забрезжил рассвет, солнечные лучи осветили купола церквей и мечетей, а они не могут расстаться. Эта была любовь! Двадцать шесть лет прошло с тех пор, а она, любовь, не угасает!

Учился Николай Абрамов отлично. Окончил с похвальной грамотой восьмилетку, получил диплом с отличием в профтехучилище, одни пятерки пестрели в

Золотой юбилей родителей. В сборе вся родовая династия.

журнале сейчас, а вот организаторского таланта никто не замечал. Не был ни старостой класса, ни комсомольским вожаком. Однажды приглашает его в кабинет зам директора и говорит: «Имеется поручение. Тебе необходимо возглавить охранную службу в микрорайоне». У студента расширились зрачки: «Я не умею командовать. Я...». «Мне лучше знать, умеешь ты командовать или нет. Надо же когда-нибудь начинать».

Уговорила. Это было первое испытание, и он справился с ним отлично. В его команде было тридцать сторожей – все с опытом, ветераны, в орденах, а он, семнадцатилетний юноша, давал им инструктаж, обходил ночью посты, проверял надежность замков. Прошли годы, Николай Абрамов вырос в солидного начальника, но первый экзамен помнит до сих пор. Спасибо, первая учительница!

На работу он идет, как на праздник. Сам признался. И в этом ничего удивительного нет. Он создан для труда. Как Ленин жил 24 часа революцией, так и Абрамов 24 часа живет строительством. Проектирует, размышляет, строит, обновляет, ищет новые пути. И все это в голове. Потом мысли ложатся на бумагу. Рождается программа, идет набор умов для ее реализации. Он не мыслит себя вне работы. Энергия бьется через край. Говорит, связан с космосом, оттуда он заряжается энергией. Верит в Бога и уверен, что все его успехи связаны с ним, с Богом.

Его редко можно видеть возбужденным. Иногда вспыльчив. Частосебя за это ругает. Но рассудка не теряет. Оптимист. Трудностей не боится. Двадцать лет в Ульяновске. Пятнадцать лет на строительной площадке, которую он создал. Юбилей! А он не помнит, чтобы пасовал перед трудностями. Убежден, что именно в преодолении трудностей закаляется характер. А ведь они

были, эти трудности. Восемнадцать лет скитались с Верой по общежитиям и частным квартирам. Судьба их вознаградила за мужество и терпение – живут они сейчас в коттедже, Николай Герасимович получает солидную зарплату, семья обеспечена всем необходимым. Казалось бы, что еще нужно для полного счастья? И тут встает вопрос о личности, о гражданском долге, о чести и совести. Невольно вспоминаешь Ивана Яковлевича Яковлева, который всю жизнь боролся за процветание нации, за счастье трудового народа. Может, сравнение слишком громкое, но оно напрашивается. Не успел Николай Абрамов раскрыть крылья, как заявил о гражданском долге – нужно помочь людям. Знание и опыт имеются, программа готова. Казалось бы, власти должны быть заинтересованы в его опыте. Они прекрасно знают, что дает народу абрамовская программа. Скажем, приглашает его мэр города и говорит: «Вы, Николай Герасимович, начали дело, которое имеет огромное государственное значение. Давай подумаем, как реализовать вашу программу на практике». Но власти на это не пойдут. Они продолжают губительный путь – увеличение тарифов. Тут ума много не надо, а вот преобразование коммунального хозяйства потребует огромных усилий и мужества.

Его программа привлекательна не только реформированием коммунального хозяйства. Хорошую перспективу имеет ипотечное кредитование, которое даст возможность получить квартиры в рассрочку. Сумма погашается в течение 15-20 лет. Такая программа выгодна и государству, и народу.

Для Николая Абрамова борьба только начинается. Она должна увенчаться успехом, ибо его программа направлена на созидание, работает на завтрашний день, служит интересам трудовых людей.

**ВЕРИЯЛОВ
ВЛАДИМИР
ГРИГОРЬЕВИЧ**

*Отличник
просвещения СССР*

Родился в 1939 году в селе Бюрганы Буинского района Татарии. Окончил Казанский государственный университет имени В. И. Ленина - Ульянова. Работал учителем, а затем директором Киртелинской школы, секретарем парткома колхоза "Дружба" Тетюшского района Татарии. В течение пятнадцати лет возглавлял учительский коллектив Урюмской средней школы, где наиболее полно раскрылся его организаторский и педагогический талант. В 1987 году переехал в Зеленую Рощу, что в двадцати километрах от Ульяновска. Работал директором школы, секретарем парткома совхоза "Россия".

Левый мари

Владимиру Вериялову

*Предатели и лицедеи
В роскошной тьме нашли приют,
Поправ священные идеи,
Добро народное сгребут.*

*Не поддались мы их соблазну
И, выбрав каменистый путь,
Готовы наложить на рану
Судьбой истерзанную грудь.*

*Нам свято ленинское слово
На все века и времена!
Для нас есть поле Куликово
И есть Берлинская стена!*

*Идея нас в кулак сплотила,
Мы за нее рванулись в бой,
И никакая третья сила
Нет, не разлучит нас с тобой.*

*Чем большие наглости у власти,
Мрачней и злей двуглавый шарж,
Тем яростней и жгуче страсти,
Тем крепче, тверже Левый мари!*

ВЫШЕ ВСЕХ НАГРАД

В приемной стало душно. Секретарша раздвинула занавеску и настезь распахнула окно. Весенний ветер ворвался в комнату, и на лицах приглашенных постепенно стала исчезать усталость. Владимир Григорьевич сидел в углу и безразлично взирал на окружающих. Хотя среди присутствующих немало знакомых лиц, мысли его обращены на самого себя. Впервые за годы трудовой деятельности ему придется держать ответ на заседании бюро райкома партии. За четверть века он постоянно шел в гору. Его выдвигали, хвалили, но он никогда не подвергался осуждению или наказанию. Его бросали на участки, где требовался человек, тонко понимающий психологию людей, где нужен особый подход к разрешению конфликтов, человек, который обладал новаторством и поддерживал добрую инициативу, человек, который шел чуточку опереди времени.

Когда окончил три курса Казанского университета, приехал в родную деревню и облегченно вздохнул. Трудная сессия позади, теперь можно отвести душу, повстречаться с друзьями, сходить на рыбалку. Он снял пропахшую потом рубашку, широкие шаровары и натянул на себя спортивную форму. Отыскал в углу кеды, зашнуровал и несколько раз ударил чечетку, дробно пристукивая ногами о деревянный пол, широко и плавно размахивая руками. Дома никого не было.

Мать рано ушла на ферму, где она работает заведующей, а сестры разбрелись по подругам. Улица встретила его тишиной, когда воздух недвижим, а от солнечных лучей больно глазам. Лишь у соседней калитки гуси беспечно дремлют на лужайке. Володя перешел на другую сторону улицы и скрылся за поворотом. Друг его жил на краю села, и, чтобы добраться до него, нужно перейти навесной мост, а дальше тропинка шла по лощине. Он размашистыми шагами спустился к речке, наступил на дощатый настил и ухватился за железный канат, чтобы перейти на другой конец моста.

– Владимир Григорьевич, – вдруг окликнул его незнакомый голос.

Молодой человек повернул голову влево и увидел молоденькую девчущку, стоявшую чуть в стороне, теребя кончик платка, накинутого на шею.

– Слушаю, – произнес парень суховато, воспитанный в духе строгих правил. Незыблемое его кредо - учитель должен оставаться самим собой в любой ситуации, не допускать никакой фамильярности. Он хотел сделать шаг в ее сторону, но почувствовал, что ноги не слушаются, а с горлом что-то случилось. Слегка кашлянул и процедил: – Вы что-то хотели мне сообщить?

Девушка сделала два шага навстречу и опустила голову. Владимир Григорьевич посмотрел по сторонам – хорошо, что поблизости никого нет. Он уже стал на нее сердиться за то, что тянет время, словно ждет, чтобы их обнаружил какой-нибудь прохожий. Чувствует, что хочет сказать ему новость, но молчит. Он скользит глазами по ее фигуре. Круглое личико, длинные косы, закинутые за плечи, легкое ситцевое платье ниже колен,

тонкие ноги и боже мой! - глубокие резиновые калоши. Она почувствовала испытующий взгляд педагога и перенесла центр тяжести на левую ногу. Он принял исходную позицию, выпрямился, она же, теребя платочек в руке, тихо промолвила:

- Вас разыскивает какой-то человек.

Верялов хотел спросить, что за человек им интересуется, но в этот миг незнакомка подняла голову и их глаза встретились. На него смотрели удивительно теплые карие глаза. Ему показалось, что он теряет равновесие, и обхватил трос двумя руками. Делал отчаянное усилие, чтобы удержать себя в рамках тех самых правил, которых строго придерживался. Он понимал, что продолжить немую сцену означает выдать себя с головой, а прервать ее необдуманном действием могут лишь легкомысленные парни. Девушка словно поняла его состояние и в прежнем тоне, плавно и извинительно продолжила:

- Он, кажется, из района. Сказал, что командует всеми школами.

Последние слова вывели наконец его из оцепенения.

- Командующий, говоришь, - появилась незаметная улыбка в глубине его губ. - Может, заведующий?

- Кажется, заведующий, - покраснела девушка с длинными косами. - Заведующий рай.., рай...

- Наверняка, районо.

Незнакомка снова опустила голову:

- Извините.

- Извиняться не надо. В русском языке столько непонятных слов, что сам черт ногу сломает, - совсем пришел в себя учитель. - Как вас зовут?

- Маша, - еще больше покраснела она. - А работаю я танцовщицей.

Вечером за столом собралась вся семья. Мать Вера Александровна и семеро детей. Володя – самый старший. Много лет он уже заменяет отца, который уехал на заработки куда - то в Сибирь и приезжает только во время отпусков. Володе пошел двадцать второй год, а вот Гале стукнуло ровно шестнадцать. Такая вот разница в годах. Война виновата. Володя не помнит, как провожали отца на фронт, но запомнилась ему зимняя морозная ночь, когда постучали в дверь и на пороге появился статный мужчина в военной форме. Это был отец – Григорий Ильич. Семья быстро пошла на прибавку. Что ни год – ребенок. Одни девки. Отца скоро избрали председателем местного колхоза, а мать пошла на ферму.

Ужин нынче проходит совсем не так, как обычно. Володя молчит, а вот девочки то и дело переглядываются друг с другом, о чем-то втихомолку шепчутся, шушукаются, хихикают, не обращая внимания на строгий вид матери, которая тоже заметила, что в душе сына беспокойно.

– Ты весь вечер молчишь. Что случилось?

– Ничего не случилось, мама, - произнес он задумчиво и посмотрел на сестер, которые как по команде уставились на брата. - Но я хотел бы... Меня, говорят, разыскивал заведующий районо... Мне сегодня сообщила об этом... Кстати, у тебя на ферме работает девушка... Зовут, ее кажется, Машей.

– Это та, с которой ты нынче стоял на мосту? - хихикнула младшая сестра и еще больше уставилась на брата.

– Мы за вами следили целый час, но так и не...

– Цыц! - оборвала Валю мать и испытующе

посмотрела на сына, который, кажется, потерял дар речи. - У меня много девушек работают по имени Маша. Ты имеешь в виду, видимо, новенькую, которая переехала из соседнего села.

— Вериялов! - раздался голос в открытую дверь и сосед толкнул его локтем: "Тебя вызывают". Владимир Григорьевич вскочил и направился в кабинет, где решалась его судьба.

— Нет, не туда, а напротив меня садитесь, - произнес первый секретарь, когда директор школы поздоровался и, увидев в среде людей, сидящих вдоль стены, инспектирующего района, сделал в его сторону несколько шагов. - Для штрафников у нас имеются специально отведенные места.

Штрафники! Слово - то какое неприятное. На фронте бросали их на передовые позиции. Заняв указанное место, Владимир Григорьевич стал скользить по рядам. Вот они - вершители судеб человеческих. Было время, когда в глазах молодого педагога каждый из них был идеалом. Шло время и постепенно с них снимался ореол непогрешимости и честности, как с рыбы чешуя или с курицы перья. Один из них, поговаривают, имеет коммунальную квартиру в Тетюшах, второй построил двухэтажный дом на берегу Волги, а третий...

— Слушается персональное дело.., - объявляет первый имя штрафника и предоставляет слово председателю партийной комиссии, который четко и кратко излагает суть дела. Она заключается в том, что директор Урюмской средней школы Вериялов Владимир Григорьевич, пользуясь служебным положением, за счет государственных средств построил для молодой

учительской семьи баню.

– Какие будут суждения? - спросил хозяин и окинул взглядом членов бюро. - Есть предложение заслушать директора.

Вериялов был не менее краток и точен, чем партийный контролер. Он сообщил, что парткомиссия доложила верно, за исключением одного момента, который заключается в том, что в молодой семье недавно родился ребенок, а общественной бани в деревне нет. Еще забыли сообщить, что вместе с молодыми живет престарелая мать, кстати, заслуженная учительница, которая, как ему известно, учила когда-то первого секретаря райкома партии.

По залу прошелся легкий шумок. Первый заерзал на стуле, издав неприятный звук, но лицо его осталось строгим и суровым. Он напомнил, что государственная казна не без дна и партийный долг обязывает его быть выше приятельских и иных отношений. Он еще долго толковал о каких-то нравственных ценностях, а в конце указал на слабый контроль за расходованием средств со стороны заврайона, который совсем сник, когда первый пригрозил принять к нему строгие меры, если повторятся подобные случаи.

– Кто имеет желание высказаться? - прозвучал довольный своим выступлением голос хозяина. Он вынул из кармана носовой платок и провел им по облысевшей голове. За столом президиума раздались голоса, в которых звучал один мотив - сказано все, точно и конкретно.

– Какие будут предложения?

– А что предлагает партийная комиссия?

– Она предлагает строгий выговор с занесением в

учетную карточку.

Председатель райисполкома Виктор Иванович Дроздов встал без разрешения.

- Я прошу учесть не только финансовую сторону, - начал он спокойно, - но и моральную. Деньги он в свой карман не положил, а сделал доброе дело для семьи, которая не может обходиться без бани. Пройдут годы, и наши потомки не без удивления будут изучать партийные дела, в которых...

- Ваше предложение, Виктор Иванович? - прервал его первый неожиданно.

- Я предлагаю вынести ему выговор без какого-либо занесения.

Домой он ехал в расстроенных чувствах. "Наши потомки будут изучать партийные дела не без удивления, - не выходили из его головы слова, сказанные председателем райисполкома. - Сказано точно, но мягко. Нет, наши потомки будут в недоумении, когда прочтут, что какому-то неизвестному директору школы всучили выговор за то, что он помог семье, которая только начинает жить". Вериялов посмотрел на шофера. Все же молодец председатель колхоза, знал, что без выговора не отпустят, а машину прислал. Спасибо тебе, Микар Петрович!

Слух в деревне распространяется с быстротой молнии. Не успел Владимир Григорьевич открыть дверь в свою избушку, как прибежала молодая семья. Ирина Николаевна, бледная, вся дрожит, а на руках держит ребенка. Ее муж Евгений Викторович непрерывно повторяет: "Если бы знали...Если бы знали..." Он проклинает тот день и час, когда дьявольская сила заставила его настрочить заявление. Вериялов ищет

слова утешения, а хозяйка ставит на стол самовар. Ее спокойствие придает супругу уверенность и силу.

На следующее утро директор идет в школу обычным маршрутом. Не успел выйти из калитки, соседка тут как тут. Зычным голосом гутарит:

– Добренькое утро, Владимир Григорьевич! Не гоже вам переживать. Выговор за доброе дело, что орден на груди.

Соседка приехала в прошлом году с юга. Украинский говор по душе директору школы, но еще больше уважает он ее за доброе сердце. Чужая беда ей, что своя - относится с пониманием, а юмор служит лишь для поднятия духа. Шаги у директора становятся твердыми и решительными. В переулке его неожиданно встречает дядя Ваня и здоровается, сняв фуражку. Тот самый дядя Ваня, с которого он когда-то три шкуры снимал. По делу, конечно. Тогда дядя Ваня обходил партийного вожака за три версты. А сейчас будто то и дело ждал его появления в переулке.

Когда желтая луна, проникнув окошко, осветила их постель, а супруга нежно прижалась к его груди, Владимир Григорьевич признался, что люди после получения выговора стали к нему относиться еще добрее, хотя и раньше не обходили стороной. Председатель колхоза пригласил недавно к себе и долго тряс руку: “Выговор твой дороже, чем награда, - говорит с хитрецей, - жаль, что нельзя повесить на грудь”. Что - то все стали петь на один лад.

Прошло два дня с того тревожного события, когда он впервые прошел испытание наказанием. Устало сел в кресло. Минуты отдыха любил он проводить в тихом уголке своей комнаты. За последнее время что - то часто

стал оглядываться на пройденный путь, думать, сопоставлять. Новый съезд партии вдохнул свежую струю. Заговорили о перестройке. За его спиной было уже больше тридцати лет трудового стажа. Но его стали настораживать воспоминания, которые не выходили из головы.

...После встречи на мосту (о, как давно это было!) он встретил ее на танцах. Она стояла в углу и теребила платок в руках. Личико круглое, длинные косы, закинутые за плечи, легкое ситцевое платье ниже колен, тонкие ноги, но в светлых туфельках. У него ёкнуло в сердце, когда она под вальс “Амурские волны” прижалась к его груди. Домой вернулся с первыми петухами, а через шесть месяцев привел ее к родителям. Отец встретил его в ярости.

– Я тебе нашел другую невесту, а ты прилип к какой-то дивчине, у которой молоко еще не высохло на губах, – кричал он на него и в тот же вечер выгнал их из дому.

Они ушли. Мать плакала навзрыд, но они ушли тихо, не сказав ни слова. Стояла морозная ночь, звездная и прозрачная. Луна, выглянув из-за туч, снова пряталась за свинцовой полосой, а когда вошли в лес, вокруг воцарилась сказочная тишина. Дорога то поднималась на холм, то спускалась вниз, извилистая, широкая. Они шли рука об руку, оставляя на снегу следы от валенок. Кончился лес, и на поляну снова лег лунный свет. Вдалеке замелькали огоньки. “Моя деревня”, – тихо шепнула невеста. Жених еще не знает, что пройдет немного времени и он получит назначение в Киргелинскую школу директором. Отсюда начнется его служебная карьера. Взлет его будет настолько

стремительным и удачным, что его приглашают работать секретарем парткома крупного колхоза “Дружба”. В райкоме по достоинству оценили его организаторские способности, умение работать с людьми, политические и нравственные качества. Пять лет на посту лидера сельских коммунистов. Ему неведомо, что такое отдых, в воспитании детей полностью полагался на жену, хотя знал, что своим трудом, отношением к долгу воспитывал в них лучшие черты советского человека.

Однажды секретарь райкома бросил случайную фразу.

– Как партийный лидер, ты завоевал всеобщее уважение, но чует мое сердце, что душа твоя рвется в школу, - произнес он доверительно и посмотрел ему в глаза. Главный идеолог района не ошибся. Вериялов охотно согласился на предложение райкома. В Урюмскую школу он пришел зрелым и опытным руководителем, стал искать новые подходы в управлении коллективом, много читал, перенимал опыт передовых педагогов. К нему стали приезжать делегации, на базе его школы проводились республиканские семинары. Орденов, правда, не вешали, но знак “Отличник народного образования РСФСР” стал признанием его заслуг в воспитании нового поколения. Пройдет еще три года и он становится Отличником просвещения СССР.

Все это произойдет потом, а сейчас молодая пара шла по лунной тропе к своему счастью. Теща встретила их с некоторым недоверием. Маша еще не достигла нужного возраста, а без документов жить как - то не принято.

— Счастье добывается не документами, — твердо заявила дочь матери и прильнула к жениху, который развел руками и утешительно посмотрел на тещу. Не было ни свадьбы, ни регистрации. На второй день жених и невеста отправились в Казань, где начиналась зимняя экзаменационная сессия.

Владимир Григорьевич поднялся с кресла, подошел к книжному шкафу и достал семейный альбом. Удобно расположился в излюбленном месте и открыл первую страницу. Каждая фотокарточка - память о детстве, о школьных годах, сестрах, отце и матери, о друзьях по воинской службе, о детях и, конечно, о ней - о Машеньке. Взгляд его останавливается на любительской фотографии детских лет - отец держит его на руках, а сестры сгрудились вокруг матери. Он провел по ней рукой и задумался. Поведение отца он не одобряет, - бросил семью и уехал на заработки. Отец должен быть при семье, жить ее заботами и радостями. Хотя он приезжал ежегодно, привозил подарки, но детям от этого легче не было. Им нужна забота да совет. Особенно неприятное чувство оставил он в душе молодоженов. Правда, на следующий год пригласил к себе и попросил прощения. Молодые люди восприняли шаг отца сдержанно, но с пониманием.

В годы перестройки началось переселение людей в соседний край - симбирский. Пошли слухи, что там возвышаются добротные квартиры, усиленно благоустраиваются села. Маша давно задумалась над дальнейшей судьбой, но не решалась открыто высказать свои мысли мужу. Дети закончили школу, девочки получили работу в Ульяновске, а сын учится в сельскохозяйственном институте. Владимир

Григорьевич и сам частенько заглядывал в будущее, встречался с друзьями, которые усиленно звали в Зеленую Рощу, где, якобы, построен крупный свиноводческий комплекс, типовая школа, асфальтовая дорога, а село утопает в дубовой роще. Трудно было расставаться с теми, с кем прожиты лучшие годы, но решение принято.

... Друзья его не забывали. Каждый год он ездил на родину, а когда отмечали юбилей или знаменательную дату, Владимир Григорьевич и его супруга непременно были дорогими гостями. В Тетюшской районной газете появился очерк, который называется “Неизгладимый след”. “Коллеги называли Владимира Григорьевича банкиром идей и реформатором, – пишет о нем журналист Р.Габдрахманов. – Он был творцом опыта, проводником новаторских идей в жизнь – директор школы, любимый учитель учащихся и учителей, настоящий интеллеktуал, педагог по призванию. Он оставил добрый, неизгладимый след в истории Урюмского храма знаний. Его знают, помнят, ценят не только как умного, талантливого учителя, но и как пропагандиста, лектора, человека щедрой души”.

Прошло пятнадцать лет, как он покинул Тетюшский район, а след не исчез. Эпиграфом к очерку журналист взял знаменитые строки Мусы Джалиля:

Жить бесполезно – лучше не жить,
На ровном месте кочкою служить.
Свети потомкам нашим, как маяк,
Свети, как человек, не как светляк.

Служение людям – высшая цель человека. Эту исповедь Владимир Григорьевич исполнил с достоинством.

Известный хлебороб Терентий Мальцев, народный поэт Расул Гамзатов и Елена Гайкина в перерыве между заседаниями XXV съезда КПСС.

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ ПРИЗНАНИЯ

Очерк

о лауреате премии Ленинского комсомола, кавалере ордена Трудовой Славы, делегате XXV съезда КПСС Гайкиной Елене Петровне

Сидя в отделе кадров то одного, то другого учреждения, она думала лишь об одном — скорей вернуться в родительский дом. Ей надоели хождения по мукам. Зайдут в кабинет, и дядя посадит ее на табурет, стоящий где-то в углу, а сам ведет длинный разговор с начальником. Елена не понимает, о чем идет речь, ибо тайны русского языка ей неведомы. Но на сей раз она четко услышала вопрос женщины, сидевшей за столом,

которая изредка бросала взгляд на девочку с волнистыми волосами.

— Комсомолка? — раздался ее звучный голос, и дядя, сидевший спиной, повернулся лицом к племяннице.

Девочка поняла, что вопрос адресован ей, вчерашней школьнице, которой не исполнилось и шестнадцати лет. Она направила карие глаза на женщину и не менее звучно произнесла: “Да!”

Женщина улыбнулась и долго еще о чем-то толковала дяде.

На второй день на стол начальника отдела кадров легла рекомендация от комитета комсомола Главульяновскстроя. В ней было сказано, что комитет не возражает против принятия Гайкиной Елены Петровны на работу ученицей штукатура с испытательным сроком...

К ней закрепили наставницу. Она была то ли алгашинская, то ли тимерсянская и дело знала в совершенстве. Учила искусству штукатурить так, как обучают по буквам азбуке. Мелочей, как и в любом деле, нет. Сначала учит делать раствор. Ох, и нудное это дело! Нужно соблюдать какие-то пропорции, а потом смешивать до тех пор, пока руки не онемеют. Но наставница была из тех мастеров, которые имели особый подход к питомцам. Не бояться трудностей, гордиться своей профессией, понимать подруг, выработать силу воли — без этих и множества других качеств невозможно трудиться в коллективе, где внедрена аккордно-премиальная система. Уравниловки нет. У каждого члена бригады — свой разряд, и по нему начисляется заработная плата. Да и разряд присваивает сама бригада, где каждая работница на виду. Но, как говорится, дружба и товарищество в коллективе держатся не на деньгах, а на

доверии и уважительном отношении друг к другу. “Один за всех и все за одного!” — таков девиз бригады, который был присущ лишь французским мушкетерам.

Прошло несколько недель, и наставница подсунула ей мастерок — настало время, когда ты должна показать первые навыки. Пришла наставница и ахнула — Елена с ног до головы обрызгана раствором, и она еле узнала свою ученицу.

Испытательный срок подошел к концу, и Елене Гайкиной присвоили первый разряд. Это была первая победа в жизни. Она влилась в дружный трудолюбивый коллектив, где работали двадцать человек и который был сплавом опыта и молодого задора. Одни женщины и девушки!

Слава к ней пришла неожиданно. Елена Петровна и сейчас не может объяснить, почему выбор пал на нее. Казалось, в бригаде все достойны и готовы к взлету. Объяснение тут простое — она никогда не произносила слово “Не могу”. Особое напряжение вызывали у подруг конкурсы. Одни боялись, что подведут коллектив, другие не были готовы морально, не хватало силы воли, а третьи вообще не любили соревноваться. “Кого откомандируете на конкурс?” — обращается начальник, и бригада хором отвечает: “Елену Гайкину!”.

А конкурс начинали в коллективе, потом по эстафете перекочевали в управление, в трест, в главк. Елена была безотказной. Шла и... побеждала! То ли был неумный азарт, то ли чувствовала ответственность за честь коллектива, но... побеждала.

Настал 1976 год. Пик ее славы! За спиной десять лет упорного труда, и первый секретарь обкома КПСС А.Скочиллов прикрепляет к ее груди орден Трудовой

Славы. Не успела Елена перевести дыхание, и на областной коммунистической конференции ее избирают делегатом XXV съезда КПСС. Москва. Кремлевский дворец Советов. На партийный форум собрались все знаменитости страны. Прославленный сибирский хлебороб Терентий Мальцев, известный кинорежиссер Сергей Герасимов, народный поэт Расул Гамзатов... И она — простая труженица земли — общается с ними как равная. Равная и достойная! Как тут не вспомнить слова, которые в советские времена звучали не просто как символ: “Труд в СССР является делом чести и героизма!” Но простую советскую труженицу ждал на съезде еще один сюрприз. Вышел на трибуну первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. Тяжельников и объявил, что Гайкиной Елене Петровне присуждается премия Ленинского Комсомола. В дипломе лауреата, который ей вручили, записано: “За выдающиеся достижения в труде...”

Слава не вскружила ей голову, хотя имя ее несходило со страниц газет, звучало в радиоэфире и с экрана телевидения. Поздравления и слова признания шли потоком. Ее приглашали на встречу трудовые коллективы, школьники, но она оставалась сама собой — простой, доступной, общительной и никогда не забывала, что ее воспитал коллектив. Трудолюбива, безотказна и... с характером, который особенно проявился на посту бригадира. Ее уважали не только за мастерство, но и за то, что всегда стояла за правду. О, сколько пришлось воевать при распределении квартир! Или... закроют наряд, а в нем сплошные недоразумения. Бригадир спешит в отдел. Спорит, доказывает, убеждает и своего добьется.

Любовь, как и слава, пришла к ней неожиданно. И

Елена, и Геннадий работали в одном управлении, встречались на совещаниях и семинарах, на новогодних балах и праздниках, смотрели друг другу в глаза, но о любви молчали. Однажды начальник попросил парней провожать девушек до общежития. Время зимнее, рано темнеет и все в таком духе. Почему-то Геннадию Порынову во время дежурства часто приходилось провожать Елену. Проводит ее до крыльца и, не сказав ни слова, плетется обратно до своего общежития. Она знала, что проводник без чувств, но все же однажды пригласила в комнату, где жила с девочками. Геннадий согласился и, когда Елена подавала чай, заметил, что смотрит на него совсем другими глазами. Кончилась зима, пришла весна и солнечные лучи все сильнее обогревали землю. Дни становились длиннее, в саду благоухала апрель, а Геннадий все провожал Елену до общежития.

Не успели сыграть свадьбу, как пригласили ее на юг, в курортный город Пицунду, где начали строить корпуса для высоких чиновников. Строили на конкурсной основе, и наша землячка достойно представляла родину В. И. Ленина.

Незаметно пролетели годы. Геннадий Васильевич с первых дней завоевал в родне любовь и уважение, а тесть часто говорил ему: “Ты, Гена, хотя и русский, но хороший человек”. Дети стали взрослыми. Дочь Ирина окончила медицинское училище, а сын Игорь недавно прислал письмо, в котором сообщает, что принял присягу. У семьи другие заботы и трудности, но Елена Петровна с гордостью вспоминает, что участвовала в строительстве и реконструкции таких гигантов нашего края, как автозавод, авиастар, станкостроительный завод, завод “Контактор”, объекты Ленинской мемориальной зоны.

Всю сознательную жизнь она посвятила профессии, которая олицетворяет поступательное движение и созидание. Имя этой профессии — строитель.

***ГАЙКИНА Елена Петровна** родилась 15 сентября 1945 года в Кундюковке. Окончила Кундюковскую семилетнюю школу. Трудовая биография началась в 1965 году штукатуром в СМУ-22 Главульяновскстроя. В 1976 году становится лауреатом премии Ленинского комсомола. Делегат XXV съезда КПСС. Кавалер ордена Трудовой Славы третьей степени. Член обкома комсомола, депутат Ульяновского городского Совета народных депутатов. С 1977 года – бригадир комсомольско-молодежной бригады, которая неоднократно занимала призовые места в социалистическом соревновании. Награждена медалью “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина”.*

**ЕГРАШКИНА
НИНА
НИКИТИЧНА**

Художник

Родилась 7 марта 1956 года. Воспитанница Чебоксарского государственного педагогического института имени И. Я. Яковлева. В 1982 году окончила художественно-графический факультет и стала педагогом. Детские годы прошли в селе Ачаки Ядринского района Чувашской Республики. Трудовую биографию начала в 1982 году в Падунской средней школе Тюменской области. В 1985 году семья переезжает в Ульяновск, где Нина Еграшкина трудится на Авиастаре, а с 1996 года она – сотрудница чувашской газеты “Канаш”. Участница Всероссийской выставки учебных заведений РСФСР “Школа - учитель – искусство” в 1983 году, областной выставки “Край Тюменский” (1985 год), Ульяновской областной выставки в честь 150-летия со дня рождения И. Я. Яковлева в 1998 году, выставки-фестиваля “Многонациональная культура Ульяновской области” в 1999 году. 14 февраля 2002 года состоялась персональная выставка художника, посвященная двадцатилетию творческой деятельности.

Нине Еграшкиной

*Люблю, когда раскаты грома
По кругу ходят надо мной,
И гуси белые у дома
Застыли в страхе пред грозой.*

*Вдали, над речкой голубую
Сверкают молнии клинки,
И небо, стянутое мглой,
Кромсают словно на куски.*

*Хочу, чтоб этот миг прозренья
Увидел свет на полотне,
В твоей мечте, в твоих твореньях
Чтоб новый мир открылся мне.*

*Пройдет гроза – земля ликует,
Бушует белая метель,
И май нам нежности дарует,
Что не успел дарить апрель.*

*На берег выйдет Та, с косою,
И вспомнит, как честь сберегла,
В саду, где хмель цветет весною,
Ему как сердце отдала.*

КОГДА ЦВЕТЕТ ХМЕЛЬ

Вера Егоровна была бесконечно рада, что дочь провалила вступительные экзамены и вернулась домой.

– Слава богу, - не скрывала она радости и затеяла пироги. - Моя первая помощница, без нее мне не справиться с такой оравой. Кормить, обувать, корову доить, стадо выгонять. Слава богу, что не прошла.

Настораживало ее лишь душевное состояние дочери. Всегда веселая, бойкая, а тут будто подменили. Стала неразговорчивой, хмурой, скажет слово - умолкает на весь день. Совсем одичала. Вчера пришел Алексей, а она даже не показала. “Никого не хочу видеть”, - отвечает матери и закрывается в своей комнате. “Он тебе жених, - старается успокоить ее мать, - а с ними надобно обращаться вежливо. Не то они...” “Мама, мой жених служит в армии. Вернется через два года и мы...”

Она знает, что дочь ее разыгрывает, но воспринимает ее байки на полном серьезе. “Хорошо, хорошо, доченька, пусть он служит себе, а ты Алексея не отталкивай, парень он хороший, простой и...” “Мама, очень прошу - не говори мне больше о женихах!”

Мать умолкает и уходит на кухню.

На следующий день, когда рассвет проник в окна домов, а на дворе закукарекал первый петух, Нина загнула за спину котомку и пошла на большак. Чтобы мама не беспокоилась, на столе оставила записку. Так и едет, еду в районный центр. Не переживай, мол, и не

осуждай. Устроюсь на работу - сообщу.

Она поднялась на холмистую местность и оглянулась. В низине, вдоль небольшой речушки, прижавшись друг к другу, раскинулись деревянные дома, а за околицей села, в лучах восходящего солнца, сверкает неподвижная гладь воды в пруду. Нина глубоко вздохнула и поправила косынку. Прощай детство!

Узкая тропинка петляла меж сосен и берез, пока не запахло орешником. Массив, приткнувшийся к тракту с западной стороны, весь усеян кустарником. Ядра еще не поспели. Пройдет недели две, и лес заполнится голосами детворы, женщин и старух, которые в плетеные корзины будут собирать плоды деревьев, которыми полон весь окрест. А пока тут тишина, и лишь птицы порхают меж ветвей да белки пугливо выглядывают с вершин.

Год для Нины прошел в мучительных раздумьях и переживаниях. Она устроилась санитаркой в районной больнице. Работы не чуралась, но обида не проходила. Старший брат Михаил в следующем году получит диплом, даже Виктор, второй брат, перешел на третий курс, а ей нужно ждать еще целый год, чтобы сделать новую попытку на счастье. Молодежь просто озверела - на одно место восемь кандидатов! Будто нет других факультетов. Она понимает, что рассуждает не совсем правильно, но ей все равно, что и как она думает.

Вот и лето на исходе. Солнце показалось за лесом, когда "кукурузник" поднялся в небо и взял курс на столицу Чувашии. Нина ехала в хорошем настроении, но на обратном пути ее словно подменили. Сдала все экзамены, но снова не прошла по конкурсу. Трудно найти слово, которое может раскрыть состояние ее души. Ей казалось, что несчастнее ее на свете никого нет. В голову приходили

дурные мысли, но от них она быстро освобождалась. Представила, как обрадуется мать, когда она снова окажется на пороге дома. Виктор, конечно будет молчать, а Миша снова будет ее успокаивать, - еще не вечер, у тебя все впереди и все в таком духе. Нет, домой она не вернется. Видели от знакомых глаз легче пережить беду. В больницу тоже нет смысла возвращаться - как она посмотрит на тетю Маню или Ирине в глаза? Они наверняка думают, что она студентка педагогического института.

В семейном кругу. Анатолий Еграшкин и Нина Еграшкина с сыновьями Димой, Максимом и Илюшей.

Еще один год - год переживаний и несбывшейся мечты - лег на ее плечи. Прошла курсы и встала за прилавок. Каждый день общаешься с людьми, изучаешь их характер - о, какие они разные! - и забываешь, что ты прошла испытание трудностью. Давно бросила кружки,

не слышно ее голоса на сельской сцене, словно выжимала из себя самое святое, что заложено в твою душу. А ведь была первой заводилой, участвовала во всех спектаклях, ездили по соседним селениям, пели и плясали. Ей нет еще и двадцати, а она отказывает себе в тех радостях, без которых девичья душа завянет. Кое-кто стал ее уговаривать отказаться от мечты, - на свете много, мол, профессий. Но она настроена решительно - только учительницей, буду учить детей рисовать! Неспроста ей с детства привили любовь к красоте. Учитель рисования Анатолий Михеевич Грибов имел особый подход к детям, терпеливо учил каждого держать кисть в руке, объяснял, как важна композиция, учил терпению и выдержке. Когда наступали теплые весенние дни, выходили на природу. Любимым местом был небольшой склон около деревянного моста. Река Урпаш неторопливо несет воды куда-то вдаль, а девочки и мальчики занимают пологий берег. Склонились к воде плакучие ивушки. День солнечный, и Анатолий Михеевич показывает, как лучше запечатлеть отражение дерева на воде. Дети начинают понимать тайны искусства и красоты. Скоро ленинские дни, и они с нетерпением ждут праздника, когда в школе откроется выставка их работ.

Не знаю, считала или нет Нина Разумова, что тяга к искусству заложена в ее генах, но в терпении и дерзости ей невозможно было отказать. Еще в пятом классе она набралась смелости и отправила в республиканскую газету "Голос пионера" рассказ и иллюстрацию к нему под названием "Летающие яблоки". На ней были нарисованы снегири на яблоне, которые вот-вот готовы вспорхнуть и улететь в неведомые края. К ее удивлению и радости, и

рассказ, и рисунок увидели свет. Это был первый успех, и это она приняла спокойно, что совсем не характерно детскому нраву. К тому времени кумиром ее был отец - Никита Гаврилович. Не только потому, что славился как художник-самородок. Он был отважным человеком и в трудные минуты жизни никогда не терял силу духа. Когда в 1932 году раскулачили и отправили их семью в Сибирь, шестнадцатилетний Никита скрылся в неизвестном направлении. Без средств существования он проделал несколько сот верст пешком и очутился на нижегородской земле. Добрые люди его не выдали, и скоро беглец привлек внимание своим искусством. Он копировал картины Репина, Шишкина и других известных живописцев, которые успешно реализовывал. Жить-то надо! Началась война, и Никита Разумов с первых дней ушел на фронт. Дошел до Берлина и вернулся домой победителем.

Как говорят спортсмены, Нина Разумова взяла высоту с третьей попытки. В 1977 году она становится студенткой Чебоксарского педагогического института имени И. Я. Яковлева. Наконец-то она почувствовала себя человеком, хвалила себя, что первые трудности ее не выбили из колеи. Учебные занятия еще не начались, и студентов отправили в колхоз на уборку урожая. Кто рыл картошку, кто сжигал солому в поле, а Нина попала в группу, которая собирала хмель. Не успели девушки прибыть на место, как принесли короба. Объяснили что и как. Нине сбор хмеля не в новинку. Она повесила на шею короб и скрылась меж кустарников. Урожай в тот год выдался на славу. Хмелевые бутоны, что сосновые шишки - крупные, тяжелые. Вдруг над лесом нависли темные тучи. Природа замерла в ожидании бури. Смолкли

птичьего голоса. Взвилась глыба пыли, закружилась, завертелась и ушла прочь. За ней поднялась буря. Неистовая, неугомонная. Прибежал парень и крикнул на весь лес:

– Девушки, кто из вас хочет пойти со мной? Нужно срочно завязывать мешки и отправлять на сушилку!

Ему никто не ответил. Парень постоял немного, развел руками и посмотрел на черную лавину, нависшую над лесом. Он шел понурился, не зная, что предпринять, как услышал за собой тихие шаги. “Значит, у кого-то проснулась совесть”, - подумал он, но не оглянулся. Временами ему кажется, что девушка нарочно сильно наступает на жухлую траву, чтобы привлечь внимание студента-однокурсника, которого избрали вожаком в студенческой бригаде. Но он не оглянулся, а когда пришли на место, встал у мешка, полного хмеля, и стянул кромки двумя руками. Нина поняла, что она должна завязать веревкой. Наклонилась, достала бечевку и осторожно затянула, боясь дотронуться до его рук. Нина снова нагибается, достает тонкую веревку и выпрямляется. Стан у нее тонкий, словно ствол молодой березы.

– Поменяемся, - произносит тихо студент.

Нина тонкими пальцами обхватывает мешок, а он сильными руками закручивает бечевкой. Работа спорится.

– Скоро пойдет дождь, - нарушает тишину девушка и поднимает руку ладонью к небу.

– Дождя не будет. Он прошел стороной, - промолвил он и глубоко вздохнул. - Спасибо за помощь. Я бы один не справился.

– И все? - улыбается Нина.

– Ах, да! - спохватился студент и протянул руку. -
Голос Анатолий Еграшкин.

Голос у него мягкий, глаза голубые, можно утонуть.

– Нина Разумова.

– Кстати, ты не знаешь, когда цветет хмель?

– Ты что, не из наших краев? В Чувашии почти в каждом селе выращивают хмель. А цветет он... Вряд ли кто видел, когда он цветет. В середине июля появляются красивые бутоны, которые медленно и нежно распускаются. В нашем селе в это время справляют большинство свадеб.

Она посмотрела ему в глаза и почувствовала неудержимую силу притяжения. Тут же опустила голову, но удивительно голубые глаза врезались в душу.

Пройдут годы, и они частенько будут вспоминать день, когда вместе с мешками завязали и свою судьбу. Закончился первый курс, а когда началось цветение хмеля, состоялась свадьба. Ректорат института выделил молодоженам комнату в семейном общежитии и предложил бесплатную путевку по реке.

– Наш подарок, - сказал ректор. - Медовый месяц проведете на Волге. Каюта на два места. Казань, Ульяновск, Куйбышев, Саратов, Волгоград - каждый город является мечтой для путешественников. Лучшего отдыха не найдете.

Но молодожены отказались от сказочного путешествия и решили медовый месяц провести в составе строительной бригады. Они не представляли себя вне студенческого коллектива. Пять лет пролетели быстро. Нина была старостой класса и все годы получала повышенную стипендию. Настал самый ответственный момент – защита дипломной работы, которой

предшествовал огромный труд. Необходимо представить около ста этюдов и набросков, организовать персональную выставку, обдумать весь процесс защиты, где есть, конечно, место полету творческой мысли. Нина готовится основательно и серьезно. Экзаменационная комиссия сидит за огромным столом, на котором вазы с живыми цветами и минеральная вода. В составе комиссии двенадцать человек во главе с заслуженным художником Николаем Овчинниковым. Гобелен “Чувашский хмель”, как и другие дипломные работы, висит на видном месте. Нина слегка волнуется, но излагает свои мысли ясно и четко. Дипломный руководитель Александра Ильбекова спокойна, но и она наверняка не могла предвидеть, что работа ее ученицы в том же году будет представлена на Всероссийскую студенческую выставку в Москве и Нина Разумова станет дипломантом престижного смотра “Школа - учитель - искусство”.

Молодых людей всегда тянет к романтике, и выпускники были рады, что получили направление в Сибирь. Работали недалеко от Тюмени, сначала в Новозаимкинской, а потом в Падунской средней школе. Начинали с нуля, а оставили после себя добрый след. Открыли художественную мастерскую, организовали кружки по изобразительному искусству, ткачеству, кройки и шитья. Красив сибирский край, но родные берега неумолимо тянут к себе. Такова человеческая психология. Вопрос о месте жительства не стоял - на заволжской стороне Ульяновска вырос новый город с современной индустрией. Устроились на Авиастаре. Анатолий стал работать в художественном цеху, а Нина - дизайнером по оформлению подъездов домов, детских садов, красных уголков, актовых залов и школ. Постоянно участвовала

и областных конкурсах по эстетическому оформлению интерьеров жилых и общественных зданий и занимала призовые места.

В газету “Канаш” она вдохнула новое веяние оформительского искусства. Страницы ее как бы обрели новое дыхание, от них повеяло свежестью и гармонией. Часто пишет рассказы, смешные истории, ведет юмористическую рубрику, является членом литературного объединения “Зарница”. Десятки книг местных авторов, вышедших в издательстве “Симбирская книга” и “Печатный двор”, проиллюстрированы ее кистью и получили высокую оценку специалистов.

Галант Нины Еграшкиной, как художника, раскрылся, на мой взгляд, в последнее десятилетие, когда она серьезно стала заниматься живописью. Трудолюбие, аккуратность, целеустремленность и накопленный опыт дали хорошие всходы. С ее полотен веет светлыми красками, словно пошли весенние молодые побеги, то ли это пруд со стаей гусей, то ли сельская идиллия, то ли шумный лес, чувствуешь себя частицей родной природы, словно ты когда-то уже прошел по этим местам.

Особый интерес представляет портретная галерея. Сила их, как мне кажется, в точной передаче характера человека. Я готов отказаться от оценки, если бы не знал характера тех лиц, кто позировал ей в период творческого вдохновения. Остановлюсь лишь на одном творении. За столом, слегка выпятив грудь, сидит человек, который всю жизнь занимал важные посты. Душой добр, общителен, понимает шутку и сам любит балагурить, чуточку аристократичен, чуточку честолюбив, но лишен зависти и двойной морали. Это – Владимир Ильич Суяев. Портрет точно и глубоко раскрывает его душу,

тонкие черты его нрава, выполнен с большим художественным вкусом и мастерством.

Галерею продолжают портреты Олега Мустаева, Анатолия Дмитриева, Альбины Степановой, Валериана Ромашкина, Анатолия Еграшкина и, конечно, его сыновей - Дмитрия, Максима, Илюши, которые являются первыми ценителями и критиками ее творений. Они на это имеют право. Старший идет по стопам родителей и делает первые успехи, получает немало заказов и охотно их выполняет. Но художественная галерея Нины Никитичны, как она сама считает, начинается с полотна “Чувашский хмель”. На фоне светло-голубого цвета девушки в национальной одежде собирают хмель, а одна держит в руках ковш с чувашским пивом – символ доброты и гостеприимства чувашского народа. Окаймляет гобелен темно-зеленый орнамент с хмелевой лианой.

Н. Еграшкина. “Зима”.

**КИСЛИНСКИЙ
ВАЛЕРИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

**Член
Союза журналистов
России.
Отличник народного
просвещения РСФСР**

Родился 8 июня 1942 года. В 1960 году окончил Ульяновский ордена “Знак Почета” педагогический институт имени И.Н.Ульянова. Работал учителем. С 1973 по 1983 год возглавлял педагогический коллектив Новоульяновской средней школы №3. Работал в Германии. В последние годы трудился инспектором Ульяновского района, журналистом, учителем.

Проживает в Новоульяновске.

Валерию Кислинскому

*Весна и нежные тюльпаны,
Как купол небо в синеве.
Но вновь страну терзают раны,
И вновь Наполеон в Москве.*

*Беда внезапно и нежданно
Прошла зловещей полосой,
Затмила подвиг предков наших,
Стоявших насмерть под Москвой.*

*Народа голос утихает,
Разорвана дел славных нить,
Но совесть снова призывает
Нас подвиг дедов повторить.*

*И мы горды, что к стройкам века
Причастны были. И в борьбе
За честь и славу человека
Слагали песню о тебе,*

*О, родина! Нет, не смирится
Душа у гордых россиян,
Пока в плену, как враг, томится
Один из праведных славян.*

*Мы были сильными. Отныне
Россией правит дядя Сэм,
Грозится бурей в пустыне,
А наш Иван и глух, и нем.*

*Отчизной больше не гордимся.
Но слышен колокольный звон.
Судьбе на милость не сдадимся,
Пока в Москве Наполеон.*

ДУШОЙ И СЕРДЦЕМ КОММУНИСТ

Льдины громоздились у берега. По фарватеру великой русской реки двинулись первые пароходы. Валерий Кислинский любит ходить на берег перед закатом солнца, когда волжская гладь покрывается красным отливом, а по небу плывут первые весенние облака. Он долго смотрит на уходящие за горизонт дали, а ветер буйствует в голых ветвях деревьев, бесцеремонно западает под плащ и обнимает тело.

"Как же так, – думал он в один из таких вечеров на волжском обрыве и чувствовал, как под кепкой шевелится седеющие волосы. – Те, кто яростно защищал социалистическую систему, сейчас не менее яростно борется за утверждение буржуазной диктатуры. Действуют хитро, коварно, нагло. Убеждения продают за власть и капитал. Делают свое грязное дело под лозунгом борьбы за справедливость и защиты трудового народа".

С неба посыпались колючие крупинки снега, будто тараторили тяжелые жернова. Снежная пелена покрывала чернеющие проталины и тут же растворялась. Кислинский поднял воротник. Издалека он походил на памятник. Прямая, как доска, спина придавали его фигуре монументальный вид. Он не похож на бывших партocrats не только потому, что никогда не числился в партноменклатуре и не сидел в партийном кресле. Он никогда не заглядывал в партийные кабинеты с

Но он
очень

просьбами, не писал жалоб. Сталкивался с партийными чиновниками лишь в жарких дискуссиях, во время которых умудренные опытом изворотливые партократы пытались казаться даже грамотными. Валерий Васильевич почему-то верил, что в партийном доме сидят люди убежденные и преданные делу Ленина, что никакие испытания и пытки не могут поколебать их веру в коммунистическое учение. Стиль работы некоторых партийных чиновников его не сильно волновал, поскольку считал, что высокомерие и чванливость их вызваны особенностями времени. На самом деле они были заложены в их характере. "Пройдут годы, на планете установится коммунизм, – размышлял он десять лет тому назад, – нравственные принципы станут нормой жизни. Партия и государство исчезнут и на смену придет самоуправление народа. Тогда не будет никаких причин для появления комчванства".

Кислинский стряхнул снежную крупу с плеча и нахмурился: "Каким же я был наивным и доверчивым?!"

Тяжелые раздумья раздирали душу. Вчера хозяин района Гавриил Орешкин стоял в фойе Дворца культуры и, широко расставив ноги, кого-то ждал. Увидев Кислинского, поднял правую руку и указательным пальцем поманил к себе.

– Передаю тебе просьбу губернатора, – сказал он без предисловия.

Кислинский насторожился.

– Слушаю, – ответил спокойно и отвел взгляд в сторону.

– Юрий Федорович хочет, чтобы ты был его

доверенным лицом.

Кислинский посинел, будто его облили краской. Сердце заплясало, как барабанная дробь. Горло пересохло, и он еле выдавил:

– Как же так, Гавриил Алексеевич? Войдите в мое положение. Я же...

– Это твоя проблема, – не дал досказать глава района и удалился.

Кислинский быстро пришел в себя. Выпрямился, поправил галстук и вышел на улицу. Перешел площадь и очутился в аллее Героев. Сел на скамейку, вынул сигареты и задымил. «Однако ж, почему его выбор пал на меня?»

Однажды, в далекие времена, заглянул в село, где вожаком сельской молодежи был Валерий Кислинский, областной комсомольский лидер Юрий Волгин. Нашел секретаря на полевом стане, похвалил за работу, слегка пожурил за то, что медленно растет комсомольская ячейка. Потом, хлебая полевую похлебку, приговаривал: «Надо же – в космос запустили первый спутник земли. И это сделала наша страна – великая держава Ленина. Скоро мы станем свидетелями исторического события, когда в космос полетит человек. Уверен, что это будет советский человек. Коммунист».

К кирзовым его сапогам прилипла полевая пыль. Под большими карими глазами залегли синие тени – признак бессонных ночей и усталости. «Миг встречи и вперед на целый год», – сказал тогда Кислинский и был бесконечно горд, что у власти стоят такие простые, но одаренные люди.

Годы не внесли коррективы в характер человека,

который, как считал Кислинский, по праву стал губернатором. Но нынче Валерий Васильевич глубоко задумался. Почему всеобщий любимец резко изменил свое отношение к нему, как к члену партии? Было бы полбеды, если дело касалось только одного человека. В понимании Кислинского, губернатор обязан был пригласить его на беседу, уяснить обстановку, его отношение к партии, в конце концов – спросить его желание стать доверенным лицом. Этого требует элементарная этика. А он передает просьбу (не просит, а требует!) через третье лицо. Что это – неуважение? Юрий Волгин, лидер коммунистов, который учил членов партии к дисциплине, требовал от них выполнять уставные принципы и партийную этику, сейчас своими действиями ставит крест на светлые партийные ценности и ведет себя как местный князь. Я, мол, хозяин, а вы должны вокруг меня плясать. “Значит, обстоятельства сильнее, чем люди! Обстоятельства меняют людей по своему усмотрению. Меняют их убеждения и переделывают, как им заблагорассудится!” – думал Кислинский, и мурашки проползали по его спине.

Прошли годы, Кислинский научился оценивать людей не по словам, а по делам. Время перестройки заставило его по другим меркам подходить к тем, кто называл себя коммунистом, но борьбу за коммунистические идеи видел не дальше своего носа. “Конечно, губернатор – не идеал, – думал он наедине. – Имеются у него и ошибки, и промахи, но Юрий Волгин всю свою энергию отдает служению людям. а коммунисты...” Ему не хочется называть их коммунистами, ибо знают они лишь одну тактику–

наступать. Для истинного коммуниста этого мало. Он обязан владеть всеми видами борьбы: идти на компромиссы, на соглашательство, если надо – отступать, не сдавая, безусловно, главных позиций, уметь использовать слабые точки в стане врага, искать союзников для достижения главной цели.

За последнее время Валерий Кислинский часто обращался к трудам Ленина. Его советы, предостережения, требования звучали в нынешних условиях особенно весомо и актуально. Вот и сегодня подошел к книжной полке и, открыв двадцатый том вождя, последовал за ленинской мыслью. “Победить можно только при осторожном и умелом использовании всякой, хотя бы малейшей возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного, – делая на каждом слове ударение, прочитал Кислинский. – Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме”. “Тот не понял ни грана в марксизме”. – повторил про себя и добавил: “Симбирские коммунисты не поняли ни грана в марксизме, значит, они не имеют права называть себя коммунистами. Они просто члены партии, числящиеся в списке”.

Кислинский закрыл ленинский том и долго держал его в руке. Открыл снова и медленно стал читать: “Никуда не годны политики, которые не умеют преодолеть лавирование, соглашательство, компромиссы...” Повернул книгу открытыми страницами вниз и аккуратно положил на стол. “Не годны, не годны, не годны”, – назойливо стучали слова в голове. “Нет, наши симбирские вожди далеки от ленинской

диалектики и не могут называть себя коммунистами. Самое большее, не что они могут претендовать...". Задумался. "Поддержать на губернаторских выборах кандидатуру Хазарова... Карьериста, интригана, предателя, сумевшего за годы перестройки превратиться в крупного капиталиста! Мы возрождали партию, а он считал народные деньги в сбербанке. А когда набил карманы, прибежал к коммунистам."

Кислинский отказался собирать подписи в пользу Хазарова. Завтра на партийном собрании ему придется выдержать еще один неравный бой.

Коммунисты шли на партийный форум с уверенностью в победе и не сомневались, что Кислинский будет исключен из партии. Но в ходе дискуссии выяснилось, что противники нажимного стиля твердо придерживаются линии на сохранение и укрепление партийных рядов. Голосование не выявило перевеса ни одной из сторон, но равновесие не входило в планы районного вожака. Чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля, она берет руководство собранием в свои руки и снова ставит вопрос на голосование.

Коммунисты стали дергаться и нервничать, когда пошел пятый круг.

– Так можно просидеть до утра, – не выдержал один из старейших партийцев Александр Иванов и поднял руку за исключение Кислинского из рядов партии.

Тамара Негеева в восторге. Вот она – сила партийного единства!

– Необходимо сформулировать причину, из-за которой человека лишаем партийного билета, –

подняла голос Нина Варенникова, которая все это время сидела, низко склонив голову, и задумчиво молчала.

– Напишем так, – глубокомысленно начала партийный вожак и выпалила: “За нарушение партийной дисциплины”.

– В чем оно выражается ... нарушение партийной дисциплины? – не унималась Нина Варенникова, которую приняли в партию совсем недавно.

– Ничего не нужно добавлять, – в приказном порядке прозвучал ответ. – Кому надо – поймет.

Валерий Кислинский был спокоен.

Он покинул Дворец культуры, где проводилось собрание, и двинулся к памятнику Ленина. Осенний ветер кружил пожелтевшие листья и застилал ими асфальтовую дорожку. Солнце ушло на закат и светило ему в спину. Валерий смотрел на длинную тень своего туловища, на которую наступал постоянно, а она все тянула его неведомо куда. Наконец он повернул с дорожки и остановился у последней скамейки, стряхнул с нее кленовые листья и устало сел.

Валерий Кислинский имел чувствительный характер и в любой ситуации, где кипели страсти, относился болезненно. Порою его покидала сила воли, и на ум приходили невероятные мысли. От жизни он ничего не требовал и всегда старался быть на высоте нравственных требований. Но несправедливые упреки в его адрес выводили его из равновесия, что не оставалось незамеченным не только его друзьями, но и противниками, которые не скрывали своей внутренней радости, видя товарища по партии в удрученном состоянии. Недавно он похоронил мать -

истинную коммунистку. Она жила в деревне одна, в захудалом деревянном домишке, где было несколько соток земли, две курицы и кошка. На приглашение сына всегда отвечала отказом, - таково старшее поколение, не хочет оторваться от земли, где они родились, а может быть, не желают стать обузой. Когда стало невозможно, Валерий привез ее в Новоульяновск. Она уже не могла двигаться, тяжело дышала и первая просьба к сыну прозвучала странно и неожиданно даже для Валерия.

- Сынок, - сказала Вера Степановна обессилевшим голосом, - достань мой партбилет и отнеси в партийную организацию. - Пусть поставят меня на учет. И не забудь заплатить взносы.

Через неделю Вера Степановна умерла. Она была для сына идеалом. Отца он не помнит. Ушел на фронт, хотя была бронь. Жена добилась, чтобы Василий Кислинский не засиделся в тылу, дабы не было стыдно за него потомкам. Он пошел в военкомат и ушел на войну добровольцем. Не вернулся, пропал без вести на подступах к Ленинграду.

Валерий обожал мать за доброе сердце и твердость духа. В 1960 году он поступает в Ульяновский педагогический институт и становится литератором. В армии служили со студенческим другом Юрием Горшковым в одной роте. Когда подходил срок демобилизации, друзья решили обратиться в облоно с письмом. Так и сяк, скоро кончится армейская служба и мы хотим работать в одной школе. Надеемся, что будем трудиться в селе, где шумит лес и течет река. Когда сняли военную форму, поехали по адресам, которые им дали в народном образовании. Приехали

в село Студенец, что в Тереньгульском районе, и пришли в восторг - красота кругом! Но тут случайно встретили в городе Анатолия Макеева, которого хорошо знали по институту. Энергичный, деловой, умеет убеждать. Он зовет их к себе, в Сурский район, в село Кизянь, где он директорствует. Лучшего места на свете нет, - река Сура, где полно стерляди, а в лесу грибы да ягоды. Золотые горы не обещал, но убедил, что троим работать будет куда интересней. Прошел год, Анатолий Филиппович оставил директорское кресло и куда-то уехал. К их удивлению, на следующий год он снова приехал к друзьям и уговаривал их приехать в Новоульяновск, где он работал директором школы. Так и сяк, мол, нужны талантливые педагоги. Убедил!

В Новоульяновске Валерий Кислинский встретил Юрия Горячева, который возглавлял Ульяновскую партийную организацию. Беседа была короткой - занял кресло инструктора райкома партии. Но тут проявил характер председатель Новоульяновского горсовета Геннадий Филиппович Скрыпник, который добился, чтобы Кислинского вернули в город - строится новая школа, а директора нет. Горячев и не протестовал. На то и райком, чтобы ковать кадры.

В 1973 году Валерий Васильевич возглавляет педагогический коллектив Новоульяновской средней школы №3, а через десять лет уезжает в Германию, где ему доверяют руководство всеми школами, которые находились на территории советских войск, дислоцировавшихся в братской стране. Двадцать шесть школ и все являются средними! Третью школу он оставил с замечательными традициями. Создал уникальный литературный музей, где были собраны

творения великих мастеров слова - писателей и поэтов - лауреатов Ленинской и Государственной премий, с личными дарственными подписями авторов, построил оранжерею, завез триста кроликов и поставил трудовое воспитание на практическую почву. Когда вернулся на родину, перестройка находилась в эйфории. Валерий Васильевич с ужасом смотрел на тех, кто выкидывал партийные билеты. Обидно было не потому, что покидали партию, а потому, что в советское время из их уст беспрестанно вырывались возгласы о чести и достоинстве коммуниста, о личной преданности партии. А когда пришло время испытаний, оказались предателями.

... Валерий Васильевич не знал, сколько времени просидел на скамейке. Холод стал подкрадываться под драповое пальто, а сумерки густо ложились за город. Зажглись фонари и осветили площадь. Он постоял около памятника Ленина и двинулся в сторону дома.

Жена встретила его с некоторой тревогой. Она уже знала, чем закончилось собрание. Звонила Антонина Бригида, которая сообщила, что все больше разочаровывается в новоульяновских партийцах, а Валерия Васильевича считает истинным коммунистом. Прошла неделя, и Кислинский узнал, что вышел из партии Вадим Аверкин. В своем заявлении он написал: "Мой уход из партии - это протест и знак солидарности с теми, кто выступает против волевого стиля областного коммунистического руководства и подвергается за это гонению".

Валерий Васильевич сильно переживал исключение из партии. "За что?", - задавал он себе вопрос и ответа

но находил. Аверкин его понимал, а Александр Смирнов требовал от него заявления, в котором он должен просить восстановления в партии.

— Почему отказываешься от апелляции? - спрашивал он при встречах. - Я тебя перестану уважать.

- Но я ни в чем не виноват, - оправдывался Кислинский. - Они должны восстановить меня без заявления, если у них имеется хоть чуточку совести.

- А ты напиши, что виновным себя не считаешь и просишь пересмотреть решение первичной организации.

Мысль легендарного партизана, ветерана партии с шестидесятилетним стажем понравилась Кислинскому и на стол вожака новоульяновских коммунистов легло заявление.

Собрание состоялось в один из февральских дней, когда температура воздуха поднялась выше нуля и на асфальте появились лужи. Хрустальные сосульки повисли на водосточных трубах и с них звонко капала вода. В воздухе повеяло ранней весной. Валерий шел на собрание в приподнятом настроении, вошел в кабинет и поздоровался. Его удивило, что на собрание явилось одиннадцать из тридцати с лишним членов партии. Но собрание открыли, хотя до кворума было далеко. Нарушение уставных требований давно стало для новоульяновских партийцев нормой партийной жизни, но это никого не смущало.

Собрание проходило бурно. История повторилась. Как и год назад, члены партии разделились на две части - сторонников и противников.

— Мне хочется узнать, - сказал Кислинский, когда ему предоставили слово, - по какой причине меня в

прошлый раз исключили из партии.

Партийный вождь стал листать протоколы и, найдя нужное место, прочитал: "За нарушение устава партии".

— За нарушение устава партии и партийной дисциплины, - повторил он снова и победоносно посмотрел на Кислинского.

— Я бы хотел узнать конкретную причину, а не общую фразу.

И тут все стали вспоминать, какие события предшествовали собранию, на котором исключили из партии непослушного коммуниста. Одни говорили, что Валерий Кислинский согласился стать доверенным лицом Юрия Горячева, другие приписывали ему вину отказ собирать подписи в пользу кандидата в депутаты от местных коммунистов.

У Кислинского за все это время не сходила с лица улыбка, что еще больше раздражало его противников, которые открыто высказались за то, чтобы он переписал заявление и признал свою вину.

— Я не виновен, - тихо и четко заявил он и почувствовал, что эту фразу он где-то уже слышал или читал, но где - вспомнить не мог. Ему стало не совсем по себе, что использовал в защите своего достоинства и чести чужие мысли. Но от этой фразы он не мог отказаться и заявил более твердо и жестко, что заставило партийного вождя нервно стучать по столу карандашом. - Не виновен, и вы об этом знаете не хуже меня.

Поставили на голосование. Голоса разделились поровну - пять на пять, а Людмила Дроздова воздержалась. От повтора отказались и решили вернуться к этому вопросу через две недели.

Валерий Кислинский вышел из кабинета с гордо поднятой головой. Он даже при чувствительном нраве принадлежит к когорте людей, у которых независимость заложена в характере. Он не любит кривых дорог, - честность и прямота составляют стержень его личности. Он делал удивленные глаза, когда за честность его журили. Он изрядно возмущался, когда за прямоту ему закатывали выговор. Его нервные клетки, как струны гитары, чуть заденешь - зазвенят на тысячи звуков. Но жизненные жернова его не смогли перемолоть - Валерий Кислинский остался верным раз и навсегда выработанным нравственным принципам. Его исключили из партии, вычеркнули из партийного списка, но никогда не смогут лишить звания коммуниста, ибо ленинские идеи лежат в его сердце. Он был и остается коммунистом!

НИКИТИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

Почетный работник общего образования Российской Федерации, директор Зеленогорщинской средней школы

Владимир Никитин и Галина Никитина с сыном Сережей.

Родилась в 1961 году в селе Шемякино Буинского района Татарстана. Окончила Сенгилеевское педагогическое училище и Ульяновский ордена "Знак Почета" педагогический институт имени И.Н.Ульянова. С 1981 года работает в Зеленогорщинской средней школе.

Награждена знаком ЦК ВЛКСМ. Лауреат областного конкурса "Учитель года - 95".

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЕНИКСА

Невольно вспомнил птицу - феникс, способную возродиться из пепла. Может быть, сравнение слишком громкое, но чем больше я изучал ее опыт, мысленно шел по ее следам, шаг за шагом раскрывая ее рабочую лабораторию, тем больше убеждался в ее феноменальности. Сколько надо приложить усилий, проявлять терпения, чтобы заново браться за язык, который изрядно уже подзабыт? Какая сила, какие чувства могли возвратить тебя к исходному рубежу и заново раскрыть волшебный мир родного народа, его историю и культуру, чтобы звучал щемящий душу язык далеких предков? Галина Михайловна на эти вопросы ответила сама. "Меня всегда волновала судьба моего народа. Почему его хают? Почему плохих людей в насмешку называют чувашами? Чем плох мой народ? Он древнее многих наций, а его трудолюбию можно только позавидовать, – руки его пропитаны потом," – вздыхает она глубоко и делает длинную паузу. Внутренне, видимо, думала, что вряд ли следует доверять сокровенные мысли человеку, с которым беседуешь в первый раз в жизни. Поймет ли он больные струны?

С ее лица исчезла улыбка, она стала

сосредоточенной и собранной. “Я никогда не скрывала своей национальной принадлежности. Горжусь, что я чувашка и стараюсь не ронять честь своей нации”, – слегка поправляет она волосы, нависшие над черными бровями.

Ее суждения, ее мысли – это сгусток, в котором отражается ее внутренний мир, ее нравственный начала. Посчастливилось ей побывать на Всесоюзном слете чувашских женщин, откуда привезла массу впечатлений и главное – веру в возрождение чувашского языка и чувашской культуры. Свои мысли изложила в статье “Чем мой народ хуже?” “Наши дети совсем не знают языка своих предков, правильно это или нет? – задает она вопрос. – Чего мы стесняемся? Чем мой народ хуже других? Или он не умеет работать? Или он не умеет дружить? Или он приносит вред кому-нибудь?” Именно эти мысли не давали ей покоя многие годы. В 1981 году приехала работать в Российскую среднюю школу. Село большое, словно притаилось под сенью деревьев. Посему и название получило романтическое – Зеленая Роща. На комплексе, в магазинах, на улице звучит чувашская речь. Но сколько она встречала людей, которые стесняются своей нации! Причина – не знают они величия своего народа, богатства его истории.

Перестройка дала нам не только печальные результаты. Она всколыхнула национальное самосознание. Тяга к своей культуре и языку приумножила силы тем, кого на Руси издревле называли просвещенцами. Галина Михайловна решила организовать фольклорную группу. Августовское

солнце уходило за горизонт, а молодая учительница все сидела за письменным столом и обдумывала план работы. Иногда бродила по узким лесным тропинкам. Тишина. Никто не мешает думать. Но мысли, словно камни, не дают друг другу простора. Скоро новый учебный год, а пока нет ни плана, ни материалов, ни методической литературы.

Но нет преграды тем, кто умеет творить. Все зависит от твоей инициативы, творческих замыслов, от того, насколько преданно служишь делу. Опыта ей не занимать. Главный принцип – всегда в поиске. Поставив цель, добивается ее осуществления без шума, но с большим упорством и настойчивостью. Ее опыт обобщали, оформляли в альбомах, о ней уже писали в газетах и журналах. В 1986 году ее доклад “Привитие навыков культурного чтения” получил первый приз на районных педагогических чтениях. Ей известны тайны педагогического труда, принципы и подходы. Но тут совсем другое дело. Чувашский язык она знала плохо. Все надо было начинать сызнова. Учить и учиться самой.

Именно в это трудное время посчастливилось ей встретиться с Верой Александровной Архиповой, методистом института усовершенствования учителей, которая не только поддержала идею, но и оказала неоценимую помощь.

Было бы примитивно, если я ограничился перечислением лишь тем в кружке “Чувашская национальная культура”. Я старался понять, почему именно данную беседу, данные средства и приемы взяла на вооружение учительница. Дети любят вести

полемику по теме, которая им знакома. В ходе суждений и споров они идут от простого к сложному, расширяя свой кругозор. У них появляется интерес. Первое занятие началось с беседы "Что мы знаем о Чувашии". Летом вся группа ездила в Чебоксары. Ребята посетили исторические места, ознакомились с достопримечательностями, встречались с известными людьми. И разговор, конечно, состоялся. Дети охотно вспоминали, что они видели, что осталось в памяти, и рассказывали на родном языке.

Цель достигнута – интерес у ребят зажегся. В тематике появляются И.Я.Яковлев, Сеспель Мишши, К.В.Иванов и его поэма "Нарспи". Галина Михайловна ставит цель – довести до сознания питомцев величие языка Константина Иванова, Сеспеля Мишши, Педера Хузангая, Леонида Агакова, Якова Ухсая. Она использует их творения, диапозитивы, слайды и иные средства для того, чтобы сделать доступными и разнообразными занятия.

Она знает душу каждого ученика. Ее человеческие качества – общительность, доступность, простота приобретают еще больший колорит, потому что они нацелены на питомца, на то, чтобы воспитать в нем патриота и гражданина. Поэтому каждое занятие она доводит до сильного эмоционального звучания.

В настоящий праздник превратилось изучение обрядов чувашского народа. На занятиях дети шили и вышивали. Появились национальные костюмы, головные уборы, фартуки, рушники. Исполняли свадебные песни и пляски, другие обряды. Есть и свой аккомпаниатор – баянист-Сережа Никитин.

Каждый учитель серьезно обдумывает итоговое

звонитие, которое становится венцом всего того, что сделано за год. Оно приносит не только моральное удовлетворение, но создает базу на будущее, вызывает у питомцев желание и дальше продолжить начатое дело. "Счастливым случаем" в этом плане был большим праздником для всего села. Национальные блюда, распродажа картин чувашских художников, выставка национальной одежды, игры – все это вызвало добрые чувства у участников. Центральное место заняла игра двух команд, в составе которых были и дети, и родители. Завершились торжества национальным чаепитием.

Учительский труд словно замкнутый круг. Каждый день – в четырех стенах школы. Каждый урок – своего рода стандарт. Каждый день – план урока, поиск литературы, проверка тетрадей и бессонные ночи. Чувствуешь, как уходят силы. Моральная перегрузка не поддается математическому расчету.

Все правильно. Но педагогический труд – это сплав многих известных и неизвестных, тайных и явных сплавляемых. Внутренний мир учителя богат. Как родник выдает чистую струю, так и учитель излучает добро. Проходят годы, и это добро возвращается к нему человеческими судьбами. Добро рождает добро. Галина Михайловна сама воспитывалась на добрых традициях, у добрых и вдумчивых педагогов. Первый ее директор Радик Николаевич Васильев воспитывал у своих питомцев чувство собственного достоинства, трудолюбие, умение преодолевать трудности. Пришло время – эстафету переняла его ученица Галина Михайловна Никитина, которая создает свой образ жизни счастья.

**НИКОНОВ
ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВИЧ**

*Кавалер ордена Почета,
Заслуженный работник
сельского хозяйства
Российской Федерации,
директор акционерного
общества “Тетюшское”*

Родился 9 апреля 1950 года в селе Старая Майна Старомайнского района Ульяновской области. В 1972 году окончил Ульяновский сельскохозяйственный институт и получил специальность ученого агронома. Трудовую биографию начал в Кузоватовском районе агрономом совхоза, а затем работал председателем сельсовета, управляющим отделением, заместителем директора совхоза. С 1980 года трудится в Ульяновском районе - директор совхоза “Красное знамя”, председатель районного агропромышленного объединения, директор акционерного общества “Тетюшское”.

Почетный гражданин области – занесен в Золотую книгу. Почетный профессор Ульяновской сельскохозяйственной академии. Девиз: “Жить - это бороться, бороться - это жить”.

Владимиру Никонову

*Когда идешь ты не спеши
По полюшку, где зреет колос,
Мой стих лишь повод, чтоб душа
Твоя услышала мой голос.*

*...Передала весне права
Метель, что в марте отгуляла.
Взошла зеленая трава,
Что в поле пахаря встречала.*

*С тревожной грустью смотришь вдаль,
А там - Россия на ладони,
В душе твоей тоска-печаль,
И от тоски она и стонет.*

*Пришла весенняя страда,
Красивы зори на рассвете,
Но вянют уши от стыда,
Как будто ты за все в ответе:*

*За боль страны и за развал,
За то, что гнет крестьянин спину,
За то, что кто-то правит бал,
А Русь уходит глубже в тину.*

*Мой стих лишь повод. Но он станет
Пророком пусть моей мечты, -
Россия выстоит, воспрянет
Благодаря таким, как Ты!*

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

Пассажирский поезд “Ульяновск - Москва” тронулся от вокзала и медленно стал набирать скорость. Владимир Васильевич вышел в коридор и встал у окна. Перед глазами замелькали частные дома и березы вдоль железной дороги. “Окраина города”, - подумал он и вынул из кармана сигареты. За небольшой деревушкой взору открылись широкие дали. Окрест окутал легкий туман. От порывистого ветра паровозный дым разносило каскадом, ударяя то в окна вагона, то унося в неведомую даль. Вечерние сумерки незаметно спустились на землю, и небо стало розовым то ли от света фонарей, то ли от солнечного заката. Вчера стояла теплынь, а ночью ударил морозец, и деревья обросли лохматым инеем, который держался до самого вечера, придавая природе неопишемую красоту. Снег толстым слоем покрыл землю еще к Октябрьским праздникам, и в людях вселилась надежда на хороший урожай. Подготовка к весеннему севу идет полным ходом, но начальник районного управления считает лишь половиной дела. “Нужно менять структуру и методы руководства”, - думал он и часто заглядывал в литературу. Газеты и журналы пестрели сообщениями о передовом опыте, но ни один не просматривался в условиях района, где довольно сильно развита индустрия, а дыхание города чувствуется на каждом шагу. Прошло два месяца, как ему поручили возглавить

управление сельского хозяйства и все это время не давал покоя вопрос о реорганизации. Советовался с руководителями хозяйств, с опытными специалистами, которые нередко проявляли недовольство существующей системой, но конкретного предложения не вносили. Никонова стало покидать терпение, ночами плохо спал, много курил, но понимал, что доверие людей можно оправдать лишь смелой ломкой традиционных устоев. "Нужна строгая централизация в рамках района, рассуждал он, - но никакого ущемления интересов хозяйств и принуждения не должно быть". Идея была, а план реализации висел в воздухе. Он готов был отказать от навязчивой мысли, как однажды утром к нему прибежал кадровик и, еле переводя дыхание, выложил:

- Эврика! Это то, о чем ты мечтаешь!

Он бросил небольшую брошюру на стол и с видом победителя посмотрел на начальника. Никонов стал листать страницу за страницей и не заметил, когда покинул кабинет начальник отдела. Прочитал последнюю старницу, закрыл брошюру и провел рукой по обложке. *"Агропромобъединение "Новомосковское". Передовой опыт и перспективы развития"*, - произнес он вслух и поднял телефонную трубку.

- Николай Герасимович, закажите на фирменный поезд один билет на Москву.

- На какое число?

- На завтра, конечно.

В трубке послышался глубокий вздох:

- Владимир Васильевич, я понимаю тебя, но, как мне кажется, сначала стоит договориться. Если ты не против, я свяжусь со Стародубцевым.

– Не надо. Дело не терпит отлагательства. Думаю, оттуда с пустыми руками не вернусь.

“Конечно, с пустыми руками не вернусь”, - думал Никонов, стоя у окна вагона. В номер ему не хочется идти. Давно не находился наедине, когда тебя никто не тревожит, а стук колес лишь поднимает настроение. Из других купе люди постепенно стали выходить в коридор и выстраиваться вдоль стены, но они никакого интереса для не него не представляют. “Странный человек”, - произнес один солидный мужчина, когда на какой-то вопрос получил невнятный ответ. Он потерял счет времени, не знал, сколько стоит у окна, глядя в ночную темноту. Мог стоять еще, но резкий скрежет тормозов привел его в чувство. Он чуть качнулся и посмотрел по сторонам. В коридоре почти никого не было, и лишь около последнего окна, при выходе в тамбур, стояла молодая пара. Странный спутник машинально повернул голову в их сторону и тут же отвернулся. “А ведь мы тоже не замечали, обнимались, целовались и считали, что счастливее нас никого на свете нет”, - обрадовался он случаю, который напомнил ему молодость. Он снова посмотрел в окно, но мысли его заняли воспоминания. Познакомились они весной, когда яблони в белом цвету, а лунные ночи длились до утра. Он учился на четвертом курсе сельхозинститута, когда друзья настойчиво звали его на танцы. Володя Никонов не уважал шумные компании, любил уединяться и целыми днями коптел над учебниками. Но настырные уговоры возымели действие - тихий студент бросил книгу и молча последовал за ними. Никогда не думал, что судьба именно в тот вечер ожидала его на

танцплощадке. Он ее заметил в тот миг, когда музыка играла душевный вальс, а свет от лампочек падал только на ее лицо. Она стояла в окружении подруг и задумчиво смотрела на танцующие пары. Володя не сводил с нее глаз, но она заметила его лишь в тот момент, когда он оказался в двух шагах с вытянутой правой рукой. Он приглашал ее на вальс. Первое же прикосновение ее платья заставило сердце его биться учащенно. А в ответ нежно порозовели ее щеки.

Танцплощадка гудела и вздыхала, а они гуляли по тихим аллеям учхоза. На второй день объявил друзьям: "Она - моя!". Друзей слегка удивило безотчетное заявление, - они наверняка не верили в любовь с первого взгляда, но отнеслись к чувствам друга с пониманием. Еще больше удивило сообщение о том, что тихий Володя Никонов приглашает их на свадьбу, которая состоится не раньше и не позже этой осени.

В коридоре выключили свет, и лишь одна лампочка отливала тусклый свет на пустой проход. Никонов снова бросил взгляд в сторону, но молодой пары на месте не оказалось. Он чуть улыбнулся и нажал ручку двери вниз. В номере горели ночные лампочки, а на второй полке кто-то неистово храпел.

Из Москвы он вернулся окрыленным. Директор объединения "Новомосковское" принял его в последний момент - перед тем, как отправиться к самому министру. Когда секретарша сообщила, что в приемной ожидает еще один человек, голос его в приемнике прозвучал твердо и четко:

— Не могу, опаздываю!

— Василий Александрович, человек приехал с вдовы Ленина.

Наступила пауза. Директор, видимо, обдумывал выход из ситуации.

– С родины Ленина, говоришь? - наступила снова пауза. - Пусть войдет.

Когда Василий Александрович понял, что к нему приехал молодой руководитель, который готов продолжить его дело, поднял телефонную трубку и произнес:

– Свяжите меня, пожалуйста, с министром.

Стародубцев закрыл рукой трубку и доверительно сообщил: “Куй, пока железо горячо”.

– У провода Кулик, - послышался басовитый голос министра.

– Геннадий Васильевич, ко мне приехал человек, который представляет интерес для нашего общего дела и оставляет хорошее впечатление... Да, за опытом... Нет, с родины Ленина.

Стародубцев положил трубку и выпалил:

– Собирайся, едем к министру.

Наша справка. Кулик Геннадий Васильевич, министр сельского хозяйства СССР, впоследствии высоко оценил Никонова на посту директора совхоза. В знак признания его новаторства и выдающихся способностей он выделил ему в 1988 году машину “Волгу” последней марки. Министру принадлежат слова: “20000 таких мужиков бы по России, как Никонов...”

Им овладела твердая решимость реализовать опыт подмосковных новаторов в практику, который отвечал условиям Ульяновского района. Вернувшись из столицы, вошел в дом, толкнув дверь одной ногой. Бросил чемодан в угол и, обняв жену, долго держал ее

в объездах. Нина Михайловна поняла, что поездка была успешной, но кокетничала: “Что с тобой, Володя? Дети увидят...”. “А я их не стесняюсь. Хочу, чтоб они знали, что их отец не лыком шит”. “Перестань целовать, не то я заплачу от радости”.

В тот же день Никонов собирает директоров совхозов, председателей колхозов, аппарат управления и выступает с сообщением. Идея активу понравилась. Решили снарядить в Подмосковье делегацию, чтобы глубже познакомиться с опытом, определить главные направления, выявить положительные и отрицательные стороны, подготовить документы для юридического оформления.

Работа закипела. Никонов весь в движении. Упрощение сельского хозяйства превращается в штаб по реорганизации. Создается финансово - бухгалтерский центр. Избирается правление. Особое внимание уделяется самому узкому месту - переработке сельскохозяйственной продукции. 40-50 процентов выращенного урожая фруктов, картофеля, овощей пропадает из-за отсутствия перерабатывающей промышленности. Нужен единый процесс: производство - переработка - реализация. В Ишеевке начали строить магазин, который станет центром для реализации продукции. В перспективе предусматривается строительство таких торговых центров и в городе.

Руководители хозяйств по достоинству оценили новаторскую идею. Владимир Никонов убежден, что за агропромышленными объединениями стоит будущее сельского хозяйства, его рост и перспектива. Он четко запомнил наставления министра Кулика и новатора Стародубцева, которые утверждали, что новая форма

разрешит многие противоречия и откроет простор производственным отношениям. Вышло постановление Совета Министров СССР, и Ульяновское районное объединение получило постоянную прописку.

**Владимир Васильевич в зале чествования
передовиков производства.**

Новаторство Владимира Никонова на посту начальника управления не завершилось созданием объединения. Он видит узкие места, он ищет выход из сложного положения, заражает своих сторонников новыми идеями. В районе к тому времени немало сделано по ликвидации ручного труда. В животноводстве, растениеводстве многие процессы механизированы. Повсеместно появились доильные аппараты, механизированные агрегаты, картофелеуборочные комбайны, но сахарную свеклу

убирали вручную. Министр посоветовал ему обратить внимание на югославский метод. Состоялась встреча в представительстве братской страны, которая закончилась заключением договора. В район стала приходить минитехника. Ручной труд при уборке сахарной свеклы исчез.

Ульяновский район стал центром передового опыта. Сюда приезжают делегации. Но на календаре стоял уже 1988 год. Перестройка ускорила ход, и власти поставили цель ликвидировать коллективные хозяйства. Первым шагом на этом пути стал отказ финансировать управленческий аппарат в районах. Содержание управления агропрома переводят на бюджет, что в условиях развала колхозного строя было равносильно самороспуску. Владимир Никонов предвидел бесперспективность существования агропрома и, трезво оценив обстановку, принимает решение вернуться в совхоз "Красное знамя", где в 1981 году началась его директорская карьера.

Тетишцы встретили его если не восторженно, то с большим желанием. Так уж настроена людская психология, что человека мы начинаем оценивать лишь при его отсутствии. До районного управления сельского хозяйства Никонов пять лет тянул директорскую лямку. Совхоз пошел в гору, не поступило ни одной жалобы. Но сельчане относились к нему сдержанно. Пошел на повышение - стали просить, чтобы вернули его обратно в совхоз. Сочинили даже петицию, которая стала для Никонова дороже любой награды.

На новом этапе развития общества директор понял, что надо готовиться к сложным переменам. Роль райкома партии незаметно сводилась к нулю, хотя

многие руководители по инерции искали в партийном органе поддержку. Еженедельные планерки проводились шумно и с острой критикой. Первый секретарь чинно занимал место за длинным столом, а рядом традиционно садился глава советской власти.

- Что-то за последнее время некоторые руководители стали редко звонить в райком, - произнес ровным голосом Иван Николаевич Каширин и посмотрел на Никонова. - То ли игнорируют райком, то ли стали амбициозны. Вот Кузовкин Владимир Петрович, не в пример другим, по три раза поднимает трубку и докладывает о положении в хозяйстве. У него и дела идут неплохо.

- У меня что, дела идут плохо или в чем-то я провинился? - бросил реплику Владимир Васильевич и добавил: - Под колпаком райкома все мы хороши. А если не будет райкома?

В зале воцарилась тишина, которую нарушил Григорий Орешкин.

- Что ты мелешь? - побагровело его лицо и скулы стали дергаться. - Твои слова можно растолковывать по-разному. На партию и так много грязи льют, а ты еще больше огня подливаешь в масло.

Он повернул голову и посмотрел на хозяина партийного дома, который незамедлительно его поддержал.

- Партию мы в обиду не дадим, будем поддерживать ее всеми силами и, если кто на нее руку поднимет, получит достойный отпор.

Каширин победоносно посмотрел на аудиторию.

Настал 1991 год. Руководители лишились

партийной поддержки, к чему не были готовы большинство. Зато отдельные из них преуспели в приватизации. За бесценок пригоняли автомашины к своим домам, а на глазах плакали, как трудно стало управлять. Болтали об интересах народа, но забота о полях висела у них лишь на кончике языка.

Неподимый Никонов стал хмурым и задумчивым. Он ломал голову над тем, как в условиях разгула сохранить совхозное богатство. Ввел жесткий контроль за техникой, автомашинами, инвентарем. Поступали заявления и в его адрес, - юркие дельцы просили, умоляли, требовали продать то машину, то комбайн. "Совхозу приходит конец", - доказывали ему, подсовывая бумажку. "Отказать!" - ставил визу директор и жирным шрифтом ставил восклицательный знак. А газеты потрясли сообщениями о том, как разоряют колхозы и совхозы.

Моральная сила Никонова оказалась сильнее времени. Уже в 1992 году совхоз получил высокую оценку, а его директора за двадцать лет работы впервые отметили, присвоив звание Заслуженного работника сельского хозяйства Российской Федерации.

В 1993 году совхоз вошел готовым к реорганизации и принял статус акционерного общества "Тетюшское". На его базе стали регулярно проводить семинары и совещания. В 1996 году директора ждала новая награда - губернатор Юрий Горячев прикрепил к его груди орден Почета. В указе президента России отмечено: "За заслуги перед государством и многолетний добросовестный труд". В двухтысячном году Владимир Никонов становится Почетным гражданином области - за особые заслуги перед симбирянами он занесен в

Золотую книгу Почета.

Акционерное общество “Тетюшское” имеет больше 11000 га земли, почти 4000 голов крупного рогатого скота. Ежедневно в город отправляется около десяти тонн молока. Животноводство стало рентабельным, а молоко имеет сертификат качества. Здесь выращивают зерно, картофель. В хозяйстве нет ручного труда. В село пришел природный газ. На балансе находится клуб, детский сад, жилой фонд. Своевременно и в полном объеме выплачиваются налоги, которые составляют ежегодно около пяти миллионов рублей. Особая статья - благотворительная помощь. Только за 2001 год на эти цели израсходовано более 520 000 рублей. Помощь получили сельская врачебная амбулатория, областной онкологический диспансер, Ивановский детский дом, областная клиническая больница №3, госпиталь ветеранов войны, Воскресенская церковь.

Владимиру Никонову предложили заполнить анкету для книги-справочника “Известные русские”. В ней его просили высказать свое мнение по ряду современных сельскохозяйственных проблем. “В России нет государственной аграрной политики, - пишет он открыто и с болью в сердце. - Пока селу будут помогать от случая к случаю, перемен к лучшему не жди. Почему-то за рубежом к сельскому хозяйству относятся заинтересованно. Сколько мы ни стараемся, все время почти выходит по нулям. А нормальное хозяйство должно иметь возможность развиваться. Без этого оно погибнет”. Более остро и более емко рассуждает он о формах собственности. Он - за многообразие форм, но считает, что “не готова к ним страна. Русский человек испокон веков привык жить общиной, и с вековыми

традициями надо считаться. С моей точки зрения, надо начинать коллективизацию заново. Только без ломки и принуждения, без спешки и суеты, а с учетом исторического опыта, с глубоким анализом того, что имеем”.

Никонов не боится высказать свои мысли открыто. Не боится потому, что чувствует за собой правду. Мыслит масштабно, высокими категориями, государственному. В самой сложной ситуации не покидает его оптимизм, который присущ лишь истинным патриотам. Человек широкого кругозора, обладающий талантом организатора и большой силой воли, он в годы перестройки, в годы ельцинских реформ сумел доказать, что земля верно будет служить людям, если к ней относиться серьезно, со знанием дела, бережно и с большой заботой. Какой оставим землю будущим поколениям - заброшенной или цветущей - уверяет Владимир Васильевич, - зависит от нас, от России.

Вера в Россию, в русский народ делает Никонова стойким лидером, а людской авторитет удесятеряет его силы. Натура гордая, независимая, благородная, смелая, честолюбивая. Тридцать лет он связан с землей и всегда оставался верным своему девизу: “Жить - это бороться, бороться - это жить”.

Родина В. И. Ленина. Памятник М. А. Ульяновой.

**НИКАНОРОВА АННА
КАЛАШНИКОВА ПОЛИНА
КРАСНОВА ВЕРА**

Живут они в небольшом селении Вышка, что в пятидесяти верстах от Ульяновска. Меня не интересовало, какие посты они занимали. Меня интересовал их характер, их убеждения, их жажда жить и бороться. Они слишком рано поняли, что такое перестройка и что несут людям ельцинские реформы. Искали правду, но не находили. Первые поражения коммунистов на выборах их не обескуражили. Они живут с надеждой и верят, что ленинские идеи восторжествуют.

СЕСТРЫ

Было это на празднике Акатуя. Они шли веселыми и беззаботными – впереди три сестры, а за ними баянист. Узнав, что приехали сюда петь и плясать, Брунин пригласил их позировать перед фотообъективом. Баяниста посадил на табуретку, две сестры заняли места сзади него, а третью попросил приземлиться так, чтобы рука ее лежала на колене баяниста. Чуть улыбки! Стоп! Спасибо!

Снимок появился в газете, но никакого впечатления не произвел – обыкновенный снимок с невыразительными лицами на фоне молодых деревцов. Леонид Александрович никогда о нем не вспомнил бы, если не случайная встреча в рождественские дни в селе Дубровка. Приехал туда по журналистским делам и, выйдя из машины, вдохнул полной грудью зимний воздух. От удовольствия небрежно потянулся, а когда открыл глаза, перед собой, как в сказке, увидел трех сестер.

Поздоровались.

– По каким делам в наши края? – словно запели сестры хором.

– У меня одно дело – писать о людях.

– А вы нас знаете?

– Как же не знать, помнится даже запечатлел вас на фотокарточке.

Сестры будто воспрянули духом и накинулись на Брунина:

- А где снимок?
- Так ведь в газете был опубликован.
- Нам этого мало.
- Дело за мной не станет: сказано – сделано. Но мне от вас нужна помощь. Хочется встретиться с хорошими людьми.

В любом селении есть люди, достойные доброго слова. Одни честно работают и кормят нас, другие увлечены стихами, песнями и плясками, третьи – мастера вязать и вышивать. Одни – отличные рассказчики, другие – глубокие философы. Одни преданно служат делу, но молчаливы, от других веет энергией и оптимизмом и они широко шагают по жизни. Каждый человек – это тайна, которую журналист должен разгадать.

Миссия завершилась, и Брунин охотно принял приглашение пообедать. За чашкой чая не заметил, как разговор стал принимать характер, который не мог оставить его равнодушным. Старшая из сестер, которую зовут Анной, молчалива и задумчива. Волосы каштановые, пышные и длинные, а небольшие карие глаза почти неподвижны. Оказывается, она пишет стихи и сама сочиняет музыку. У Веры голубые, как небесная баня, глаза. Они как будто постоянно что-то ищут. Голос мягкий, певучий. Работает в службе быта, любит шить и вышивать. Самая разговорчивая – средняя из сестер, которая до сих пор не может понять, почему нарекли ее Полиной. В паспорте значится Пелагеей, а тут... Она втискивает упругие пальцы в локоны и мягко складывает пучок волос в затылок. Говорит не умолкая, как сорока, и никто ее не перебивает. Потом делает большие глаза и в упор спрашивает:

– А как у вас с партией?

– С какой партией? – вопросительно смотрит Брунин на Полину и чувствует, как краснеют уши.

– Расскажите, сколько коммунистов в районе, как они работают. Я недавно слушала вас на семинаре и...

“Вот оно что, – думает Брунин про себя. – Сейчас начнут чесать коммунистов”.

– Зачем вам все это надо знать, ведь вы не коммунисты?

– Не коммунисты, но хотим стать, – снова опередила Полина сестер. – И Анна, и Вера, и я, конечно.

Леонид Александрович поочередно посмотрел на сестер, которые утвердительно кивнули головой.

– Наш отец был большевиком, а дед эсером, – словно невзначай начала Анна и почему-то покраснела. – Из-за своих убеждений были непримиримыми врагами. Отец заведовал избой-читальней, был активным пропагандистом советской власти. На этой почве их отношения напоминали пороховую бочку. Провожая сына на войну, дед крикнул: “Не хочу, чтобы ты вернулся с войны живым!”

Брунин слегка вздрогнул – жуткие слова. Посмотрел в Анютины глаза, но они были неподвижны. Перевоп взгляд на Полину, но она смотрела куда-то вдаль. Анна поняла состояние журналиста и продолжала:

– Но отец наш вернулся с фронта. Вернулся с победой, весь в орденах. Вернулся больным, но таким же стойким и гордым, каким его знали до ухода на фронт.

– А как же дед? – не выдержал Брунин и внутренне обругал себя за невыдержанность.

– А деда годы войны перемололи с ног до головы. Встретил сына, крепко обняв, и со слезами на глазах.

Наступила пауза. “Интересно – дед отказался от своих убеждений или тут сыграли роль другие мотивы?” – подумал Брунин, но уточнять не стал, ибо считал вопрос неуместным. Ясно было одно – и отец, и сын были людьми убеждения.

Простые люди, а как ценили убеждения!

– Коммунист – дело серьезное, – прервал Брунин молчание. – Сначала нужно верить в идеалы, ради которых люди идут в партию. Далее, – он сделал паузу, чтобы собраться с мыслями и найти такие слова, которые давали бы понять, на что они идут. – Далее... Сейчас идет повальное давление на коммунистов. Везде ставят преграды на пути возникновения партийных ячеек. Увольняют с работы, шантажируют, грозятся. Делается все это скрыто, тонко, хитро, а мы не всегда можем оказывать поддержку. Так что, кроме желания быть коммунистом, надо иметь мужество. Большое мужество.

– Конечно, мы не шибко грамотные, но то, что говорят коммунисты, нам близко и понятно.

– Нам не нужны шибко грамотные. Они в нашей партии уже были и к чему нас привели – сами видите. Нам нужны люди, которые сердцем воспринимают наши идеи. Но учиться нам все равно необходимо. Что касается честных людей, которые разделяют ленинские идеи, они живут в каждом селе.

– Я знаю одного, – вступила в разговор Вера. – Зовут его Зиновий Ананьев и называют не иначе, как коммунист. Он весь в работе. Общественное дело у него на первом месте. Вот я и спрашиваю, почему именно такого человека прозвали коммунистом?

Рассказ Веры разрядил обстановку. Собеседник тоже не раз слышал подобное, но никогда не задумывался, почему именно таких людей называют коммунистами. Не забулдыгу, не проходимца, а человека чести и совести, трудягу называют этим высоким именем.

– Только вот я в Бога верую, – застенчиво вставляет слово Полина и слегка поправляет густые волосы. Она ждет реакцию на столь неожиданное признание, но Брунин не торопится высказать свое мнение на вопрос. Он и сам подолгу задумывался над этой проблемой, искал в этом вопросе не то, что разъединяет религию и коммунизм, а то, что сближает.

– А знаете ли вы, что моральный кодекс коммунистов, который до недавнего времени висел на всех углах и во всех красных уголках, базировался на библейском учении о добре и справедливости? – задал вопрос журналист и тоже стал ждать реакцию.

– Это нам известно.

– Что же тогда отличает религию от учения коммунистов? – снова ставит вопрос Брунин и сам же пускается в рассуждения. – Есть естественный мир и сверхъестественный. Вот передо мной карманный приемник. Когда-то радиоволны были для нас сверхъестественной силой. Человек познал их, и они стали обычным явлением. Так вот. Бог велит нам просто верить в сверхъестественные силы, а коммунисты хотят, чтобы к истине пришли путем поиска и открытий. Ленин терпеливо и с пониманием относился к чувствам верующих, но был убежден, что коммунист должен быть атеистом.

– А как вы думаете?

– Когда разрабатывалась новая программа партии,

которую так и не успели принять, было предложено, чтобы в партию могли вступать и верующие. Я внутренне протестовал против этой фразы. Сейчас изменил напады. Думаю, в партию могут вступать и верующие, ибо только там они могут найти правду жизни.

– Ведь Ленин не так уж милостив был к церкви. Сейчас об этом много говорят и пишут.

– Бог и церковь – не одно и то же. Если уж верить в Бога, то лучше обходиться без посредников. Под знаменем креста на грешной земле совершено немало преступлений. Достаточно вспомнить Джордано Бруно, сожженного на костре, или кровавые крестовые походы меченосцев. Мы не знаем, какую роль играла церковь в годы гражданской войны. На этот вопрос ответит лишь история. Да и сегодня церковь хоть и косвенно, но поддерживает кровавые события в Чечне. Так что церковь никогда не стояла вне политики. Мне известно одно – Ленин был величайшим диалектиком. Уверен: если бы он был жив, то давно ввел бы и двухпартийную систему, и рыночные отношения. Но не такие, какие насаждают в стране. Он знал жизнь во всем многообразии, как говорил поэт, видел то, что временем закрыто.

Не помнит Брунин, чтобы в своей партийной карьере так просто и душевно беседовал с людьми. Были лекции, доклады, большие аудитории, где он выступал в роли учителя, а остальные делали вид, будто внимательно слушают. Думал он тогда, что делает большое дело, просвещает людей, а люди все больше отдалялись от великого учения.

ПЕТРОВ ПЕТР ИВАНОВИЧ
Полковник милиции

Родился 9 января 1957 года в селе Раково Буинского района Татарстана. Трудовая биография началась в 1973 году на Ульяновском автозаводе. С 1975 по 1980 год студент Ульяновского политехнического института (машиностроительный факультет). Два года служил в армии - в Московском военном округе. После курсов в звании старшего лейтенанта был командиром батареи в войсковой части. После армии получил направление в уголовный розыск Железнодорожного района. Работал инспектором УВД, заместителем начальника Карсунского РОВД, начальником Вешкаймского районного отдела внутренних дел, а в последние годы служит начальником одного из управлений УВД Ульяновской области.

В 1997 году окончил Академию управления МВД России. Награжден медалью "За безупречную службу", знаком "За отличную службу".

Петру Петрову

Козерог из ста путей
Выбирает что трудней,
Что ведет к вершинам гор,
Ибо лишь оттуда взору
Открывается простор.

Козерог – рабочий конь,
Коль работает – не тронь.
Трудится с утра до ночи,
Выбивается из мочи,
Но присяге будет верен, –
Он на то судьбой проверен.

Козерог – и черт, и бог,
Зло не пустит за порог,
Но добру протянет руку,
Как испытанному другу.

Не лишен людских пороков,
Если есть, конечно, проку,
Заведет такой роман, –
В голове сплошной туман,
Ни чета тельцам, стрельцам,
Рыбам, прочим близнецам.
Но он любит лишь одну, –
Разумеется, жену.

Я о том смолчать не мог, –
Я ведь тоже Козерог.

ЛЕГКИХ ПУТЕЙ НЕ ИСКАЛ

– У себя? - спросил участковый у секретарши и посмотрел на дверь, ведущую в кабинет начальника районного отдела милиции.

– У него посетитель, - спокойно прозвучал ответ.

Владимир Александрович прошел в дальний угол и, заняв место за журнальным столиком, глубоко вздохнул. Лицо его выражало возбужденное состояние. Глаза то блуждали, то застывали на каком-либо предмете. Положил на колени дипломат и стал ритмично стучать пальцами. Секретаршей овладело беспокойство, - она никогда не видела его таким рассеянным и неуравновешенным. Заходит, бывало, в приемную, обязательно перекинется безобидными шутками. Однажды принес даже шоколадную плитку. Чтоб не вызвать недоумение, вручая ее Ирине Васильевне, предупредил, что небольшой подарок является выражением признательности за ее доброе отношение к нему. Нынче же старшего участкового было не узнать.

Послышался скрип внутренней двери, и Владимир Александрович вскочил со стула. Схватил дипломат под мышку и мгновенно оказался у входа. Испытующим взглядом пропустив грузного мужчину, перешагнул порог кабинета.

Петр Иванович встретил его настороженно, “Значит, не понял”, - подумал он, и в голове промелькнул вчерашний разговор. Прошло больше недели, как он

иногда индивидуальные беседы с участковыми. Каждому излагал свою точку зрения и свое видение перспектив. "Надо в корне изменить наше отношение к стилю и методам работы, - говорил он откровенно. - Суть моих требований заключается в следующем. Первое...". Его слушали внимательно, соглашались с его доводами и обещали пересмотреть свои обязанности в свете нового кодекса. Крепким орешком оказался лишь Юдин Владимир Александрович. Он слушал капитана рассеянно, дергался и нервничал. Когда кончились наставления, без обиняков выпалил: "Я не привык работать в новых условиях. Слишком сложно. Учет, планирование, отчетность. В нашем деле невозможно планирование, - глубоко вздохнул он. - Кстати, таких требований нам никогда не предъявляли". Петр Иванович доказывал, что без этого невозможно изменить ситуацию, а когда исчерпал весь арсенал в пользу сказанного, объявил, что не намерен никому давать послабления и требования остаются в силе, для каждого работника. Участковый не выдержал: "Вы меня выживаете. Я, видимо, вам мешаю!" Заявление обескуражило начальника, но он сохранил спокойствие. "Можете растолковать мои требования как угодно, но они продиктованы интересами дела". Расстались сухо, но иначе он снова пришел на прием.

- Что заставило явиться ко мне? Я вас не вызывал и моя позиция остается твердой и неизменной, - старался как можно яснее выразить свою мысль начальник.

- Я знаю вашу позицию, - ответил недружелюбно участковый и протянул лист бумаги.

"Ранорт", - прочитал Петр Иванович и испытующе посмотрел на подчиненного. Бегло пробежал по строчкам и отложил в сторону.

– Думается, вы принимаете опрометчивое решение, - сказал он спокойно, но в душе бурлило негодование.

– Не ваше дело – какое я принимаю решение. Вам нужно лишь подписать документ и с плеч долой.

– Не могу! – повысил голос капитан, и взял в руки рапорт. – В деловых бумагах не должно быть лирики и оскорбляющего тона. Берите заявление обратно и переделайте его в соответствии с правилами официальных документов.

Бросил рапорт так небрежно, что он, сделав несколько кругов в воздухе, плавно опустился на дипломат. Их глаза встретились. В одних пылали ненависть и ярость, в других теплились надежда и вера.

На второй день на стол начальника рапорт не лег. Не было его и в последующие дни. Петров забеспокоился, - не звонит, не показывается. Может, оставил в приемной? Нет, не оставлял и не приходил. Хотел позвонить заму, но тот сам явился и принес список лиц, занимающихся раскрытием преступления. Начальник стал скользить по списку, и его взгляд застрял на одной фамилии.

– Не понимаю, – протяжно произнес он и пожал плечами.

– Сам пришел, – слегка улыбнулся заместитель. - Запишите, говорит, меня в группу.

С тех пор прошло около года. Команда участковых милиционеров работала так же слаженно и результативно, как и другие службы. Вешкаймский РОВД добился первых успехов в наведении порядка на территории. Юдину как-то передали, что его ждет начальник по какому-то важному делу. Настроение было отличным и, войдя в приемную, с порога крикнул:

Ирина Васильевна, позвольте поздравить вас с днем рождения!

Открыл дипломат и вынул коробку шоколадных конфет. Лицо секретарши покрылось розовым цветом:

– Спасибо. Меня еще и... начальник...

В это время в микрофоне прозвучал знакомый голос: “Ирина Васильевна, скоро должен ко мне явиться Юдин. Пусть войдет без предупреждения. А пока хочу поздравить тебя с днем рождения. Предварительно. Официальная церемония состоится в конце рабочего дня в моем кабинете”.

– Спасибо, Петр Иванович, за поздравление. А Владимир Александрович сидит в приемной и ждет приглашения.

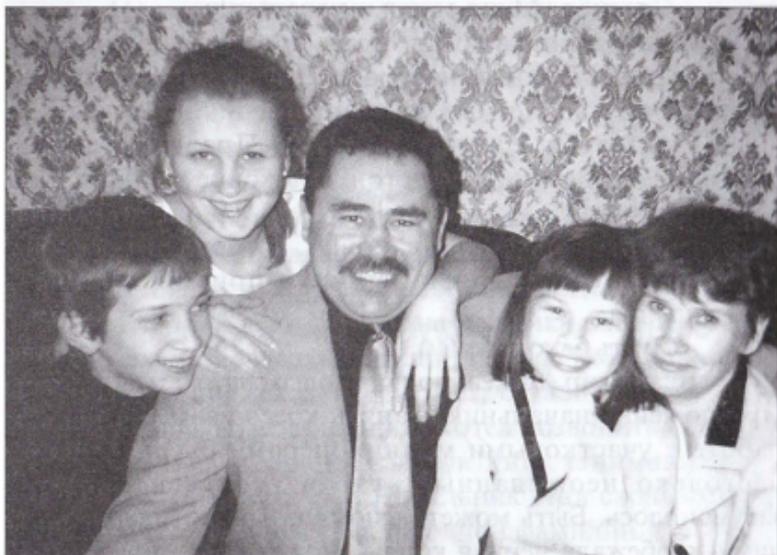
– Пусть заходит.

Владимир Александрович долго сидел без движения. Предложение начальника занять кресло заместителя по работе с участковыми милиционерами было для него настолько неожиданным, что в голове как-то все затуманилось. Быть может, вспомнил время, когда между ними пробежала черная кошка, может быть, представил объем предстоящей работы. Он был уже не тот человек, что год назад. Четкость в работе, умение предвидеть, работа с людьми, исполнительность и широта кругозора стали неотъемлемыми чертами его характера. Он сам чувствовал, как вырос за это время, но предложение на повышение надломило его душу. Он боялся что-либо сказать или спросить, ибо не был уверен, что с голосовыми связками у него полный порядок, но не было сомнения в том, что паузу должен прервать он, майор милиции.

– А вы уверены, Петр Иванович, что мне под силу этот пост? – промолвил он неуверенно и сжал пальцы в кулак.

— Если бы сомневался, не предложил бы, - ответил начальник уверенно.

За окном крутила пурга. Люди готовились встречать Новый год.

Петровы в минуты семейного отдыха.

Вешкаймский период стал для Петра Петрова самым сложным и плодотворным. За его плечами были уже пятнадцатилетняя трудовая биография, а до этого было еще детство и горячее желание стать матросом. Когда-то он жадно слушал рассказы отца о подвигах военных моряков. Иван Сергеевич сам участвовал в боях с немецкими захватчиками и вернулся с фронта в морской тельняшке и бескозырке. Петя собирал все, что касалось загадочной морской службы. Делал вырезки из газет и журналов, коллекционировал почтовые марки, спал и видел себя карабкающимся по канатам на мачту, откуда

далеко видны водные просторы. Однажды сражался даже с пиратами. В руке у него стальной клинок, и он рубит пиратов наповал. Капитан стоит высоко на мостике и восхищается его подвигом. Но вот сзади схватили его за рубашку и стараются свалить на палубу. Петя сопротивляется, хочет развернуться и ударить саблей, но не может. Он открывает глаза, а Екатерина Алексеевна продолжает его трясти руками:

– Хватит дрыхнуть, сынок, в школу опаздываешь.

– Ну, мама, еще пять минут.

Сын старается уснуть, но сон его покидает окончательно.

Окончив Альшеевскую среднюю школу, Петя Петров отправляется в дальнюю дорогу - в Ленинград, где размещалось Высшее военно-морское училище имени Дзержинского. Дома решение сына восприняли молча. Мать готовила на дорогу, а отец в душе испытывал гордость. Пусть попытается. Поступит - будет радость не только в семье, не поступит - никто нас не осудит. До Москвы сжал в общем вагоне. Полез на верхнюю полку и не слезал до самой столицы. За окнами вагона мелькали селения и перелески, а колеса стучали равномерно, увозя его все дальше от родных мест. Поезд “Москва-Ленинград” удивил деревенского парня скоростью. Двадцать метров в секунду! Непроста его называют стрелой. Петя не отходил от окна. Ночные сумерки окутали окрест, стало совсем темно и перед глазами прощивали лишь телеграфные столбы.

Он сдал все экзамены, и появилась надежда на осуществление дерзкой мечты. Но периферийного мальчика не пропустили. Он понял, что тягаться с теми,

кого привозили в черных лимузинах, в сопровождении пышных дам и дядей в генеральских формах, ему не под силу. Бывало, иных пацанов привозили даже на вертолетах. Но первая неудача не обескуражила. Он вспомнил наказ отца, который доверительно советовал ему не терять силу воли, если провалится на экзаменах. “Будь целеустремленным и стойким, - давал он наставления перед отправлением, - а испытаний в жизни будет еще немало”.

Иван Сергеевич встретил сына с пониманием и предложил, не откладывая в долгий ящик, отправиться в город на поиски работы. В то время зарождалась новая профессия-телемастер, и они оказались в небольшом помещении, где по углам и на полочках стояли телевизоры. Иван Сергеевич работал директором школы и знал, как обращаться с теми, кто принимал заявления. Сын стоял за его спиной и одним глазом взирал на начальника, который культурно и толково разъяснял, что в его контору принимают только после прохождения службы в армии.

– Может, попробуем на шофера? - спросил отец и растормошил волнистые волосы сына.

Петя мотнул головой. Согласен.

– Пусть придет после армии, – посоветовали в клубе автомобилистов.

Солнце склонилось к горизонту, когда они очутились в отделе кадров автозавода.

– Место ученика у нас имеется, – сказала брюнетка с голубыми глазами и таинственно сообщила, что нужно лишь разрешение райкома партии.

Пете показалось, что тетенька желает им добра и даже объяснила, как найти партийный дом.

Автозавод дал Петру Петрову путевку в жизнь. Здесь он получил не только первую специальность, но и

направление в институт, где окупился в науку, обрел новых друзей, играл в волейбол и в футбол, увлекся боксом. В институте была своя военная кафедра, что освобождало воспитанников от воинской службы. Но вчерашний студент просит направить его в армию. Может быть, он впервые в жизни спланировал свое будущее и не ошибся. Служил в Московском военном округе, осваивал зенитные установки. Полгода, и он становится лейтенантом. Начинается командирская служба. За два года ни одного высканья, одни благодарности и поощрения. Он не знал, что давно включен в группу лиц для работы в органах внутренних дел. Он с большим желанием принимает новое предложение и едет на работу в Ульяновское управление. Но сначала надо побывать у родителей. Небольшого роста, коренастый, в чине старшего лейтенанта идет он по родной улице и дышит деревенским воздухом. У ворот мать склоняет голову на его груди. О, как быстро седеют наши матери! Он гладит ее волосы, обнимает и целует. Он чувствует, что за спиной глубоко дышит отец, который прибежал из школы.

— Возмужал! – еле выговаривает Иван Сергеевич, освобождаясь из объятий сына. – Молодой, а уже старший лейтенант.

Шел 1982 год. В управлении молодому сотруднику поручили прием документов районных отделов. Пошли слухи, что в милиции появился чиновник, который строг и тщательно проверяет каждую букву.

В один из июньских дней, когда слухи, как мухи, витали в воздухе, в кабинет вошла невысокая блондинка в легком ситцевом платье и протянула папку. Петр Иванович долго просматривал документы и, не глядя на

девушку, объяснял, где и что нужно исправлять. Девушка внимательно слушала и, не сказав ни слова, закрыла за собой дверь.

На второй день история повторилась.

– Придете завтра, – поднял голову инспектор и опешил, – на него смотрели изумрудные глаза: жгучие, грустные, злые. “Шишка-то невелика, а придираться мастак, – промелькнуло в ее голове. – Ну и черт с вами”. Быстро забрала папку и исчезла в коридоре. Инспектор сидел и долго смотрел ей вслед.

Наступил третий день. Из районов приходили и сдавали документы и только из одного отсутствовал курьер. Чиновником овладело беспокойство. Он ходил из угла в угол, печально смотрел на дверь, позвонил даже в приемную – не поджидает ли там курьер из Железнодорожного района. Рабочий день уже подходил к концу, как прозвенел телефонный звонок. Секретарша сообщила, что ожидает приема курьер. “Наконец-то”, – обрадовался инспектор и вышел из-за стола. Каково же было его удивление, когда в кабинет ворвалась женщина с грубыми чертами лица и лошадиной походкой. Улыбка на лице оперативника исчезла. Он хотел спросить, по какой причине отказали вчерашней девушке выполнить поручение, но понял нелепость вопроса, в котором больше было любопытства, чем серьезности.

Петр Иванович, не проверив, принял документы и бросил их на кипу бумаг, на что женщина ответила недоумением. Она кокетливо пожала плечами и неуклюжей походкой покинула кабинет. Петров сидел и думал о том, как мог загнать себя угол. Перебирал разные варианты, но не знал, как выйти из ситуации. Нервно постучал по столу карандашом и небрежно бросил его

на пол. Встал и подошел к окну, словно на улице может появиться ее изящная фигура. Он не знал ни ее фамилии, ни имени. И вдруг вспомнил, что под стеклом лежит список районных курьеров. “Так-так... Железнодорожный район... Григорьева Зоя Николаевна”, - проглатывал он каждую букву и на душе становилось теплее. Он устало опустился в кресло и несколько секунд сидел без движения. Потом поднял телефонную трубку и набрал необходимый номер телефона.

Она вошла и остановилась у порога. Голова опущена. Петр Иванович вышел из-за стола и двинулся навстречу.

- Хотя мужчина не должен первым протягивать руку, но я хочу нарушить традицию, – произнес он необыкновенным голосом. - Петр Иванович. Петя.

Она переложила сумочку в левую руку, а правую плавным движением положила на руку капитана. Подняла голову, откинула белые кудри и направила изумрудные глаза на человека, который мучил ее четвертые сутки.

Встретились они в тот же вечер на Венце в уединенном месте. Луна медленно плыла по небосклону, освещая тусклым светом вековые деревья, чугунные ограды и тротуар. Пошел мелкий дождь, и капли стали прыгать по асфальту. Он взял ее за руку и потянул за собой. В беседку, где они заняли место, хлынула толпа. Сверкнула молния, и раскаты грома пронеслись над Венцом. Петя снял пиджак и осторожно накинул на ее плечи.

Петр Иванович был уже женатым, когда предложили ему повышение. Он понимал, что такое время нестанет и к нему надо быть готовым. Он верил в свои

силы, но еще больше верила в него супруга. Карсунский район явился первым серьезным испытанием в его карьере. Работая заместителем начальника, он всегда помнил, что профессионализм - это единство теории и практического опыта. Он глубоко изучал обстановку, накапливал опыт работы с кадрами, устанавливал тесную связь с населением, никогда не делал спешных выводов, но был тверд в отстаивании своей позиции. Скоро его включают в список резерва и направляют на курсы в Москву.

Когда принял Вешкаймский район, поставил цель, которую держал в тайне, - вывести регион на передовые позиции. Но одно дело - желание, другое - пути реализации. В первую очередь надо быть стратегом, определить основные направления и не торопить события. С этой целью укрепил организационную сторону, усилил работу с кадрами, учил и сам учился. Никого не выгонял, но от каждой службы требовал серьезного и вдумчивого подхода к делу. Черновой работы не чурался, постоянно сам выезжал на место происшествия. Два года пролетели как в кошмарном сне. Иногда казалось, что повседневная текучка и суета снесут с пути все стратегические цели, но начальник проявлял хладнокровие и выдержку. Активно поддерживал его первый секретарь райкома партии А. Н. Крончев, а затем глава Вешкаймской администрации М. С. Агапов, которые в дела милиции не вмешивались, но внимательно следили за ее работой. Скоро Вешкаймский район занял первое место в своем регионе по итогам года. Это была победа!

Тучи над его головой стали сгущаться внезапно. Район возглавил случайный человек, с чрезмерными амбициями на власть. Он часто поднимал телефонную

трубку и давал указания, как поступать с тем или иным руководителем. Понятия справедливости и законности для него не существовали. Петров к такому повороту событий был готов и дал понять, что никогда на махинации не пойдет и твердо будет проводить линию на поддержание порядка и справедливости. Глава района с каждым днем становился наглее и использовал власть для того, чтобы оградить своих людей от правосудия. Одновременно он докладывал по инстанции о несоответствии начальника РОВД занимаемому посту. Петр Иванович не мог понять одного: как можно верить человеку, который везде оставлял после себя грязный след. Его перебрасывали с хозяйства на хозяйство, из района в район, а он снова всплывал на поверхность и занимался интригами. Трудно было понять позицию тех, кто знал, что Вешкаймский район занимает передовые позиции, а на его начальника катили бочки.

В управлении трезво оценили ситуацию и предложили П. И. Петрову тихое место. Временно, конечно. А когда утихли страсти, выдвинули на солидный и ответственный пост. Генерал хорошо знал свои кадры и умело спасал достойных работников от несправедливой кары. Подполковник Петров снова возвращается к активной милицейской службе. В 1997 году он успешно оканчивает Академию управления МВД России и становится высококвалифицированным специалистом. Но человек ценен не только деловыми качествами. Петр Иванович обладает высокими нравственными качествами, которыми никогда не поступался. Не кривит душой, ценит дружбу, замечательный собеседник. Как и любой отец, гордится своими детьми. Старшая дочь Юля пошла по стопам отца и, окончив юридический факультет,

работает техником-криминалистом. Станислав служит в армии, а Катя учится в гуманитарном лицее. Самая большая заслуга в воспитании детей, в благополучии семьи, да и в становлении самого хозяина дома, принадлежит супруге - Зое Николаевне. Она часто не смыкает глаз, ожидая мужа с места происшествия. Но она всегда была с ним: и в радости, и в самых сложных ситуациях, когда над его головой плыли темные тучи. Она горда своим мужем, ибо он легких путей не искал, честно и преданно служит делу, которому посвятил свою жизнь.

*Иван Сергеевич и Екатерина Алексеевна Петровы
в кругу своей семьи.*

**ПОСКОНИН
ПЕТР
МИХАЙЛОВИЧ**

**Отличник
просвещения СССР**

Его родина – Челновершинский район Самарской области. Окончил Мелекесский учительский и Ульяновский педагогический институт имени И. Н. Ульянова, Вольское авиационное училище. С 1959 года его трудовая биография связана с нашим краем. В течение тридцати с лишним лет он был директором трех средних школ Ульяновского района – Шумовской, Охотничьевской, Баратаевской, где раскрылся талант Организатора, Педагога и Человека.

ШЕЛ В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Геннадий Александрович Романов относился к плеяде партийных лидеров, которым чужды корыстные цели. Был доверчив. Даже слишком доверчив. Стройный и подтянутый. С густой черной шевелюрой. Правильные черты лица, прямой нос, веером вздернутые брови и открытый взгляд придавали его внешности особую привлекательность. Когда улыбался, тяга к нему усиливалась. Шутил и сам понимал шутку. Людей изучал не по анкетным данным, хотя никогда их со счетов не сбрасывал. Вчера ему подсунили личное дело П.М.Посконина. Обычная биография. Окончил институт, даже два института, авиационное училище и... Геннадий Александрович, пробежав по анкете, повторно прочитал последнее место работы: "Назначен директором Шумовской средней школы". Интересно, человек приехал со стороны, а его моментально директором. Тут наверняка не обошлось без мохнатой руки. "За восемь лет работы в должности директора, - писала заведующая районо в сопроводительной записке, - Посконин П.М. завоевал всеобщее уважение, укрепил в коллективе дисциплину, установил с родителями и общественностью тесные связи, добился строительства второго этажа школьного здания". Далее заврайоно перечисляла заслуги директора в области воспитания и обучения, а в конце сделала приписку: "Два года назад Посконин П.М. избран секретарем партийной

организации колхоза имени В. И. Ульянова”. Первый тут же хотел пригласить к себе заведующего организационным отделом, но передумал. “Завтра состоится отчетное собрание колхозников, - рассуждал он про себя и невольно снова бросил взгляд на приписку. - Собрание - лучшее место для знакомства с кандидатом”.

Геннадий Александрович отложил бумаги на край стола и задумался. Два года прошло, как он принял пост первого секретаря Ульяновского райкома партии, окунулся головой в партийную работу, а проблем не убавляется. Наоборот, они лавиной наваливаются одна за другой, стараясь сбить с пути. Как важно в этой идеологической суматохе не потерять главные ориентиры. Один из них, самый важный - кадровый вопрос. Из Охотничьевской школы нескончаемым потоком идут жалобы, в которых сам черт не разберется. Читаешь и удивляешься - дело не стоит выеденного яйца, а человек строчит жалобу. Куда? Конечно, в райком партии. Группировка идет на группировку. “Нужен умный, толковый директор, - стукнул он карандашом по столу и поднялся с кресла. - Конфликт в коллективе - это порождение негодного стиля работы”.

... Собрание проходило бурно, но не злобно. Критики было достаточно, но колхозники недовольства не проявляли. Колхоз богат, ничего не скажешь. Урожай, деньги - главная тема выступлений.

Слово предоставляется секретарю партийной организации Посконину Петру Михайловичу, - объявил председательствующий и почему-то посмотрел на районного лидера.

Вожак местных коммунистов вышел к трибуне и

окинул взглядом аудиторию. Он в совершенстве владел тайной ораторского искусства, работал на общественных началах не только секретарем, но и пропагандистом, возглавлял лекторскую группу общества “Знание”. Сельчане высоко ценили его не только потому, что авторитет его держался не на подпорках.

-Товарищи! – начал он тихим голосом. - В выступлениях товарищей прозвучало немало добрых слов в адрес тех, кто вырастил хороший урожай, выполнил личные обязательства, кто шел в первых рядах социалистического соревнования. Хлеб, мясо, молоко - без них немыслима наша жизнь. Но мне, как коммунисту, как секретарю партийной организации, хочется остановиться на вопросах воспитания, на том, как мы относимся друг к другу, как помогаем в соревновании, как создаем атмосферу доверия. Речь я веду не о школе, а о нас – взрослых людях.

Парторг выдержал небольшую паузу, машинально бросил взгляд на президиум и опешил - первый повернул голову в его сторону и внимательно следит за его выступлением. Небольшое замешательство не вывело его из равновесия. Он говорил о явлениях, которые отравляют нашу жизнь. Пьянка, хулиганство, воровство сводят на нет наши усилия в деле воспитания. Коллектив - вот сила, способная исправлять ошибки и просчеты. Он знал, что говорил. Он знал, как всколыхнуть душу колхозника. Результаты уже имеются. Активно работают товарищеский суд, женский совет, народная дружина. Но в воспитании не может быть вакуума и перерыва. Людей не обманешь. Они хорошо знали директора школы. Аплодисменты в его адрес – дань уважения, а не дань приличия и

соблюдения традиций. На собрании они еще не знали, что он в последний раз выступает перед ними. Не знал об этом и Петр Михайлович.

Всю дорогу он думал о том, в чем допустил просчет. Может быть, ошибся в выступлении или еще хуже - написали на него жалобу. На небе не было ни одной тучи и вдруг гром среди ясного дня - вызывают в райком. Он перебирал разные варианты, но ответа не находил. Рано утром его пригласил председатель колхоза

«Машина ждет у правления, – сказал сухо Иван Александрович и опустил голову. – Счастливого пути!

Посконин на секунду застыл на месте, потом развел руками и, не сказав слова, направился к выходу.

Сидя в машине, он старался отключиться от всего, что мучило его в эти минуты. Мартовская метель еще не отошла, но на обочинах появились уже темные проталины, маленькие ручейки легким журчаньем спешили куда - то далеко на поля, в лесные массивы. Петр Михайлович поднял воротник и глубже сунул туда голову, закрыл глаза, и едкая истома овладела его состоянием.

...Ему пошел десятый год, когда отец впервые взял его на сенокос. В семье он был единственным сыном, а вот дочерей мать родила полдюжины. Ростом Михаил Иванович был невысок, но телом крепок и вынослив. Внимательно выслушав отцовский наказ, Петя размахнулся во всю ширь и коса врезалась острием в землю. «Не силой надо брать», – объяснил тогда отец и терпеливо учил его первому в его жизни ремеслу. Домой вернулись поздно. Михаил Иванович шел размашистым и твердым шагом, а сын еле - еле волочил ноги.

Утром все ныло и корбило. «Пора», - послышался шакомый голос, и Петя опустил глаза: «Не могу, папа.

Все болит”. “Как хочешь”, - ответил Михаил Иванович и исчез за поворотом. Он был уже за околицей, когда сзади услышал тяжелое дыхание. Бросил косу на траву, подошел к сыну, потрепал его чубатую голову и прижал к груди: “Молодец, сынок!”. Потом долго рассказывал о том, что жизнь состоит сплошь из трудностей. Главное - не надо бояться. Боязнь страха губит людей сильнее, чем сам страх. Преодолеешь в первый раз, во второй уже не так страшен.

Машина сбавила ход, и под ней стали подпрыгивать бревна. Посмотрел в боковое стекло кабины, - вода в Свяге покрылась белым настом и лишь в середине реки ее рябило весенним ветром. Лаишевка осталась позади.

Посконин не мог понять, почему его тянет к воспоминаниям. Институт, родная школа в Зубовке, куда он вернулся учителем истории, и вдруг призыв в ряды Советской армии. Нет. Он не против воинской службы. Защита Родины - первейший долг. Но почему его направили в авиационное училище, не понимал. Он любил учительскую работу, а училище готовило кадровых офицеров. Но он не думал протестовать. Призывают, значит, так надо. Два года учебы и Петр Посконин становится лейтенантом. В 1952 году, когда на его плечах сияли офицерские погоны и на вечерах танцев к его груди прижималась блондинка, вышел закон, дающий офицерам право на выбор. Если ты имеешь высшее или незаконченное высшее образование, можешь остаться в армии или надеть гражданскую форму...

Машина резко затормозила. Посконин посмотрел на часы – без четверти девять.

– Геннадий Александрович ждет вас, – сообщила секретарша, когда Петр Михайлович доложил о своем прибытии.

Первый секретарь встретил его у порога, протянул руку и попросил садиться в одно из кресел, стоявших в стороне от рабочего стола. Между креслами – полукруглый журнальный столик, на котором стоит голубая ваза с хризантемами. Никогда не думал, что в такую рань, когда временами еще бушует пурга, могут созреть цветы. Петр Михайлович чуть наклонился к вазе – ароматный запах ударил ему в нос и он глубоко вдохнул.

Отворилась дверь, и в кабинет вошла Лилия Павловна Пискунова.

– Ждем вас с нетерпением, – произнес первый. – Садитесь, пожалуйста.

И тут же стал рассказывать, какое впечатление произвело на него вчерашнее собрание колхозников. – Но мы вас, Петр Михайлович, пригласили сюда не по поводу собрания. Лилия Павловна, объясните ситуацию, закончил он рассказ и отошел в сторону.

И заведующая районо стала рассказывать, какая причина заставила искать человека на пост Охотничьевской средней школы. Сколько жалоб поступило из этого коллектива и сколько комиссий и какого ранга выезжало для того, чтобы разобраться в существе вопроса и оздоровить обстановку, но ситуация не меняется. В конфликт подключены даже старшеклассники. “Нужен свежий человек, способный наводить порядок в коллективе, – резюмировала свои мысли заврайоно. – Думается, мы сделали правильный выбор, остановившись на вашей кандидатуре”.

Наступила тишина. Секретарь райкома и заведующая районо переглянулись друг с другом и ждали реакцию. Посконин был в растерянности. Он не знал, как поступать в подобной ситуации. Откажешься - будут считать трусом или еще хуже - не понимающим политику партии. В те времена было модно говорить от имени партии. Дело-то простое, а оперировали крупными понятиями. Петру Михайловичу стало не по себе. "Могут подумать, что я набиваю себе цену" - промелькнуло у него в голове, и он неуверенно произнес:

– Но вы же не знаете меня. Коллектив, как я понял, сложный, и вряд ли у меня хватит ума и силы воли, чтобы оздоровить обстановку.

– В таком случае я задам вам вопрос, который так и вертится у меня на языке, – поднес указательный палец ко лбу Геннадий Александрович и машинально провел всей пятерней по волосам. – Скажите, Петр Михайлович, сколько жалоб написали за период работы директором школы на вас?

– Пока ни одной.

– Вот видите. А я, помнится, в сопроводительной записке прочитал, что до вашего назначения эту школу захлестнула волна жалоб. Может, заведующая исказила факты?

Кровь ударила в лицо Посконину. Он почувствовал, как краснеют уши, и опустил глаза. В свою защиту хотел сказать, что скоро конец учебного года, на носу экзамены, надо заниматься ремонтом, и педагоги вряд ли одобряют его шаг в этот неподходящий момент, но он не проронил ни слова.

– Заседание бюро будет закрытым, но в районной газете дадим подробное сообщение. Подобные статьи

не играют на авторитет райкома, но люди должны знать правду. В конце концов то, что происходит в школах, не в меньшей мере виноват и райком.

Геннадий Александрович посмотрел на часы и, подойдя к столу, нажал на кнопку. Снова прозвучал приятный женский голос. Первый попросил сообщить ему тотчас же, как прибудет директор совхоза "Приволжский", на что секретарша ответила, что Зубков Филипп Федорович ждет его приглашения.

Машина снова мчится по дорогам района. На сей раз путь лежит на станцию Охотничья. Петр Михайлович дремлет на заднем сиденье, а Лилия Павловна бодро сидит на переднем. Оба молчат. У заведующей свои заботы, а нового директора школы не даст покоя коллектив, где кипели неумные страсти и склоки. "С чего начать? – задавал он себе один и тот же вопрос и не находил толкового ответа. – Лучший способ – не обращать внимания, а заняться конкретным делом. Но вряд ли удастся избежать встреч. Они будут проситься на прием. Отказать не имею права – надо хотя бы выслушать. Выслушать, значит, принимать меры".

Посконин сдвинул с места, и заврайоно невольно среагировала на глухой звук.

– Дремлешь, Петр Михайлович?

– Чутьочку. Ночами не спится, а тут тепло и уютно.

Снова тишина, чему Посконин чрезмерно рад. "Нет, вариант этот загонит меня в тупик. Если зачинщиков конфликта переведут в другие школы, коллизия сама собой заглохнет. Решение бюро вселяет уверенность. Видно искоренить саму почву. Да, почву, почву, почву", застучало в мозгу и дремота мгновенно его покинула.

Он составит программу действий. В ней не будет места и времени на побочные дела. Работа, работа, работа. Каждому педагогу - посильную общественную нагрузку. Вовремя замечать успехи. Никаких любимчиков. Подхалимам с первой минуты отключить кислород. Выслушивать их означает давать повод новым сплетням и дрызгам.

День прошел в суматохе. Лилия Павловна представила коллективу нового директора, присутствовала при передаче дел и уехала, оставив его наедине с проблемами. Правда, сочла необходимым подсказать, что лучшей кандидатурой на завуча школы является Саббарова Зинура Валиевна.

– Это лишь совет, – предупредила она, садясь в машину. – окончательное решение за тобой.

Директор не ответил, а когда солнце ушло за Ивановский лес, вспомнил, что завтрашний день может начаться с неразберихи. В школу наверняка не придут те, кто ее должен скоро покинуть. Значит, нужно перекроить расписание. Он долго ходил по кабинету, фамилия на пост завуча витала в воздухе, но в голову не приходила. Он подошел к столу, где под стеклом лежали разные бумаги, фотокарточки, вырезки из газет. “Так, так, так... Ага, вот он, список учителей”. На душе отлегло, когда он наткнулся на нужную фамилию. “Лучшей кандидатурой на завуча является, - повторил он слова заведующей. – Однако ж, как ее разыскать?”. Час назад он прошелся по школе и не встретил ни одной души. Будто ветром сдуло. Он хотел еще раз пройтись, но вдруг в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул директор от радости, что кто-то все же рискнул к нему явиться. В кабинет вошла

женщина средних лет. В руках она держала завернутые в кучу простыни и подушку. Молча прошла к дивану. Положила на край пожитки и направилась к выходу. Походка ее тяжелая, напоминает выносливую лошадь, скулы широкие, с отвисшей низшей губой. Хотя в талии и других местах не лишена женской округлости. У двери остановилась и, повернувшись, выцедила:

— С приездом!

Она взялась уже за ручку двери, как голос директора заставил ее опустить руку.

— Извините, кому я обязан столь странной встрече? чуть с улыбкой произнес он, хотя догадался, что в кабинет вошла заведующая хозяйственной частью.

— Завхоз. А зовут меня Матрена Аввакумовна, — дернула на себя дверь кабинета, но снова остановилась, услышав голос нового начальника.

— Извините. То есть я хотел вас поблагодарить за вашу заботу. Заодно у меня есть к вам небольшая просьба.

Женщина повернула угловатую фигуру. Директор хотел отвести взгляд, но не смог. На него смотрели крупные, тусклые глаза, которые выражали не то испуг, не то удивление. Видимо, она никогда не слышала добрых слов в свой адрес. Вся ее натура смахивала на женщину с сильным характером. Они не любят многословия, в любой ситуации сохраняют спокойствие.

— Извините, вы не могли бы найти мне,... — Посконин подошел к столу и наклонился над списком, — Зинуру Цилиевну?

Ни один мускул не дрогнул на лице Матрены Аввакумовны, хотя где-то внутри вспыхнуло пламя негодования. “Не успел приехать, а уж приглашает к

себе. Кого? Самую красивую, молодую, незапятнанную”.

– В нашем поселке невозможного не бывает, - ответила она грубо и покинула кабинет.

Зинура Валиевна шла к нему без особого энтузиазма. “Ничего он от меня не добьется”, - думала она по дороге и чувствовала, как покидают ее силы. Да, она действительно много знает. Не раз делали попытку втянуть и ее в распри, но она вежливо отказывалась. Ей был противен сам факт противостояния. Ругались, подслушивали, лили грязь друг на друга, и от всего этого страдало дело воспитания. Она ненавидела вражду между людьми.

Тихий стук в дверь, и не успел директор сказать “Войдите!”, как на пороге выросла девушка лет двадцати двух. Молодая, стройная, с пышными волосами.

– Приглашали? – произнесла она жестко и направила жгучий взгляд на нового директора. Посконин почувствовал не по себе, будто он виновен во всех грехах, творимых в школе. Только что ушла Матрена Аввакумовна, в действиях и выражениях которой сквозил один мотив: “Все вы, начальники, сделаны из одного теста”. Пришла вторая и всем своим существом дает понять, что не может его терпеть.

– Да, пригласил. Я оказался в ситуации... Я немного представляю, но...

“Начинается, – подумала Зинура Валиевна и сжала пальцы в кулак. – Что и как, кто виноват и т.д. и т.п. Ну, не тяни, выкладывай – все равно ничего не добьешься”. Она на мгновение перестала слышать директора и лишь последние слова привели ее в чувство: “Вы не сможете помочь мне составить на завтра расписание?”.

Лицо Саббаровой стало мягким, пальцы разжались, и ноги хлынула кровь. “Конечно, человеку нужно помочь. Ах - да, расписание...” И тут же опомнилась.

— Я готова помочь, но заверяю вас, что никогда не приходилось составлять расписание уроков. Почему бы вам самим не попробовать?

Петр Михайлович поднял голову. Их взгляды встретились. Директор смотрел с удивлением, а Зинура Валиевна – с видом победителя.

— Да, конечно, – произнес тихо директор. – Как я вам до этого не додумался? Спасибо за совет.

— Я свободна?

— Да, конечно, – произнес директор будто самому себе.

Саббарова пошла к выходу. Вот она - ручка двери. Сколько раз ей приходилось дотрагиваться до этой проклятой ручки! Сколько раз ее вызывали в этот проклятый кабинет, унижали, читали нотацию, грозились, но она не сдавалась. Она ненавидела директорский теремок, как окрестили его педагоги. Пришел новый и снова сидит в кабинете, где размещался не штаб по воспитанию, а какое-то тайное общество, члены которого преследовали лишь одну цель - корысть. Сейчас она опять дернет ручку на себя и демонстративно покинет осеннее гнездо. Она уже взялась за нее, еще миг и дверь закроется за ней, оставляя запах французских духов. Но она не сделала последнего шага. Зинура Валиевна остановилась, повернула изящную фигуру и взгляды их снова встретились. Петр Михайлович смотрел с доверием и надеждой, Зинура Валиевна – с готовностью помочь человеку.

Пройдут годы и Зинура Валиевна будет вспоминать

первый день приезда в школу нового директора с каким-то возвышенным чувством и даже с гордостью. Пророни в тот миг Петр Михайлович хотя бы словечко или дай понять одним движением или взглядом, что его интересуют группировки в школе, она готова была покинуть его кабинет. Не имеет значение, какую цель преследовал директор - то ли искоренение конфликта или другие благие мотивы, но была настроена на мужественный шаг. Она боялась, что директор вот-вот выдаст себя, ухватится за гнилой принцип, который унижает любого начальника. Она безмерно была рада, что в коллектив ворвался свежий воздух доверия и созидательного труда. Директор вовлек всех в дружную работу, ценил творчество и новаторство, преданность делу и дух соревнования, дружбу и общительность, боролся за справедливость, временами журил, требовал, но никогда не унижал человека.

Прошло почти двенадцать лет, и Посконину предложили возглавить новую школу. Как-то приехал секретарь райкома партии и незаметно переменял тему разговора.

– В этой школе тебе стало тесно, – как бы невзначай бросил он фразу, когда круг вопросов, казалось, исчерпан. – Пора тебе перебраться в новую. По Сеньке должна быть и шапка.

– Пока на свою шапку не жалуюсь, – ответил серьезным тоном Петр Михайлович, но в душе стало тревожно. – Неужели снова конфликтная ситуация?

– К чему ты это, не понимаю?

– К тому, что я похож на пожарника. Где возникает пожар, туда меня и бросают.

– Нет, сейчас совсем другая ситуация. Идешь на

повышение в головную школу района.

– В Ишеевку?

– Да, в Ишеевскую среднюю школу.

– Не пойдет! Душа не лежит. Буду отказываться, найду любую причину, но вы меня туда не затащите даже веревкой.

– А Баратаевская школа тебя устраивает?

Улыбка прошла по его лицу и он не замедлил с ответом:

– Это другое дело, – отвел глаза в сторону Петр Михайлович. – Не обижайся. Ишеевской школы не боюсь, но не люблю работать под боком у начальства.

Секретарь райкома и не думал обижаться. На таких людей невозможно обижаться. Долг для них стоит на первом месте, они скромны, честны, мужественны, общительны, несут в своих сердцах дух шехи, являются ее гордостью.

В семейном кругу в минуты отдыха.

**РАКОВ
ГЕОРГИЙ
РОМАНОВИЧ**

*Заслуженный учитель
России, профессор*

Он прошел все ступени народного образования – был учителем, организатором по воспитательной работе, завучем, заведующим районо и гороно, но талант его в полную силу раскрылся на посту директора школы. Взяв на вооружение систему академика В. Монахова, школа №77 города Ульяновска за короткое время стала научным и методическим центром не только нашей области. Сюда приезжали за опытом из других регионов России, здесь проводятся семинары и научные конференции. Школа стала участницей Всероссийского конкурса “Школа года” и награждена дипломами.

ХАРАКТЕР ЗАКАЛЯЕТСЯ В БОРЬБЕ

А борьба для него началась на беговой дорожке. Об этом стоит вспомнить потому, что все хорошие спортсмены впоследствии становятся хорошими организаторами. В США, кстати, при выдвижении на должность учитывается – был спортсменом или нет, ибо спортсмен стремится только к победе.

Легкоатлеты педагогического института славились замечательными достижениями – ежегодно выигрывали командные соревнования и, особенно престижной была Ленинская весенняя эстафета на приз областной газеты “Ульяновская правда”. Запомнилась комбинированная эстафета на стадионе “Спартак”, в которой принимали участие сильнейшие команды области, а на первом этапе на восемьсот метров от института бежал Юра Раков. Первый круг он прошел в тени, а потом развил такую скорость, что идущий вторым курсант училища связи отстал метров на сорок. Юрин бег напоминал великолепный бег всемирно известного спортсмена Ардальона Игнатьева. Пробежал Юра легко, изящно, как говорят, на одном дыхании. Подбегаю к нему и спрашиваю: “Как можно развить такую бешеную скорость, когда силы уже на исходе?” Он ответил: “На каком-то отрезке я набираю полную грудь воздуха и, не дыша, пробегаю метров пятьдесят. В это время ног под собою не чувствую” Уверен, что именно в спорте он начинал воспитывать

свой характер.

Прошли годы, и мы снова встретились, но уже по работе. Раков возглавлял идеологический отдел Заволжского райкома партии. У нас был общий интерес для разговора, ибо я тоже занимал такой же пост, но в другом районе. Он дал понять, что партийная работа ему не по душе. Хотя в райком принимали людей трудолюбивых и исполнительных, но в работе ценилось не стремление к поиску, а вовремя делать то, что тебе приказано. Особенно раздражали многочисленные справки и доклады. Силь, который отрицал творчество, ему не подходил и он решил вернуться в школу.

Четверть века отдал он директорской должности, и становление его, как директора, можно понять лишь прослеживая весь путь педагогической биографии. Он готовил себя к сложной работе лидера с того момента, как в первый раз перешагнул порог школы. На этом пути было много сомнений и преград, но стремление к поиску его никогда не покидало. Открыто свои чувства не выражал, но наедине с самим собой проводил мучительные минуты раздумий. Был, правда, один человек, которому он доверял сокровенные мысли, советовался и получал не только сочувствие, но и поддержку. Почему был? Этот человек и по сей день рядом с ним – готовит завтрак, стирает белье, создает дома уют и теплый климат. Круг ее обязанностей невозможно перечислить по пальцам и не только потому, что не хватит пальцев. Валентина Ивановна – это гармония супружеского долга и чести, гражданского мужества и мудрости. Она внимательно следила не только за его внешностью, подбирала

юстом по вкусу, повязывала галстук перед уходом на работу.

– Когда поднимаешься по служебной лестнице, не спишкком стучи каблуками, – советовала она мужу, вкладывая в это выражение особый смысл.

– Надоели они до мозга костей, – возмущался Георгий Романович за обедом и рассказывал, как инспектор районо, посетив урок учителя-коллеги, придиралась к каждому пустяку. – Не видит главного в педагогическом труде, мыслит мелкими категориями.

– А ты не возмущайся, веди себя корректно, но в обиду учителя не давай, если, конечно, он заслуживает того, чтобы его поддержали, – поучала Валентина Ивановна тактично и тихо, будто боялась отпугнуть птицу от своего гнезда.

– Иногда так хочется взорваться, но, видимо, мне не дано это качество, – вздыхал супруг и старался отвлечься от беседы.

– И правильно делаешь, – радовалась супруга, что поведение мужа совпадают с мыслями и принципами, которые считала если не главными, то важными для любого педагога. – Доказывай свою правоту без эмоций и высокого тона.

– Так ведь не понимают.

– Сейчас не поймут, потом поймут. В конце концов она тоже не лыком шита – как-никак, инспектор. У каждого начальника, пусть даже маленького, имеется самолюбие.

Внутренне Георгий Романович радовался – хорошо что выдержал, не повысил голоса, не взорвался. Тем временем вызывать жену на откровенный разговор стало для него традицией. **И делал он это для того,**

чтобы проверить себя, рассеять сомнения, утвердиться в своей правоте.

– Ну что за педагога прислали к нам в школу? – возмущался он, когда пошли в лес на прогулку. – На уроках кричит, одевается как простая колхозница.

– Неужели нет у нее никаких положительных качеств? – ответила Валентина Ивановна вопросом на вопрос.

– Конечно, есть. Прекрасно знает предмет. Логика мышления оставляет самое приятное впечатление.

– Ты и сделай упор на ее положительные черты. Что касается недостатков – о них не следует громко говорить. Разве только в конце беседы. Так...незначай...

– Она подходит ко мне после уроков и спрашивает: “Когда будем анализировать урок?” Я ей вежливо ответил: “Сейчас не смогу. Если вы не против – отложим на завтра”. Не потому, что не было времени, а потому, что нужен срок для размышления.

– Правильно сделал. Где-то я читала, что в хорошем коллективе и плохие учителя становятся хорошими, а в плохом – и хорошие становятся плохими.

Валентина Ивановна тут слегка слукавила. Нигде она не встречала этой мысли. Она сама пришла к такому выводу.

Но больше всего Георгий Романович был недоволен собой. Всю жизнь искал себя в работе. Ему предлагали должности и посолиднее, чем директорская, но проработав немного, он снова возвращался на педагогическую стезю. Тут он непреклонен – не помогали ни уговоры, ни угрозы. Видимо, стремление к свободе двигало его к росту.

Недовольство собой порождало чувство, толкавшее к поиску, к творчеству. Я видел мало, очень мало директоров, может быть, даже единицы, в которых органически сочетались способности организатора, хозяйственника и педагога.

**РАКОВА
ВАЛЕНТИНА
ИВАНОВНА**

Окончила Ульяновский ордена “Знак Почета” педагогический институт имени И.Н.Ульянова. Верный друг и советчица Георгия Романовича, обладает исключительным педагогическим даром.

На его характер и стиль работы невозможно обижаться. Он создал себя сам, неуклонно следуя педагогическим и нравственным принципам, которые утверждались в его стиле спонтанно, но во всей гармонии принципов был главный – делать людям добро. Все остальные принципы подчинялись этому

принципу, как дети подчиняются главе семьи и малейшее нарушение традиций карается наказанием..

В 1990 году ему предложили возглавить крупную школу-новостройку. Пока строили школу, у него было немало времени для обдумывания не только первых шагов. Его не пугали ни масштабы школы, где должны были заниматься две с половиной тысячи учащихся, ни микрорайон, где жил рабочий класс и нет ни одного научного или культурного учреждения, а инженера и научные работники авиационного комплекса предпочли жить в более престижных кварталах.

Самым сложным процессом в системе управления является руководство педагогическим коллективом. Учителя – народ не только чувствительный, но и обидчивый. И в этом ничего удивительного нет – ***они отдают себя детям без остатка и требуют признания их нелегкого труда обществом.*** И тут директор играет основную роль. Коллектив, его сплоченность и трудолюбие, творческая атмосфера, стремление к поиску зависит от того, какими методами действует руководитель школы.

“В лице Ракова Георгия Романовича мы имеем выдающегося организатора образования, которому по плечу решение всех современных задач развития школы”.

Академик В. М. Монахов.

Г. Р. Раков является подлинно демократическим директором. В его стиле отсутствуют диктат и назидание. Опора в руководстве – общественные и педагогические формирования. Он поставил перед

коллективом конкретную цель – овладеть системой академика В.Монахова и добиться положительных результатов в учебно-воспитательной работе. Начало было трудным. Но коллектив за десять лет от эксперимента перешел к практической плоскости и школа стала методической и научной базой в руководстве педагогическим коллективом в современных условиях. Опыт работы учителей данной школы стал общественным достоянием.*

** Подробно об опыте работы педагогического коллектива и о стиле работы его директора изложено в книге "Это начиналось так". Ульяновск. 1998 год.*

**РОМАШКИН
ВАЛЕРИАН
ФЕДОРОВИЧ**

*Чувашский народный
академик.
Член Союза
журналистов России*

Родился 19 ноября 1950 года в селе Нижние Тимерсяны Цильнинского района Ульяновской области. После окончания в 1970 году Сенгилеевского педагогического училища работал учителем русского языка и литературы в Нижнетимерсянской восьмилетней школе, служил в рядах Советской армии, возглавлял комсомольскую организацию в колхозе "Память Куйбышева". Директором Староалгаишинской средней школы назначен в 1979 году, после окончания Ульяновского ордена "Знак Почета" педагогического института имени И.Н.Ульянова, а в 1982 году выдвигается в аппарат Цильнинского РК КПСС, где трудится инструктором, заведующим парткабинетом, заведующим отделом пропаганды и агитации. В 1985 году назначен директором Норовской восьмилетней школы, а в 1986 году - редактором Цильнинской районной газеты "Заря коммунизма". С 1990 по 2002 год - главный редактор областной чувашской газеты "Канаш".

НЕ РОЗАМИ УСЫПАНА ДОРОГА

Партийное собрание подходило к концу, когда слово попросил старейший педагог местной школы Иван Васильевич Дубов. Не торопясь вышел на трибуну и от мощных прожекторов, направленных на сцену, зажмурил глаза. Глухо закашлял и произнес фразу, которая насторожила первого секретаря.

– Я хочу сказать несколько критических слов в адрес райкома партии, – произнес он протяжно. – Дело в том, что райком не всегда прислушивается к голосу масс. А иногда даже игнорирует их мнение. Я уже не раз высказывал...

Анатолий Сергеевич еще больше насторожился. “Что же ты тянешь? Выскажи поскорей”, – подумал он и смерил взглядом оратора, стоявшего рядом с ним на трибуне, с ног до головы. Обрадовался, что кто-то в зале выкрикнул:

– Не тяни резину! Выложи, что гложет твою душу!

– Я уже не раз высказывал по данному вопросу, направил даже бумагу в районный отдел народного образования, но оттуда сообщили, что наш коллектив должен гордиться, что воспитал такого достойного человека.

– Причем тогда райком партии, критикуй районный отдел?! – снова раздался тот же голос.

– Притом, дорогой товарищ, – злобно посмотрел ветеран партии на молодого коммуниста, – кадрами

занимается партия, и она кадровый вопрос никому не доверяет.

“Правильно рассуждает, – подумал хозяин района, – хотя и многословен”.

На следующее утро первый секретарь райкома партии пригласил к себе заведующего районным отделом народного образования и сообщил ему о том, что педагогический коллектив Староалгашинской школы хочет вернуть бывшего директора обратно.

– Я к тебе никаких претензий не имею, но хочу посмотреть его личное дело.

Анатолий Петрович вынул папку и протянул первому.

“Ромашкин Валериан Федорович, – произнес вслух Анатолий Сергеевич и углубился в чтение. – Родился в Нижних Тимерсянах, окончил Сенгилеевское педагогическое училище. Работал учителем русского языка и литературы, а затем служил в армии”. Вышел из-за стола и подошел к бюсту Ленина. С двух сторон его окружали красные знамена, завоеванные тружениками района в социалистическом соревновании.

– Скажите, чем он прославился на посту директора школы? – повернулся он к собеседнику и вернулся к рабочему столу.

– Прославился – слишком громко сказано, но он сумел создать сплоченный и работоспособный коллектив.

Заведующий рассказал, как с приходом Ромашкина в Алгашинской школе прекратились жалобы и дразни, как он сумел вовлечь каждого учителя в дружную работу.

– Какими качествами обладает?

– Думаю, главное качество – равное отношение к каждому педагогу. Не стало любимчиков. Справедливость в сочетании с разумной требовательностью.

– Кого-либо выгонял из коллектива?

– Нет, не выгонял. Но имеется любопытный факт.

– Слушаю вас.

– Работала в школе учительница английского языка Людмила Григорьевна Иванова. Пожилая. До пенсионного возраста оставалось около двух лет. Дисциплина в классе – хуже некуда. Попытки прежнего директора выгнать ее из школы терпели одни неудачи. Недавно узнаю, что она второй год уже работает в группе продленного дня. Конфликт разрешился очень просто. Как-то Ромашкин проходил мимо классной комнаты, откуда доносился шум и гам. “Опять учителя нет в классе”, – подумал директор и открыл дверь. Каково было его удивление, когда увидел учительницу, уткнувшуюся над столом в книгу и монотонно читающую какой-то текст. Ученики в это время кувыркались чуть ли верх ногами. Пригласил директор учительницу к себе в кабинет, попросил рассказать о себе, о том, как она чувствует в роли педагога, какие трудности испытывает. И ни слова об уроке.

Слышал, что вы, Людмила Григорьевна, прекрасная рукодельница, – бросает мимоходом директор реплику.

У старой учительницы на глазах появились слезы, и она еле выговорила:

– Я сколько раз просила дать мне несколько часов кружковой работы и освободить меня от уроков

английского языка, но директор и слушать не захотел меня.

– Почему только кружки? – подхватил тут же Валериан Федорович. – У нас имеется группа продленного дня. Только вчера получил согласие от районо.

Заведующий положил руки на стол, дав понять, что рассказ его закончен. Первый снова сел в кресло и стал читать анкету: “Студент педагогического института, учитель...”. Заврайоно сидел и старался угадать его намерение - почему столь пристальное внимание уделяет хозяин района к персоне Ромашкина, которого он недавно принял методистом.

Романов оторвался от анкеты и поднял голову:

– Скажи, Анатолий Петрович, какая перспектива в районо для Ромашкина?

– К сожалению, никакой. Кадры все молодые, перспективные. Разве только...меня лишите кресла.

Хозяин широко улыбнулся.

– Ты не против, если Ромашкина заберем в райком? Перспектива имеется. Проработает немного инструктором и перекинем в партийный кабинет, а осенью, когда в высшую партшколу отправится заведующий отделом пропаганды, займет его место.

Мартовская метель не торопилась передать полномочия весне. По дорогам и площадям Большого Нагаткина потянулись длинные снега. Ветер неистово качал голые верхушки деревьев. Ромашкин постоял около памятника Ленину и двинулся к партийному дому.

Перед уходом состоялась короткая беседа с

предыдущим районо.

– Не забывай, – сказал он то ли в шутку, то ли всерьез, – первым твои способности заметил я, Починов Анатолий Петрович.

– Спасибо, – ответил Валериан Федорович, – я долго не задержусь. Посмотрю, с чем едят партийный пирог, и чернусь в лоно народного просвещения.

Инструктором райкома он проработал немного. Через неделю в партийном кабинете его встретила библиотечкарь Лидия Михайловна Костюнина. За ее плечами было почти двадцать лет работы с лекторами, пропагандистами, агитаторами, партийными активистами. Она любила свою работу. Знала, где и какая книга лежит. Новый завпарткабинетом прошелся между стеллажами, где аккуратно сложена литература по политике, экономике, партийному строительству, философии и этике. На отдельной полке лежат труды основоположников марксизма-ленинизма.

За короткое время Ромашкин понял, что политическая учеба должна иметь не только четкую систему. Она должна быть связана с практическими делами тех, кто трудится на земле, выращивает хлеб, дает большое молоко, строит и созидает. Но и этого мало. Политическая учеба должна помогать росту производства, идейной и нравственной закалке тружеников села. Бывая на местах, присутствуя на собраниях, он постоянно интересовался положением дел и моральным климатом в коллективах, изучал кадры. Когда его выдвинули заведующим отделом пропаганды и агитации, он уже хорошо знал район.

Однажды, когда кончилось партийное собрание, его

пригласил в гости директор Арбузовской восьмилетней школы. Ромашкин с уважением относился к нему не только как к руководителю, который был педагогом по призванию. Василий Иванович Нестеров слыл прекрасным пропагандистом, превосходным собеседником, возглавлял первичную организацию общества “Знание”. Пока супруга его Анастасия Константиновна готовила на стол, а Василий Иванович раскупоривал бутылку, гость перелистывал семейный альбом. Он мог пройти мимо любительской фотокарточки, если бы на ней не был запечатлен момент строительства дома.

– Василий Иванович! - крикнул он на весь дом и сам испугался своего голоса. – Можно тебя сюда?

Хозяин вышел из кухни, держа в одной руке бутылку, а в другой – рюмки.

– Что случилось?

– Ничего, – спокойно произнес гость. – Скажи, откуда у тебя эта фотокарточка?

– Как откуда? – наклонился над снимком Нестеров. – Сам фотографировал. Было это, кажется, в 1963 году. Да, точно. Стояли жаркие летние дни. Мы только поженились и решили обзавестись собственным домом. Наняли строительную бригаду. Если память не изменяет, из села...

– Нижних Тимерсян.

– Точно, – широко раскрыл глаза Василий Иванович. – Откуда тебе известно?

– Эту бригаду возглавлял мой отец. Федор Ромашкин.

Хозяин чуть не уронил бутылку. Он еще раз наклонился над снимком.

– Который твой отец?

– Вот он – сидит на переднем плане. Взмахнул топором и...застыл.

Гостя уложили спать на веранде. Перина пуховая, простыни накрахмалены. А вот подушка жестковатая. Луна вышла из-за туч и заглянула в окно. Где-то таинственно заиграла гармошка. Снова тишина. Лишь ветка черемухи, как ошалевшая муха, стучится в стекло. Вот и первый петух закукарекал на соседнем дворе, а Романкину все не спится.

...Отец был мастером на все руки. Строил дома, был бондарем, лудильщиком. Своей бригадой объездил все села в округе. Как-то однажды завел разговор о житье-бытье. Побывал, мол, везде, но лучше Телешовки места не встретил. Свяга, озера, заливные луга, а за рекой до самого горизонта тянутся лесистые холмы. Магь сначала не поняла, к чему все это, а когда дошло до ее сознания, с укором обронила:

– Как же будем жить среди русских?

– Чудачка, – ответил отец с улыбкой. – С помощью русского языка и дети быстрее выйдут в люди.

Валериан хорошо помнит, как он в первый раз вошел в класс. Учился в четвертом классе. Все учебники на чувашском языке. Был мал, но голова соображала, изобрел свой метод - переводит условие задачи на русский язык, а потом пыhtит над решением. Отец радовался успехам сына, который быстро сравнялся с русскими детишками, а кое в чем и обогнал.

В Сенгилеевское училище поступил без особого труда. Летние каникулы проводил дома. Помогал по хозяйству, а когда подходила пора сенокоса, косил

траву. На пару с отцом. Пот градом льется по лицу, по спине, чувствуешь, как ноги подкашиваются, а отставать от отца не хочется. Солнце давно скрылось за горизонтом, а покосы все ложатся ровными рядами на душистую землю. Валериан рад сумеркам - бросай работу и шагай домой. На второй день рассвет только начинает занимать восток, а косари уже в поле. Ноют ноги, ломится спина, а жаловаться не хочется. Кончился сенокос, началась прополка сахарной свеклы. Целый день на четвереньках. Солнце палит нещадно, а ты склонился над плантацией и щиплешь каждую травинку. Лето в разгаре, а ты уже живешь мечтой об училище, где снова встретишься с друзьями, дорогими учителями.

Валериан закинул за спину рюкзак, а в руки взял чемодан и направился к выходу.

– Я тебя провожу, – сказал тихо отец и взял у него чемодан.

Шли молча. Когда вышли на большак, Федор Иванович поставил чемодан, сел на небольшой бугорок и вынул папиросу. Дым от махорки медленно поднимается вверх. Валериан снял рюкзак и положил рядом с чемоданом. Отец втягивал в себя махорочный дым и глядел куда-то вдаль.

– Вот что, сынок, – вдруг заговорил он извинительным голосом, – ты на меня зла не имей. Я всегда старался для семьи, для вас. Чтобы вы не знали нужды, как мы с матерью.

– Да что ты, папа, мы довольны тобой, и вообще вся наша семья довольна. Конечно, лучше было бы для семьи. Если ты...

– Не могу, сынок. Поздно. Знаю, что лишнего нельзя пропускать, но я ведь никого не обижаю, не буяню,

как некоторые наши мужики.

Паровоз дал гудок, и Федор Иванович крепко прижал сына к груди. Валериан почувствовал в незаметном жесте отца что-то такое, которое он не мог объяснить. Всегда держался по-мужски, а тут что-то надюмилось в его душе. Он не ошибся. Скоро в училище пришла скорбная весть - отец трагически погиб.

Училище он закончил с отличием и получил направление в родное село. Учитель русского языка и литературы. Редким выпускникам, даже из русской нации, доверяли столь серьезное дело.

На календаре появился 1985 год. Перестройка всколыхнула страну. Заговорили о свободе и демократии. Выборность и альтернативность стали неотъемлемыми атрибутами партийной жизни. Политический рейтинг Ромашкина за годы работы в райкоме быстро рос, его уважали за ясный ум, поддержку, умение общаться и четкость в работе. Не последнее место занимало ораторское искусство. Когда освободилось место главного идеолога района, претендентов оказалось достаточно. Ромашкин спокойно встретил сообщение о том, что его кандидатура выдвинута группой лиц, которые хорошо его знают, да и сами пользуются авторитетом. Во главе группы - председатель колхоза "Знамя Ленина" Алексей Михайлович Сизов и директор сахарного завода Александр Михайлович Коняев.

Он никогда не торопил события, тихо поднимался по служебной лестнице и внутренне радовался, что имеются люди, которые его поддерживают. Это - самая высокая оценка. Но он впервые, может быть, понял, как сложен и противоречив мир. Чем ближе конференция,

тем напряженнее обстановка. Стали приходиться тайные агенты, которые просили, нет - требовали! - чтобы он снял свою кандидатуру. Другие уверяли, что необходимо бороться до конца и победа будет обеспечена.

Ромашкин потерял сон, стал неразговорчивым и задумчивым. Недавно он встретил Анатолия Сергеевича Романова. На десять лет постарел! Походка стала неуверенной, под глазами морщины. Человек двадцать лет возглавлял районную партийную организацию, награжден орденом Ленина, и никто не думал, что его ожидает бесславный конец. "Нет, народ его уважает и будет вспоминать всегда добрым словом", - рассуждал Ромашкин и думал о своей судьбе.

В трудные минуты жизни Ромашкин всегда обращался к советам жены. Знали друг друга с детства, но заметил он ее лишь после возвращения из армии. Работал Валериан комсомольским вожаком в родном селе. Молодежи больше трехсот человек и большинство состоят в рядах славной комсомолки. Какая была жизнь! Крепко трудились, разумно отдыхали. Хор, вокально-инструментальный ансамбль, даже свой драматический театр. Только одна девушка сидит в стороне. Ни танцы, ни художественная самодеятельность ее не интересуют. Приходит в клуб и, заняв место в девятом ряду, спокойно взирает. Не выдержала душа комсомольского вожака, и он бросил упрек:

– Ни в хор, ни в драматический не ходишь. Хотя бы танцевала.

– Пригласи, – вырвалось у нее в ответ и попала в точку.

С того памятного вальса началась их любовь, которая имеет счастливую судьбу. Но на сей раз Нина

Николаевна сама задала тон разговору.
– Не надо разрываться на куски, – произнесла она доверительно. – Если даже победишь, работать тебе не дадут.

Валериан Федорович долго смотрел в глаза супруге. Смотрел и молчал. Когда открылась конференция и объявили его кандидатуру на пост идеолога, сообщил о своем отказе.

– Вот и явился, – отчеканил он, когда на второй день перешагнул порог районного отдела народного образования. – Прошу определить место.

– Место имеется, – обрадовался Анатолий Петрович. – Директором Норовской восьмилетней школы.

Началась спокойная жизнь. Даже дом построили. Тепло и уютно. Дни становились длиннее. Февральское солнце грело все сильнее. На буграх появились черные проталины, а по оврагам побежали ручейки. Пришла ранняя весна.

Директор школы пошел уже к выходу, как прозвенел телефонный звонок. “Телефонограмма, – прозвучал в трубке женский голос. – Ромашкину В.Ф. Завтра, 27 февраля, к 10 часам утра явиться в райком партии к первому секретарю”. Зазвенели короткие гудки, а директор все еще держал трубку в руке.

Он согласился на редактора районной газеты. Дело новое, заманчивое, а учиться никогда не поздно. Вполне возможно, что Ромашкин представлял объем работы, но вряд ли мог предугадать, что прессу в эпоху перестройки ждут серьезные испытания. Не только журналисты, но даже маститые политики не знали, что

газеты и журналы будут находиться меж двух огней. С одной стороны, полная свобода слова, с другой - невероятное давление на них со стороны местных властей. Именно в это время В.Ромашкин прошел большую школу. Он познал свою силу, как редактор, журналист, педагог, дипломат, мастерски обходил рифы, подставляемые райкомом, и одновременно давал свободу журналистам, а когда назревали конфликты, умело их погашал.

Когда его пригласили редактором областной чувашской газеты, охотно согласился. Начинали с нуля. Ни кадров, ни бумаги, ни финансирования нет. В партийном доме много говорили о возрождении национальных культур, состоялась даже партийная конференция по данному вопросу, но дело стояло на месте. Тогда пошли на смелый шаг - издать национальные газеты на общественных началах. Ни один член бюро обкома не догадался, что могут появиться авантюристы. Цильнинская типография выделила бумагу, журналисты писали материалы, которые набирали в Цильнинской редакции. Черновую работу взял на себя В.Ф.Ромашкин, активно включилось общество И.Я.Яковлева во главе с И.С.Кирюшкиным. 30 декабря 1989 года - в день образования СССР - вышли первые номера татарской и чувашской газет.

Чиновники были поставлены перед фактом. Скоро приглашает к себе председатель облисполкома Юрий Горячев и за десять минут решает все финансовые и материальные вопросы. Национальные газеты получают постоянную прописку.

Став во главе чувашского издания, Ромашкин терпеливо выращивает кадры. Он формирует коллектив

журналистов, которые хорошо знают жизнь и культуру своей нации, в совершенстве владеют современным чувашским языком. Редакция возрождает яковлевские традиции в издательском деле. За последние годы выпущено более двадцати книг местных авторов. При редакции работает литературное объединение “Зарница”, возглавляемая поэтом Н.Ларионовым. В редакции трудятся писатель А.Дмитриев, художник Н.Еграшкина. Редакция собрала под свои знамена литераторов, которые начинали творческий путь в газете “Канаш”

Газета стала школой воспитания молодых литераторов, центром сплочения здоровых сил нации нашего края.

На страже демократической печати стоят Анатолий Дмитриев,
Валериан Ромашкин и Николай Ларионов.

Дружеский шарж Нины Еграшкиной.

**ФУРАШОВА
ЕЛИЗАВЕТА
АЛЕКСЕЕВНА**

*Кавалер ордена Ленина,
Заслуженный врач РСФСР,
Почетный гражданин
Ульяновской области –
занесена в Золотую книгу
Почета*

Родилась 1 июля 1921 года в селе Нижние Тимеряны Цильнинского района Ульяновской области. В 1940 году окончила Куйбышевское медицинское училище, в 1945 году - Воронежский медицинский институт. Трудовую деятельность начала в 1945 году в спецполиклинике Ульяновска. С 1949 по 1959 год - ординатор в областной больнице, затем в течение десяти лет возглавляла городскую неврологическую службу. С 1970 года по 1976 год заведовала неврологическим отделением областной больницы.

В настоящее время работает доцентом Ульяновского государственного университета..

КАВАЛЕР ОРДЕНА ЛЕНИНА

Отец посадил ее на колени и, поглаживая казацки усы, произнес: “Ты у меня, Лизавета, будешь доктором”. Дочь смотрела на него детскими глазами и охотно соглашалась: “Как скажешь, папа. Доктором так доктором. Буду лечить и тебя, и маму, и вы долго-долго будете жить”. Широков редко баловал детей лаской, но в минуты отдыха любил с ними балагурить. Считал, что воспитание детей уделом женским. Был спокоен, - жена умеет держать хозяйство, а забота о детях у нее стояла на первом месте.

За Елизавету в семье не беспокоились. Училась отлично, а суждения ее удивляли даже отца - большого человека в районе. А работал Алексей Широков председателем райисполкома и никогда не перечил дочери. Когда Лиза окончила среднюю школу и встал вопрос о ее дальнейшей судьбе, мать спросила: “Куда ее определим, Леша?” Широков сказал: “Спросим у нее, она наверняка уже решила”. Он не ошибся, - Лиза твердо заявила, что поступает в медицинское училище, но не в Ульяновске, а в Куйбышеве.

Старший брат Иван Широков посадил ее в телегу и повез в город. Подруги махали ей платками до тех пор, пока подвода не скрылась за околицей. Лиза чувствовала себя не совсем здоровой, недавно переболела малярией и болезнь давала о себе знать. Ныли ноги, чувствовалась слабость в дыхании. Но она

не унывала, прыгивала с телеги и шла пешком, а когда сделали привал, пошла собирать цветы. Брат больше молчал, но иногда затягивал унылую песню. Голос у него приятный, баритон. Отец ему говорил, что пошел весь в дедушку, который в давние времена пел в церковном хоре.

В город приехали к вечеру, когда на землю спустились сумерки. Лизу удивило множество лампочек, которые горели на столбах. В воздухе гудела кошмара, а телега постоянно подпрыгивала по булыжнику, возбуждая боль в пояснице. Наконец-то въехали в какой-то двор. “Дом колхозника,- объяснил брат и стал распрягать лошадь. - Будем ночевать здесь, а рано утром тронемся на пристань. Пешком”. Лиза не могла понять, почему должны идти пешком, когда есть лошадь, но уточнять не стала.

Во дворе много народу, словно приехали на базар. Шумели, галдели. А совсем рядом заиграла даже гармошка. Иван Широков положил на солому кусок холщовой материи, вынул из мешка картошку, сало. Нарезал два куска ржаного хлеба и пригласил сестру поужинать.

Несмотря на усталость, она долго не могла уснуть. Все смотрела на небо и считала звезды. К ее удивлению, небо показалось ей таким же, как в деревне, когда она с подругами часами лежала на траве и старалась проникнуть вглубь вселенной. “Интересно, проехали столько верст, а Большая Медведица стоит на том же месте”. Лошадь мерно жевала сено и постоянно мотала головой. Брат лег головой на другой конец телеги и быстро уснул.

Проснулась она от мягкого толчка. “Пора”, - сказал

брат тихо и закинул за спину вещевой мешок. Шли долго то узкими переулками, то широкими улицами, пока не подошли к отлогому месту.

– Вот и Волга, – замолвил брат. – Великая русская река.

– А где пристань? – вырвалось у Лизы, и она внимательно стала вглядываться вдаль.

– Сейчас увидишь, – произнес Иван Алексеевич и стал спускаться по деревянным ступенькам.

Первая ступенька. Вторая... Лиза сбилась со счета, и ей показалось, что ступенькам не будет конца. Последний пролет кончился внезапно, и она заметила двухэтажный деревянный дом со множеством окон, который стоял на воде и тихо качался. Она поняла, что это и есть пристань. Когда купили билет, брат стал объяснять, когда пароход прибудет в Куйбышев и как найти училище, где она будет учиться.

Пароход уже стоял на причале. Иван Алексеевич провел ее в четвертый класс, расположенный в трюме, где было много народу, темно и неудобно.

– Счастливого пути, сестренка! – крикнул Иван Широков, когда пароход медленно стал отчаливать от пристани. – Завтра будешь на месте! Не забывай мои наказы!

... “Приемная комиссия”, - прочитала она и постучала в дверь. Пожилая женщина долго вертела в руках документы. Смотрела то на хрупкое тело девчонки, то на аттестат зрелости, где одни отличные оценки. Елизавета Широкова стояла, крепко держа за веревку вещмешка рукой, в сиреновом чувашском платье с оборками в два ряда и в белых чулках. Две косы с голубыми бантами доходили почти до колен.

Отец купил было даже новые лапти, чтобы выглядела на людях не хуже других, но старший брат настоял на другой обуви. “Не такие уж мы бедные”, - сказал он твердо и подарил сестре новенькие туфли из черной кожи.

**ШИРОКОВ
ИВАН
АЛЕКСЕЕВИЧ**

*Кавалер двух орденов
Отечественной войны,
Красной Звезды*

Родился в 1912 году. В 1928 году начал трудовую биографию учеником машиниста, а через год ушел добровольцем в Красную армию. В 1939 году окончил Куйбышевский пединститут. Работал учителем и инструктором Наркомпроса Узбекской ССР. Во время войны окончил офицерскую школу, школу имени Буденного, армейскую школу пропагандистов. Гвардии майор. Служил в кавалерийском полку генерала Доватора. Участвовал в обороне Москвы, в Курской битве, в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии.

С 1946 года работал в органах МВД и в Ульяновском облисполкоме.

Умер в 1999 году.

По традиции абитуриенты-медалисты должны были проходить собеседование у директора училища. Ирина Николаевна с первого взгляда, интуитивно, как и полагається истинному педагогу, оценила душу и характер девчонки, приехавшей из далекой чувашской деревни. Она определила ее в комнату, где жили отличницы учебы. Когда Елизавете Широковой по окончании училища вручали красный диплом, директора в училище уже не было, - она пошла на повышение и занималась областной больницей. Любимой ученице не надо было искать работу - первая наставница взяла ее к себе и постоянно твердила, что она должна продолжить учебу в институте. Стремилась к высшему образованию и сама выпускница. Готовила документы в Куйбышевский медицинский, как получила письмо от старшего брата, который приглашал ее в Ташкент, где имеется институт, а помощь ей будет оказана.

Годы учебы в Ташкентском медицинском совпали с трудным временем. Проучилась она год, и началась война. Иван Алексеевич с первых дней с кавалерийским эскадронам ушел на фронт. Молодая студентка оказалась в тяжелом положении. Помощь от родителей не поступала, и она, как и ее подруги, вынуждена искать средство на существование. Однажды в общежитие пришел человек в военной форме и пригласил работать в военном госпитале. Девочки охотно согласились. Днем учеба, а в ночное время уход за ранеными, - перевязки, уколы, дежурство. Спали урывками, жили впроголодь. Проходит учебный год и ждут их хлопковые плантации, строительные работы на Чикменском оросительном канале. Она худела с каждым днем, иногда чувствовала, что находится на

границы срыва. Голод давал о себе знать. Наконец-то получает письмо от старшего брата, который, оказывается, служит в армии генерала Доватора. Иван Алексеевич сообщает, что в Ульяновске уже третий год находится медицинский институт, эвакуированный из города Воронежа. Студенткой овладевает приподнятое настроение. Закинула косы за спину и постучала в кабинет ректора.

– Данный вопрос в мою компетенцию не входит. – произнес ректор на ломаном русском языке. – Тебе необходимо обратиться к министру республики.

В тот же день Елизавета Широкова сидела в кабинете с огромной люстрой посреди и множеством цветов вдоль окон.

– О, нет, – сказал министр мягким певучим акцентом и включил ветряную мельницу. – Мы тебя не отпустим. Специалисты нужны республике. Тебя учили на наши средства, и ты должна вернуть долг. У нас есть аулы и кишлаки в горах, куда могут долетать только орлы. Горный воздух, вечные снега, а специалистов нет.

Не помогли ни уговоры, ни ссылки на отсутствие средств на существование, ни тоска по родине. Вышла в приемную и почувствовала, как покидают силы. Не попросив разрешения, села на стул и заплакала. Секретарша преподнесла стакан воды и, наклонив голову, таинственно шепнула:

– Надо было плакать у него, а тут бесполезно лить слезы. Скажу по секрету, наш начальник страшно не переносит женские слезы.

Прошел день, и Елизавета Широкова снова сидит у министра, который ходит по паркетному полу и рассказывает студентке, какая прекрасная природа в

республике, какие перспективы ожидают ее в горном ауле. А женихов таких нигде не найдешь. Лиза его не слушает, а думает о том, в каком месте лучше всего выпустить первую слезу. На всякий случай в руке держит носовой платок. Сидит тихо, не поднимая головы.

Министр говорит о долге врача, что скоро придет конец войне, но для врачей война будет продолжаться – надо лечить больных и раненых бойцов.

Вдруг министр застывает в середине кабинета. Он думает, что ослышался, но всхлип повторяется. Министр быстро подходит к графину, наливает в хрустальный бокал воды и преподносит студентке. Но студентка уже вошла в раж, она закрыла лицо платком и громко рыдает.

– Вот этого не надо делать, – произносит министр извинительно и поглядывает на дверь. – Могут подумать, что я тебя обидел.

Но остановить Лизу невозможно. Министр еще о чем-то говорит, но студентка запомнила лишь последние слова.

– Ладно, аллах с тобой, – отчеканил четко главный врач республики и устало свалился в кресло. – Уезжай, но между нами останется уговор. Пусть даже устный. Получишь диплом, приезжай в солнечный край. Узбекистан ждет тебя.

Поезд мчал ее в родные края. За окнами вагона бушевал май. Елизавета лежала на второй полке и слушала радиоприемник. Левитан мощным басом передавал сообщение информбюро: “Сегодня, 15 мая, советские войска освободили город Воронеж...”.

Студентка радовалась победам советских солдат на фронтах. Где-то воюют ее отец и старшие братья Иван и Федор. Она мысленно представила, когда на земле восторжествует мир. К тому времени она наверняка станет уже врачом и поедет лечить детей в какую-нибудь глухомань или даже в родную деревню. Колеса мерно стучат под вагоном и заставляют веки медленно смыкаться...

В институт* она направилась прямо с поезда. Венец встретил ее шумной толпой. У здания института стояли грузовики, лошади с подводами. Люди вытаскивали мебель, книжные полки, тюки с литературой и грузили на машины, бросали на телеги. Недалеко от полуторки стояли молодые парни и о чем-то шумно спорили. Елизавета прошла к крыльцу, по обе стороны которого на белых мраморных колоннах держалась арка. Прошла две ступеньки и остановилась.

– Где можно найти ректора института? – спросила она у мужчины, стоявшего около колонны.

– Ректор давно в Воронеже, – буркнул мужчина лет пятидесяти с длинными волосами и в очках в черной оправе и вынул из кармана курительную трубку.

– Не скажете, кто его заменяет?

– Скажу, – взметнул из трубки дым, на что мужчина помахал руками. – Видишь легковую машину около ограды? По всем вопросам нужно обращаться к женщине, сидящей за столом.

Елизавета хотела спросить, почему у него веселое настроение, но поняла, что и без вопроса ясно, – институт возвращается в свой родной город. Она вспомнила левитанский мощный бас и помчалась к

* Мединститут зармешался в здании сельхозакадемии на Венце.

ограде. Женщина с удивительно голубыми глазами и в строгом зеленом платье просмотрела документы и сообщила, что через два дня отсюда отправляется в Воронеж последний товарный вагон, выделенный для института. Студентка обрадовалась - за эти дни она успеет побывать дома, где не была уже три года.

Прошел еще один год, наступил 1945-ый. Настал долгожданный день Победы, а через месяц Елизавета Широкова получила диплом врача. К Воронежу она привыкла, но знала, что поедет туда, куда дадут направление.

— Твой путь лежит в Чувашскую Республику, — сказали ей на заседании комиссии по распределению. — В столице свободно место инспектора народного здравоохранения. Для начинающего врача лучшего места не придумаешь.

Но судьба распорядилась иначе. В Ульяновске она случайно встретила бывшего директора Куйбышевского медицинского училища, которая, оказывается, переведена на родину Ленина и заведует больницей, обслуживающей работников особого отдела. Встрече обе обрадовались, и после недолгой беседы Ирина Николаевна уговорила молодого врача остаться в ее ведомстве. Началась трудовая биография Елизаветы Алексеевны, которая ничем не отличалась от окружавших ее врачей. Была, быть может, более пытливей до знаний, постоянно совершенствовала свое мастерство, охотно ехала на курсы, была исполнительной, скромной, общительной и с большим кругозором, а главное - целеустремленной. Она глубоко вникала в суть дела, никогда не делала поспешных

выводов, уважала критически мыслящих коллег и все больше убеждалась, что людей нужно лечить не только лекарством, но и добрым словом.

В 1960 году она прошла специализацию невропатолога и показала себя знающим врачом в этой области. Ей предлагают формировать неврологическую службу в городе. С этого времени начинается взлет ее организаторского таланта и проверка ее знаний на практике. За короткий срок Елизавета Алексеевна создает службу, подбирает кадры, оснащает необходимым оборудованием кабинеты, а спустя год к ней приходит первая слава. Венцом ее становится высшая награда Родины - орден Ленина.

В течение десяти лет возглавляет она городскую неврологическую службу, и в 1970 году ей предлагают раздвинуть границы и создать областную. Как человек слова и дела, она с удвоенной энергией берется за осуществление новой идеи и во всех городах и районных центрах области начинают функционировать неврологические отделения. За большие заслуги и многолетний добросовестный труд ей в 1975 году присваивают звание Заслуженного врача здравоохранения.

Ее радость разделяет муж, с которым она прошагала все эти годы по нелегкой тропе жизни. Заслуженный врач РСФСР, кавалер многих правительственных наград, участник Великой Отечественной, Владимир Афанасьевич Фурашов был человеком, который, обладая глубокими знаниями в медицине, силой воли и обаяния, никогда не мог (или не хотел) постоять за себя. Познакомились они в первый послевоенный год на работе, поженились и с тех пор

никогда не расставались. Вырастили трех сыновей, два из которых пошли по стопам родителей.

Елизавета Алексеевна не уважает в людях невоспитанность и высокомерие. Ей в жизни только раз пришлось встретиться с хамством, но оно оставило в ее душе горечь и обиду. Соседка как-то сообщила, что во дворе освобождается гараж, а он им позарез нужен - все видели, как они машину и зимой, и летом содержат под открытым небом. Состоялся разговор с мужем, на что Фурашов с привычным жестом махнул рукой - претендентов на него наверняка и без нас хватает. Но жена проявила характер и пошла к владельцу. Им оказалась молодая женщина, которая быстро согласилась на продажу, и сделка состоялась. Женщина написала расписку, а Елизавета Алексеевна передала необходимую сумму. Скоро выяснилось, что женщина хотя и владела гаражом, который перешел ей по наследству, продавать не имела права. Дело дошло до суда, который затеял заинтересованный человек.

- Вы нарушили закон, - процедила сквозь зубы женщина-судья и приняла гордый вид.

- Но вы помогите восстановить справедливость, я ведь никакого преступления не совершила и готова оформить куплю-продажу на законных основаниях.

- Ах, вы еще собираетесь нас учить! - неожиданно закричала судья, и Елизавете Алексеевне стало не по себе.

- Я не способна учить. Но у меня имеется расписка от владельца.

- Покажите!

Судья берет расписку, нервно скользит по ней глазами и бросает в корзину: "Это не документ!"

Фурашова вышла из кабинета удрученная. Скоро выясняется, что расписка имела юридическую силу, но было поздно. Соседка, узнав гнусную историю, встретила ее холодно:

– Как же так, Елизавета Алексеевна, имеете орден Ленина, а к судье ходите без награды. Мне бы такой орден на грудь – горы бы воротила.

– А мне ведь орден дали за заслуги, а не для таких целей.

Прошло еще два года. Пришло письмо из Ленинграда. Младший сын Дмитрий сообщает, что его направляют в академию, но на место претендуют несколько человек. Он не умоляет о помощи, а лишь просит совета: как быть - лучше, быть может, заранее отказаться, ибо вероятности попасть в академию ничтожны. И тут Елизавета Алексеевна вспомнила соседку, которая сделала ей когда-то серьезный упрек. Надела лучшее платье, прикрепила к груди орден и поехала в северную столицу. Хотя на улице стояла осень, пуховый снег ложился на землю, замарлевая ее белым покрывалом. С аэропорта через каждые пять минут поднимается в воздух самолет-гигант и увозит пассажиров в разные концы необъятной страны. Оформив документы, Елизавета Алексеевна, поднялась на второй этаж. Перед ее взором открылась широкая панорама аэродрома. Она думала о том, как будет вести себя в ситуации, когда надо бороться не за жизнь незнакомого человека, а за судьбу своего сына. Трудно поверить, но ей разрешили не только присутствовать на заседании комиссии, но и выступить. Она сказала, что в жизни не так уж часто бывают случаи, когда

человек из периферии, родившийся в простой семье, попадает по конкурсу в академию. А на груди сиял орден Ленина. Победила! В настоящее время сын работает в главном военном госпитале имени Бурденко. Хирург-уролог. Полковник. Недавно выступил перед медицинскими работниками в Ленинском Мемориале в Ульяновске. Гордость династии!

“Ее отзывчивость в общении с людьми - это благородство, тонкость души, не внешние признаки, а сущность характера, - пишет о ней писатель Анатолий Дмитриев. - Над ней не властно время, и сегодня ее женственность, ее теплота и обаяние обезоруживают...Ее интересует все, что может интересовать современного человека. Она многое знает и делится с другими. И понимаешь - перед тобой настоящий профессионал. Мастер своей профессии”.

Владимир Афанасьевич и Елизавета Алексеевна в счастливые минуты семейного отдыха.

**ЦАРЬКОВ
ГЕННАДИЙ
ИВАНОВИЧ**

**Член Союза
журналистов СССР**

Родился в сорок пятом в городе Острогжске Воронежской области, но детство провел на Владимирщине - родине отца, погибшего на фронте. Работал слесарем на Владимирском заводе "Электроприбор". Десять лет жил и трудился в Тольятти.

Окончил отделение журналистики Казанского государственного университета.

С 1974 года его трудовая биография связана с Ульяновском. Работал редактором заводской многотиражки, ответственным секретарем журнала "Политическая агитация", инструктором сектора печати обкома КПСС, директором Ульяновского областного газетного издательства. С 1998 года - начальник отдела в Управлении по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Геннадию Царькову

*Еще апрель не на исходе,
А гром весенний уж грохочет.
Все ожило в живой природе,
Пустилось в пляску и хохочет.
Искрится, пенится свобода
В стекле кремлевского оконца,
Смеется над судьбой народа
Устами псевдо-полководца.
Свободу бросил, как бульдогу
Нахально косточки бросают,
Проглотят – будут жить, не смогут –
Пускай, как мухи, подышают.
Свободой мы по горло сыты,
И честь, и совесть - все в продаже,
Всем ясно, чем мозги промыты
И кто стоит у лжи на страже.
Бесстыдство льется на экраны,
И диктор с умным видом вроде,
Набив валютою карманы,
Гундит надменно о свободе.
Но не тужи, мой друг Геннадий,
Пока свободою горим,
Бороться будем жизни ради
И честь свободы отстоим.*

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Когда фашистов отбросили от Москвы, старший батальонный комиссар Царьков был командирован на родную Владимирщину для пополнения тылов 44 мотострелковой бригады.

С нетерпением и жгучей радостью вглядывался он в раскинувшееся село: на большом пространстве дома сбежались к речке, берущей начало из-под часовни и потому названной Святой Ключ. Воткнулась крестиком в небо луковка купола церкви. Окрест все непривычно тихо и мирно: лишь где-то залает собака или прорежется петушиный покрик..

Невозможно передать радость встречи с семьей и близкими. С восторгом и восхищением подбрасывал фронтовик на вытянутых руках к самому потолку впервые увиденного сына, - которому не было и года: "Наследник! В суровое время родился: простым и добрым Генка будет!".

Но этот радостный домашний мир был коротким и хрупким: у райцентра продолжали рыть противотанковые рвы... Мужиков, почитай, в селе не было - на фронте сражались. Но жизнь есть жизнь: вечером услышал Иван Федорович гармошку. И сердце сдавило: не веселила, а плакала она! Два дня пролетели как один миг. Самым близким и родным роздал комиссар несколько пистолетов: не жалеете жизни за Родину! Советская власть - наша власть. Если, не даст

бог, прорвутся фашисты, убивайте из каждого окна, у каждого куста. В час расставания Иван Федорович с чувством прижал к груди сына и надолго замер, словно переливая свою душу в младенца. Больше свидеться им не пришлось: подполковник Царьков домой с войны не вернулся - погиб на Курской дуге.

Когда наследник немного подрос, нашел в сундуке бинокль и полевую книжку-дневник - все, что осталось от отца. Мать отняла - потеряешь. Вырастешь - все будет твое.

С тех пор прошли годы и годы. Но всегда эти предметы особочтимые и хранимые. Говорят, что душа человека жива и бессмертна, пока вспоминают его. Геннадий, не помня, помнит и любит отца. Он стремился быть похожим на него (о нем много рассказывали дед и мать), не кривил душой, был находчив и целеустремлен, дорожил друзьями, не предавал идеалы коммунистов.

Село Черсево раскинулось в живописной местности на стыке мещерских и муромских лесов. Их прорезает река Колпь - мечта и отрада мальчишек. Тихо она течет среди тенистых зарослей ивы и черемухи, среди русских берез и корабельных сосен. В сороковые-пятидесятые река просто кишела рыбой. И Генка с дружкой Ваней Тарасовым сутками пропадали на ней. А возле села была водяная мельница на запруде Святого Ключа. Здесь рыбу ловить можно было вообще корзиной или вилкой, привязанной к палке...

Тарасов был немного старше и в середине пятидесятых приехал на каникулы уже студентом техникума.

– Видишь, – показывал он на свою необычную

обувь, - кеды называются. За статью в газете заплатили, вот и купил.

Не видали в деревне еще такой обуви. Запали Генке в душу и эти кеды, да и то, что за писанину в газету платят.

После семилетки в техникум Геннадий поступить не сумел, пришлось идти в среднюю школу в соседнем рабочем поселке. Зимой жил на квартире, а в бесснежное время ездил на велосипеде. Туда-сюда - тридцать километров. Ежедневно. Всегда мило и красиво в лесу: в воздухе запах смолы, цветов, заливаются птицы. Вьется и вьется тропинка, прытко мчится велик, и на душе радостно. Чувствуешь природу, ее красу и тайну. Крутит педали и старается сочинять.

Ему еще не было пятнадцати, как отправил в районную газету первый рассказ “Случай в лесу”. Напечатали! Бог мой, на всю страницу! Лазарев, учитель русского языка и литературы, не очень доволен: вот так бы про Кабаниху писал, выдумщик. Но Геннадий был вне себя от радости. И решил непременно стать журналистом. С этого времени стал относиться к литературе серьезно, а в районку регулярно отправлял заметки и зарисовки. Неудивительно, что когда поступил в техническое училище в областном центре, сразу записался в литературное объединение при газете. Одновременно поступил в аэроклуб. Днем учился на слесаря, а вечерами то спорил с начинающими литераторами, то осваивал летную теорию.

Командир эскадрильи Котов был из тех людей, кто внимательно, со знанием дела и заботой воспитывал молодых летчиков. Был творцом в прямом и переносном смысле. Удивился Геннадий, когда

встретил его в коридоре редакции в литературном кругу. Командир и выпустил ясным июньским днем курсанта Царькова в первый самостоятельный полет. Восторг и блаженство охватили юношу, когда он оказался в кабине “Яка” один на один с облаками. Далеко внизу четко белела на зеленом травяном ковре буква “Т”, выложенная из громадных полотен - главный ориентир полетов. Яркое светило солнце, вверху плыли белые клубы облаков, а внизу простирались широкие просторы. Было видно сразу все: и городские кварталы, и дорогу, и лесные массивы, и разноцветные поля, чередовавшиеся с белесыми холмами. Река синей извилистой лентой уходила в дымку, к горизонту...Сделав круг-“коробочку” над аэродромом, волнуясь, но точно посадил Геннадий ставший послушным самолет у заветной “Т”. Как же хороша жизнь!

Аэроклуб едва не перевернул судьбу. Юных пилотов собрали по повесткам военкомата, одели в форму и после принятия присяги стали переучивать на вертолетчиков. Инструктором на офицерских курсах был чемпион мира по вертолетному спорту Владимир Пронин, и Царьков не подвел своего именитого наставника: из сотни летчиков поднял вертолет самостоятельно первым. Местность в районе Тоцкого, где семь лет назад до того была испытана первая атомная бомба, Царьков знал досконально: учили по “слепой” (без названий) карте. С высоты хорошо видел все еще неживые пожелтевшие сосны и лес в целом. Аэродромная жизнь ему понравилась. И он решил связать свою судьбу с армией. Но тут подошла хрущевская оттепель, новшества, сокращение...

Старший брат Вячеслав настойчиво приглашал на Волгу, в Тольятти. Молодого, ударенного жизнью романтика, потянуло неизведанное и он поехал. Стал работать на электротехническом заводе разметчиком. (Об автозаводе еще и речи не было. Да и город многие звали по-старому - Ставрополем). Отличное знание чертежей, исполнительность, точность в работе, общественная работа, сотрудничество с многотиражкой и городской газетой сделали Геннадия Царькова на заводе известным. Неудивительно, что при создании ГПТУ его направили туда мастером производственного обучения, готовить молодых рабочих для растущего города. В нем открылся педагогический дар: его группы занимали передовые позиции. Это было замечено, и мастер стал заместителем директора по воспитательной работе - в просторечии замполитом. Вот она связь с отцом-комиссаром.

Во время выборов в Советы Царькову приходилось активно участвовать в их организации. Кандидатом в депутаты ВС СССР от тольяттинцев баллотировался М.А.Суслов. Для кого-то это был, как сейчас говорят, "серый кардинал", фактически второй человек в партии и государстве. Но ничего серого Геннадий Иванович в нем не увидел. Напротив, оказался Михаил Андреевич внимательным и собранным, в то же время открытым. А личный шофер в доверительном разговоре большой палец поднял: "Во мужик!".

Все время работы на заводе и в профтехучилище-44, ставшем одним из лучших в стране, Царьков продолжал сотрудничать с газетами. Писал и в спецвыпуски "Советской России" на стройке ВАЗа. Не покидала мысль получить журналистское образование.

Решившись, заочно поступает в Казанский университет.

Однажды, на экзаменационной сессии, редактор газеты “На стройках Ульяновска” Малинин, рассказывая о подготовке одного из своих материалов, назвал фамилию комсомольского вожака строителей Ивана Тарасова. Словно током Царькова ударило:

– Скажи, Валентин Александрович, ты этого Тарасова лично не знаешь?

Оказалось, тот Тарасов - друг из голоштанного детства. Созвонились.

– Приезжай обязательно! Встречу! – кричало “детство” в трубку.

– А как я тебя узнаю? Семнадцать лет прошло...

Условились о месте и времени. Иван назвал номер машины, сказал, где она будет стоять. Но когда Царьков выходил из автобуса, сразу обратил внимание на невысокого человека, махавшего высокоподнятой книгой. Интуиция не подвела: друзья бросились друг к другу.

– Сколько лет прошло. А ты и не очень изменился.

– А я тебя узнал сразу, и даже бы без книжки. Хотя ты, Иван Георгиевич, посолиднел...

Не одна бутылка была выпита. Рассвет уже подкрадывался к окнам, а они все не могли наговориться за жизнь: нет-нет да хлопали друг друга по плечу - ну, ты даешь!

– Перебирайся-ка в Ульяновск, – настаивал Тарасов. – Здесь журналисты нужны. С дипломом сразу устроишься. Ну, а в свободное время порыбачим, за грибами походим вволю. Вспомним муромские леса.

Он всегда обладал даром убеждения, был верховодом. Конечно, не малую роль сыграли детские годы, клятва в вечной дружбе.

**ТАРАСОВ
ИВАН
ГЕОРГИЕВИЧ**

Работал в ту пору заместителем начальника главка "Ульяновскпромшерсть". До этого трудился на Володарке, был комсомольским вожаком в Заволжье, Главульяновкстрое. Соратник Юрия Горячева. Строил Ленинский Мемориал. Много сделал для развития Ишеевского текстильного комбината имени Гимова. Часто выступал в печати, сотрудничал с областным радио. Опыт в этом был: еще в армии (служил в морской авиации в одной части с будущим космонавтом Германом Титовым), печатался в военной газете и журналах. Человек большой эрудиции, он честно и добросовестно трудился на всех участках, куда ставили комсомол, партия и жизнь. Отличался коммуникабельностью, дружелюбием, добротой. "Штатный" тамада. Был на все руки мастер. В одно из представлений, посвященных армии, которые проводились в 60-70 годы прошлого века, Тарасову была определена роль "эсесовца". Он неплохо знал немецкий язык, так экипировался и играл, что два выпивших фронтовика, утративших чувство реальности, но переполненных патриотизмом, едва не взяли его как "языка" - спасла Ивана физическая сила и зрители, но пару сивяков все-таки пришлось получить.

Умер скоропостижно в августе 1999 года. Многие-многие вспоминают его с теплотой...

В семьдесят пятом Г.И.Царьков уже редактор многотиражной газеты на приборостроительном заводе. Зарекомендовал себя хорошо и среди начальства, и коллег-журналистов. Когда через пять лет его утверждали ответственным секретарем журнала "Политическая агитация", директор В.С.Зорин пытался не отпускать, звонил секретарю обкома В.Н.Сверкалову. Новая должность была более хлопотливая и серьезная, но благодаря редактору Юрию Ромбовскому дела пошли хорошо и здесь. Царьков привлекает к сотрудничеству политически грамотных руководителей, одаренных журналистов, много пишет на темы патриотизма сам, устанавливая связь с известными людьми края. Он твердо и с искренней убежденностью (нельзя предать память отца) проводит партийную линию, выполняет специальный заказ рядовых коммунистов-пропагандистов, отстаивает свою позицию. Обком партии переводит его в свой аппарат - инструктором в сектор печати.

Круг его знакомств расширяется. Он изучает творчество местных литераторов, не боится давать оценку работе журналистов.

В те времена родина Ленина была местом паломничества для людей всей планеты. Частыми гостями в Ульяновске были писатели и журналисты, в том числе из-за рубежа. И Геннадию Ивановичу приходилось встречать их, возить по городу, области, знакомить с именитыми и простыми людьми, показывать исторические места: ленинские музеи, пластовскую Прислониху, Димитровград, Павловку - родину Ф. Панферова и М. Сулова...

Однажды теплым солнечным днем торжественно встречали пароход с известными писателями и поэтами. В Ленинском Мемориале рядом с Геннадием Ивановичем сел невысокий скромно одетый человек, с орденом Отечественной войны на лацкане и серебристым бобриком волос. “Гость или наш?” – размышлял Царьков, а вслух сказал: “Спасибо за победу, за такой солнечный день...Мой отец тоже воевал. Был комиссаром. Погиб в сорок третьем на Курской дуге”.

Ветеран вдруг оживился и повернул голову в сторону собеседника:

– Я ведь тоже там был. Как видите, остался жив. Как вас зовут?

Получив ответ, он вынул из портфеля книжку и округлым почерком написал: “Сыну фронтовика Геннадию Царькову от фронтовика-поэта. Яков Шведов”. Встреча с автором знаменитого “Орленка” обожгла и обострила боль памяти по отцу...

И до этой встречи, и после, в минуты раздумий. Геннадий Иванович часто вспоминал известных людей, с кем пересекался на жизненной тропе, давал им свою оценку с учетом убеждений отца, которые заключал дневник.

– Во Владимире я был в приятельских отношениях с Венедиктом – теперь Веничкой – Ерофеевым, – частенько вспоминает он эпизоды встреч далекой юности. – Неизменными спутниками в попойках тогда были Борис Сорокин, его Санчо-Панса – инвалид, начитанный не менее Ерофеева молодой человек, страстно любивший классическую музыку, и учитель Авенир Авдошин – мой близкий товарищ, бредивший А. Вознесенским, которого декламировал во все горло

после первой же рюмки. Ерофеев тогда, помнится, таскался с книжками стихов Хлебникова и Бальмонта. Своих кумиров Венедикт, пожалуй, перещегоолял: стал всемирно известным благодаря своему бестселлеру “Москва - Петушки”.

В скобках заметим, что Геннадий Иванович, восторгаясь своим приятелем, как до ненормальности талантливым человеком, творение его за литературу не признает, считает, что потенциально Ерофеев был способен на большее. Но вольному - воля, на вкус и цвет, как говорится... Тем не менее в этих самых Петушках поставлен Ерофееву памятник. Посмертно, как водится.

В Тольятти в редакции городской газеты Царьков запальчиво лицо в лицо выступил против автора любимой своей книги “Двух капитанов”. Вениамин Каверин ратовал тогда за А. Солженицина, ставил его выше Льва Толстого...

В университете примером был участник Великой Отечественной войны, живой татарский классик Гази Кашшаф - друг Мусы Джалиля.

Ошеломляющее впечатление произвел на Царькова человек-легенда двадцатого века Вольф Мессинг. Он первый предсказал гибель Гитлеру. Находясь за это в фашистском застенке, силой своей воли и гипноза сумел собрать в свою камеру охранников, а затем, заперев их, бежал и добрался до СССР.

Вспоминает уверенную поступь в коридорах обкома партии члена Политбюро Егора Лигачева, оказавшемуся провидцем и пророком в своем обращении к Ельцину: “Борис, ты не прав”, интеллигентнейшего главного редактора “Правды” В.Г.Афанасьева. К этой же когорте

причисляет В. Н. Сверкалова, с кем непосредственно довелось поработать - главного идеолога области, человека неординарного, с поразительной памятью на лица и события, участником, а то и творцом которых был.

– Моего деда Федора Мартыновича тоже можно отнести к особым людям, – улыбается Геннадий Иванович. И объясняет: – Дед родился в 1880 году, когда еще не был изобретен самолет, а умер в 1970 году, когда люди уже на луне побывали. В течение одной жизни на земле свершилась целая эпоха научно-технической революции.

Наступил 1988 год. Изменились наши представления о чести и совести, о свободе и демократии, люди столкнулись с новыми понятиями, как плюрализм, гласность, альтернатива, бартер, новое мышление, приватизация, ваучер. Пресса пестрела свободомыслием и словоблудием. Она оказалась меж двух огней. С одной стороны, партия дала полную свободу на критику, с другой, местные чиновники старались держать прессу в узде. Противостояние редакций и местных властей было столь серьезным, что зачастую превращалось в конфликты и коллизии. Геннадий Иванович оказался с теми, кто не одобрял и не признавал неограниченную свободу и в то же время старался вывести прессу из-под неусыпного, придирчивого контроля со стороны партийных органов. Главным мерилom и критерием оценки должна быть правда и только правда. Таково было кредo тех, кто на деле боролся за истинную свободу и демократию.

Геннадию Царькову и его коллегам пришлось выдержать неравный бой с местными чиновниками. И победа восторжествовала! В сложной, неординарной ситуации журналист Царьков показал себя стойким

бойцом. В эти годы ярко проявилось еще одно его качество - верность дружбе. Он смело встал на защиту правды и справедливости, хотя ему грозило это лишением ответственного поста.

Царьков один из немногих, кто хорошо знает творчество местных литераторов. Ни одна книга, увидевшая свет, не проходит мимо его внимания. Он с жаром восхищается лучшими творениями, критикует тех, кто пишет лишь для того, чтобы писать. Думается, он мог бы стать хорошим критиком местных авторов. Высоко ценит творчество Евгения Ларина, Евгения Мельникова, Николая Романова, а Григория Медведовского считает лучшим сатириком страны. Когда вышла книга Александра Лайкова "Из пепла и света", безмерно восхищался его стихами.

"Поэты вены рвут, как лычки на погоне, во имя всех растоптанных свобод!", – читал он вдохновенно и твердил, что никто из поэтов так емко и трагично не писал о свободе.

Очень строг к слову, не терпит фальши и ложной красоты. Должно быть все естественно и просто. В советское время к красным датам всегда появлялись Тезисы ЦК КПСС, в которых звучали призывы. Геннадий Иванович доказывал одному партийному чиновнику, что нашел в Обращении ЦК грубую ошибку.

– Центральный Комитет не допускает ошибок, – заявил гордо собеседник.

– Допускает, – решительно возразил журналист и попросил обратить внимание на один из призывов.

"Свободу узникам империализма и реакции!" – прочитал чиновник и уставился на собеседника: "Ну, что тут крамольного?"

– Получается, что свободу нужно давать не только узникам, но и реакции, - спокойно ответил Царьков.

– Да-а-а! – произнес протяжно партработник и почесал затылок.

...Не так давно он перенес сложную операцию и в первый раз после длительного перерыва вышел на улицу. Сентябрь в зените, а все еще жарко с самого утра, и лето не торопится уходить. Геннадий Иванович сел на скамейку, и ленивые лучи солнца ударили в лицо. С Волги подул теплый ветер, редко затихающий в этой возвышенной местности, где стоит их многоэтажный дом. Он вдохнул полной грудью осеннего воздуха и направил взор на безоблачное небо, - журавлиный караван улетал на юг. Геннадий Иванович почувствовал, как к нему приходят силы и уверенность. Он улыбнулся – жизнь продолжается...

Внук Сталина Евгений Джугашвили на родине Ленина. 1998 год.

ШИРТАНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Родился в 1952 году в селе Богдашкино. Козерог. Окончил Рязановский совхоз-техникум и Ульяновский сельхозинститут. Служил в армии. Трудовую биографию начал агрономом в родном селе. Шесть лет работал председателем Норовского сельсовета. С 1987 по 1990 год возглавлял колхоз “Слава”. С 1991 года — глава фермерского хозяйства “Восток”.

ФЕРМЕРСКАЯ ЖИЛКА

Машина с Казанского тракта свернула влево и стала прыгать по ухабистой дороге. Местами выбоины такой глубины, что, казалось, узик вот-вот заглохнет. Дождь не перестает лить, будто кто-то в небесах льет воду из ведра. Александр Михайлович усиленно вглядывается в смотровое окно, но впереди не видно ни зги – лишь при свете от фар серебрятся нити дождя. Николай Петрович Мынин спокойно держится за руль и на каждый соскок машины отвечает крепким русским словом. Он знает дорогу как свои пять пальцев – за два года на посту предколхоза узнал и людей, и каждую яму. Недавно его забрали в райком, и он, недолго думая, предложил на свое место молодого, перспективного, как он считал, руководителя. И вот сегодня везет его в Кундюковку, чтобы показать товар лицом. Мысленно представляет помещение правления, где в этот момент наверняка собрались авторитетные люди села. Все ждут прибытия нового преда, а тем временем дым столбом поднимается к потолку и вырывается через открытую дверь на улицу. Анатолий Клопков как всегда сидит молчаливо, а Лида Калашникова безумолку рассказывает о событиях дня. Оба – кавалеры ордена Трудового Красного Знамени, знатные передовики производства. Предсовета Владимир Еленкин в восторге от перестройки, которая началась в стране, и отзывается о Михаиле Горбачеве, как верном ленинце. Все расселись кто по углам, кто у

печки, а за столом - вожак местных коммунистов Геннадий Шленкин собирает членские взносы. Использует любой случай – семинар, совещание или другое какое-нибудь мероприятие, чтобы пополнить партийную кассу. Аккуратно подсчитывает деньги, кладет в маленькую картонную коробку и подсовывает коммунисту ведомость. «Вот это да! – восклицает он, держа в руке билет знатного механизатора. – Какая зарплата! Больше, чем у предколхоза. Заслужил! От зари и до зари в поле!»

Мысли у Николая Петровича внезапно прерываются – машина зафырчала и на каждую попытку завести мотор отвечает звериным ревом.

- Все! – крикнул инструктор райкома и, открыв дверцу, посмотрел на небо. – Машину оставляем здесь и движемся пешком.

Ширтанов молча последовал его примеру и, опустив правую ногу на землю, почувствовал липкую трясицу. Мынин вынул из кармана плаща фонарик и направил в сторону села – тусклый свет еле пробивает темную завесу. Хорошо, что прекратил дождь. Мынин еще раз посмотрел на небо и удивился – в вышине замелькали крошечные золотистые звездочки. «Завтра будет ясная погода», - подумал он и двинулся по узкой тропе. Ширтанов приподнял воротник и зашагал за ним, осторожно передвигая ноги по колено в грязи.

Этот вечер Александр Михайлович вспоминал потом частенько – и не только тогда, когда глубокой осенью лили беспрерывные дожди. Кундюковцы приняли его сдержанно. Таковы традиции у этого чувашского села. Любого пришельца изучают долго и основательно. Если человек пришелся ко двору, показал себя на деле, нет ему цены. Молодой человек с первого дня понял ситуацию

и не торопил события. Начал с того, что изучал экономику, состояние социальной сферы. Его радовало, что многие проблемы на селе решены. Школу новую построили, всем требованиям отвечает детский сад, имеются современные торговые точки, пилорама, теплые гаражи, мастерские, столовая на полевом стане, неплохие условия на ферме – много сделано его предшественниками. Село утопает в зелени, а замечательный парк с обелиском является гордостью сельчан. «Но нужны дороги, – не перестает думать он и готовит программу для обсуждения на правлении. – Всюду грязь – на ферме, около мастерских, а на большак не выедешь даже на вездеходе».

С раннего утра пропадал новый пред то на ферме, то на колхозном поле, заглядывал на ток, в гараж, а когда солнечные лучи освещали парк Победы и крыши домов, появлялся в конторе. Оставив машину у трех берез, шел бодро, быстрыми шагами – знал, что люди наверняка ждут его на приеме. Но на сей раз, к его удивлению, в приемной никого не оказалось. Секретарша стучала на машинке и не заметила, как вошел начальник.

– А где люди? – поинтересовался Александр Михайлович и остановился у входа в кабинет.

– Нынче праздник, Александр Михайлович. Пасха. Люди яйца красят, а когда встречаются, друг другу говорят: «Христос воскрес!», «Воистину воскрес!», – улыбнулась белокурая секретарша. – Но...

Не успела – дверь за начальником захлопнулась, и она, разведя руками, села на свое место.

В кабинете пахло утренним ароматом, который врвался в открытую форточку. Председатель подошел к шкафу, снял пальто, потянулся к вешалке и застыл – незаметный шорох заставил его обернуться. Секунда

замешательства, и на его лице появилась широкая улыбка, которая присуща лишь людям с открытой душой.

– А мне сказали, что люди нынче красят яйца, - бросил он на стол пальто и протянул руку. – Здравствуйте, Алексей Прохорович! Очень рад! Я ведь сам хотел наведать вас, но так и не сумел выбрать время.

– Доброе утро, Александр Михайлович. У вас, конечно, туго со временем, но мне необходимо поговорить с вами по одному щекотливому вопросу.

Богатов Алексей Прохорович – коренной селянин. Село его вырастило и поставило на ноги. Работал предколхоза в годы хрущевской оттепели, трудился директором школы, был вожаком местных коммунистов, возглавлял местную власть. Авторитет его непререкаем. Люди к нему тянутся, и он никогда не отказывает им в помощи и в добрых советах. Новый пред много лестного слышал о нем, а вот встречаются в первый раз.

Когда беседуют два человека, понимающие друг друга, время летит незаметно. Но тут дело было не во времени. Тяга - вот то чувство, которое определяет степень привязанности. Если оно подкрепляется единством идей, то тяга часто превращается в дружбу.

– В нашей практике сложилось неправильное понимание заботы о людях. Говорим о высокой материи, а о конкретном человеке не думаем,- произносит Алексей Прохорович с чуть простуженным голосом и вынимает из кармана папиросу.- Закурите, пожалуйста.

– К сожалению, организм не принимает. Несколько раз пробовал,- но не получается.

– Приведу конкретный пример, – продолжает собеседник.- Хлеб, который выращивают труженики, подчистую отправляем государству. Как во времена

продразверстки. Каждой семье выдают по одной тонне и ни грамма не больше. Не имеет значения – как работает человек и сколько работяг в семье. Считаю, что зерна нужно давать столько, сколько заработано каждым тружеником. Тогда появится дополнительный стимул, и человек будет трудиться с удвоенной энергией.

Он напоминал ходока, сидящего у Ленина, который простым рабочим языком ведал о серьезных вопросах. Говорил Прохорович приглушенным голосом, тихо и медленно, делая акцент на главной мысли. И тут он заметил, как расширились у молодого председателя глаза и на губах появилась незаметная улыбка.

– Не понимаю, – овладевает им чувство смущения. – может быть, я не то говорю?

– Говорите вы то, что надо, – старается скорей снять чувство недоразумения Ширтанов. – Улыбаюсь я потому, что второй месяц думаю о том, о чем вы так увлеченно и доходчиво рассказываете.

На второй день в помещении конторы было шумно и многолюдно. Собрались члены правления, специалисты, аксакалы.

– Для чего существует колхоз? – задал вопрос предколхоза и окинул аудиторию испытующим взглядом, вызвав у актива некоторое смятение.

Ответ на этот вопрос знает каждый старшеклассник, и у каждого активиста мелькают мысли, которые ему известны давным-давно. Больше производить и больше сдавать государству продукции, получать знамя за хорошую работу, создавать блага обществу... Все знают, но никто не осмеливается высказать открыто. Вопрос звучит вторично, и на него отвечает сам хозяин: «Все вы думаете правильно, но колхоз в первую очередь»

существует для того, чтобы сами колхозники жили хорошо и...не воровали.»

– Вы ущемляете интересы специалистов! – звучит голос молодого человека, и он начинает доказывать, что их зарплата зависит от того, сколько колхоз сдает государству зерна. – Если в закрома родины поступит от нас меньше хлеба, то...

- Вот оно что, - не дал ему договорить Ширтанов. – Вы ввели в заблуждение всех: и специалистов, и колхозников. К вашему сведению, выдача труженикам зерна входит в Госплан и ваши интересы нисколько не страдают.

В подтверждение он читает правительственный документ.

Утро после схватки председателю кажется светлее, насыщеннее ароматом свежих цветов, будто влили ему живительную струю – дышится легко и свободно, хочется трудиться с удвоенной энергией. Люди смотрят на него доверительно, а какой-то ветеран – жаль, что не успел с ним еще познакомиться – издали снимает фуражку и низко кланяется. Изменилось отношение и спецов, хотя зависти у них не занимать.

Зависть у кундюковцев – черта врожденная. Не знаю, в каком веке она зародилась, но потаенно завидуют они чужому счастью или чужой удаче до сих пор. Хоть колом по голове чеши – завидуют. Придет время, и новому преду они еще напомнят, что ничто не забыто.

Тем временем Александр Михайлович энергично решает другие дела. Каждой семье выделяют 20 соток сенокосных угодий. Пусть честно трудятся, сдают колхозу излишки, что положено, а остальную массу оставляют себе. Труженики поняли выгоду – не стало воровства,

укрепилась дисциплина труда.

Экономика лишь тогда ощутима, когда колхозники видят реальные результаты. Рост производства должен помогать решению социальных вопросов, улучшению условий труда, и люди должны жить лучше и зажиточнее. Шихранов органически сочетал общественные и личные интересы. Не стало на ферме грязи, где по колено тонули коровы – уложили железобетонные плиты и покрыли их асфальтом. Построены теплая стоянка для тракторов, телятник, магазин, склад. Крытый ток, ангар для фуража, установлено оборудование для кормоцеха, молокопровод в летнем лагере. Всего не перечислишь. За четыре года производство молока увеличилось на 60, мяса – на 49, шерсти – на 23 %. Заасфальтировали улицы до социально-культурных учреждений, до зернотока, до центральной мастерской и автогаража.

Когда Александр Михайлович покидал Кундюковку, выехал на Казанский тракт по дороге, которая привела его четыре года назад в эти края. Как и тогда, лил дождь, но машина катилась по гладкой, как зеркало, дороге.

Бывают у человека времена, когда необходимо подвести черту, подвергать анализу факты и события, грезить воспоминаниями. О Кундюковке не думал — история рассудит. Работал от зари и до зари, старался жить интересами людей, дров не ломал, но был тверд и решителен в реализации планов. Без ошибок жить трудно, да и невозможно. По большому счету — линия была правильной. В этом Ширтанов нисколько не сомневался.

А первую закалку получил в семье. Детей было шестеро. Воспитывали трудом. Отец работал бригадиром

строительной бригады в Богдашкине. Имел серебряную медаль ВДНХ за умелое использование местных ресурсов. В удостоверении так и записано – за применение бетона в строительстве животноводческих ферм. Дело было новым, и оно не осталось незамеченным. Но успехи в труде пришли к нему после войны, где воевал с первых дней и до победного салюта.

Александр Михайлович остановил машину и, выйдя из кабины, нашел небольшой бугорок на обочине дороги. Отсюда раскинулись кундюковские поля, которым, кажется, нет ни края ни конца. Пройдешь ранним утром по кромке — душа радуется. Воздух полон аромата и так и хочется идти по пыльной дороге меж высоких хлебов. Но сейчас все это осталось только в воспоминаниях.

Детей всех поставили на ноги, — думает Александр Михайлович и глубоко вздыхает. — Инженер, агроном, бухгалтер, тракторист, шофер — можно укомплектовать целый колхоз! Да, умели воспитывать наши отцы и матери. Педагогика лежала у них в душе. Не ругали, кнутом не били, а дело воспитания знали тонко. Больше всего запомнилась мать. Видимо, потому, что всегда была рядом с ними. «Все наши успехи – ее заслуга, - смотрит он на восток, откуда мчатся темные тучи. – Недостатки наши, кстати, тоже ее заслуга», - улыбается Александр Михайлович и спешит к машине.

Ударили первые капли дождя и стали прыгать по асфальту. Уже заволокло полнеба. Вспынула молния, и следом раскатисто загромыхал гром. Спутник нажал на газ, и в это время дождь каскадом ударил в смотровое стекло. В такие минуты особенно приятны воспоминания.

В школу пошел до возраста — не выгнали, но и в журнал не записали. Учительница наверняка подумала:

“Пусть посидит. Надоеет — сам уйдет”. Но он аккуратно посещал уроки, был послушным и терпеливым учеником. Потом Среднетимерсянская школа, Рязановский совхоз-техникум... С особым нетерпением ждал службу в армии. Попал в Забайкалье. Изумрудные реки, непроходимые леса — красиво в любое время года! Однажды старшина пригласил несколько солдат к какому-то офицеру. Говорит — надо перевозить мебель на новую квартиру. Солдатское дело простое: приказано — сделано.

— Не туда кладешь! — услышал рокочущий девичий голос солдат и встрепенулся, поднял голову на кузов — на него уставились крупные карие глаза, которые были такой глубины и чистоты, что вода в озере Байкал. Солдат мгновенно опустил голову и тут же ее поднял — она стояла неподвижно, держа в руке большое зеркало.

Привез Надежду в наши края. Оказалось, что ее предки — донские казаки. Отец служил офицером, а дед был дворянином, имел три конных завода. «Если пошла в деда, то из нее выйдет толк», — думал тогда солдат и не ошибся.

В Богдашкине ее приняли чуть сдержанно — невеста-то русская! Но Надежда Ивановна быстро вошла в новую жизнь, приняла чувашские традиции, не чуралась работы, а в гостеприимстве донская казачка никому не уступала. Александр Михайлович трудился агрономом. Работа ладилась — дело он знал, а люди были свои. Но новый председатель колхоза поставил задачу — выжить из села всех, кто работал до него. Странная политика!

Молодой агроном держит путь в Репьевку. Снова агроном, снова поля и луга! Энергии хватит на сто лет! Он весь в движении, учится и набирается опыта. И тут оказался человек — о, как благодарны мы этим людям!

— который заметил его талант организатора, деловые и моральные качества. Председатель местного колхоза Идрисов предложил сначала главой местной власти, а потом заявил, что Ширганов А. М. готов возглавить любой колхоз.

... Александр Михайлович не заметил, как переехал Безводовский овраг. Небо освободилось от туч, и солнечные лучи легли на поля, на крыши домов. В воздухе запахло ароматом луговых цветов. Он нажал на газ, и машина взревела как загнанный зверь. В Нагаткине его ждало начальство.

Его мысли обращены в завтрашний день. Планы, цифры, чертежи... У меня сложилось мнение, что в скором будущем небольшой участок конторы превратится в усадьбу с большими хоромами посередине, окруженная с одной стороны пшеничными полями, с другой — плодоносящим садом, пасекой, искусственным водоемом, где плавают утки, гуси, водятся караси, карпы, может быть, даже форель.

Уверенность не покидает ни на минуту потому, что путь, проделанный за десять лет, насыщенный трудностями, преодоление которых потребовало невероятных усилий, решимости и мужества, не оставляет в успехе ни малейшего сомнения.

Когда войдешь на территорию конторы, удивляют цветы, георгины, гладиолусы, нарциссы, флоксы, наструции и десяток других названий радуют глаз, и аромат от них наполняет свежий воздух. Мне почудилось, будто я попал в оранжерею, но хозяйка встретила меня с чувством глубокого возмущения.

— Наше государство никогда не выберется из этой ямы! — кричит она будто во всех бедствиях, происходящих

в стране, виноват провинциальный журналист. — Нет ни совести, ни чести! Ему надо — она имеет в виду своего супруга — кланяться в ногу, а не закрывать шлагбаум на каждом шагу! Такой фермер! Такой фермер!..

Надежда Ивановна долго еще ругала власти, находила крепкие и точные выражения, в которые выплеснула переполненные чувства. Она подводит меня то к одному, то к другому ангару, ни на секунду не переставая молотить тех, кто стоит руля.

— Видите, какое сухое и крупное зерно, — показывает она на хлеб и внимательно смотрит на меня. — 1300 центнер лежит целый месяц, а продать некуда. За границей покупают втидорога, а на свой им наплевать! Предлагают копейку! Хотят, чтоб мы разорились! Но этому не бывать — вывезем в соседние области, там, говорят, засуха!

В мою голову тут же приходят слова французского мыслителя Фурье, который когда-то писал, что в капиталистическом обществе врач хочет, чтоб было много больных, стекольщик — чтобы больше выбило окон стихийным бедствием... Но вопреки своим убеждениям, у меня невольно вырываются слова, солидарные с хозяйкой, и я с видом знатока говорю:

— Может, вам до весны подождать. А там цены подскочут. За один год разбогатеете.

— О, нет, — вмешивается в разговор хозяин. — Деньги нужны сейчас. Надо выдать работникам. Дети скоро в школу пойдут... Обувь, одежда, тетради, книжки, карандаши...

Я рад, что присоединился к нам Александр Михайлович, и, глядя на розы, спрашиваю:

— Чьи умелые руки приложены к цветам, от которых

такой аромат, что голова кружится.

И тут Надежда Ивановна сдается. Голос ее приобретает приятный оттенок. Цветы, оказывается, ее любимое занятие. Много южных растений, привезенных с ее родины — из Ростовской области. Только роз четырех сортов, бархаток — пяти, а ночная краса распускает свои яркие лепестки только днем, а к вечеру она постепенно закрывается — готовится ко сну.

— Не хотите посмотреть поля? — спрашивает хозяин, и мы мчимся по бескрайним Норовским просторам.

Хотя небо дышало осенью, там, где земля сливалась с небом, стоял синий расплывчатый туман. Солнечный свет лениво ложился на пшеничное поле, уходящее далеко к горизонту. Над головами, как вата, висели белые охапки облаков. Машина временами насккивает на бугорок, но это на наше настроение не влияет.

— С чего началось восхождение? — задаю я первый вопрос и смотрю ему в профиль.

Прямой нос, чуть вытянутый вперед подбородок и широкий лоб придают его лицу вид вдумчивого и серьезного человека. Голос приглушенный, с приятной дикцией. Он, как мне показалось, ждал этого вопроса.

— Биография фермерского хозяйства, получившего название “Восток”, началась в 1991 году, когда мы приобрели 26 гектаров земли. Тогда в районе создавали специальный фонд для фермеров. Взял ссуду и истратил ее на покупку горюче-смазочных материалов, семян техники.

Александр Михайлович делает паузу и продолжает:
— В первый же год получили хороший урожай — 27 центнеров с гектара. В реализации проблем не было. Отвез на элеватор и тут же получил деньги. Был рад, что

все началось так хорошо – рассчитался с банком, а остатки пошли на расширение хозяйства.

Снова пауза, но я вопросов не задаю. Собеседник переключает скорость, и мы по кочкам движемся вдоль реки.

— Прошло два года и площадь довели до 425 гектар, а в 96 году она увеличилась в два раза. Взяли в аренду броские земли, которые годами не обрабатывались. Пахали, удобряли, многократно культивировали. К нам потянулись люди. Получив свои земельные паи в колхозе, вошли в наш коллектив. Если в 1996 году в хозяйстве было 38, то сейчас 180 человек. Начинали с нуля, а сейчас... Каждый год строили одно складское помещение. Без них нельзя — зерно пропадет. В 1992 году приобрели два трактора, а нынче их 13 единиц. Имеются емкости для горюче-смазочных материалов. Пашем, сеем, убираем своими силами.

Александр Михайлович умолкает, и я чувствую, что настал момент задавать вопросы мне.

Раскрыл рот, но хозяин опередил меня.

– Вот и наши нивы, - нажал он резко на тормоз, и я всем телом подался вперед.

Мы стоим у кромки поля, где колышется озимая пшеница. Хотел спросить, куда подевался сорняк, но он снова опережает мои мысли:

– Недавно побывал у меня профессор Владимир Ильич Костин. Из сельхозакадемии. Был удивлен — ни одной соринки в поле, а урожайность достигает до 55 ц. Никаких секретов нет. Работаем на честность, выполняем все агротехнические приемы, но обходимся без химикатов. А вот семена... Сорт называется безенчугский. Новый, кстати. Специально выписал. Отвез на анализ в областную

лабораторию – клейковина составляет 30 единиц. Лаборантки удивлены. Говорят, что даже на опытной станции клейковина составляет лишь 18 единиц.

– А что означает...30 единиц?

– Это значит, что тесто из этой муки поднимается как пушок.

— Говорят, ссуду получать — дело нелегкое.

— Что верно, то верно. Не всем ее дают. Во-первых, надо много бегать. Я, например, три месяца истратил только на то, чтобы оформить документы. Во-вторых, нас тщательно проверяют банковские работники – куда вложил, что получилось. Считаю такую процедуру правильной.

— У меня складывается мнение, что твое фермерское хозяйство ничем не отличается от колхоза.

— По форме кажется, что отличия нет. Но я никому не подчиняюсь. Действую только на основе договоров. Да и помощи ни от кого не жду. Если колхоз пошел на спад – ему делают вливание. А я сам себе хозяин. Но приходится смотреть в оба, чтобы не обанкротиться.

– Таланта вам не занимать, но все же один в поле не воин.

– Я понял вас. Сейчас я и директор, и инженер, и агроном, и снабженец. Пройдет пару лет, и все изменится. Сын заканчивает сельхозакадемию и вернется агрономом, дочь учится на втором курсе — будет экономистом-бухгалтером, зять — снабженец, а Эдуард Ныйкин — будущий инженер. Все они учатся в академии за счет хозяйства. Смена! Хочется передать дело в надежные руки. А жена... Она врожденный организатор. То, что делается на базе, где мы были — дело ее рук.

— Я хочу вернуться к членам вашего коллектива. Чем их привлекаете?

*Через несколько минут чай будет готов. У самовара –
хозяйка Надежда Ивановна.*

— Ничем! Они сами идут. Заявлений много, но нет возможности. Сначала надо создать условия, а потом принять. Видимо, люди почувствовали заботу. Ежегодно только за пай выдаем по пять центнеров зерна, мешок муки, мешок сахару, две тысячи рублей деньгами, бесплатно пашем огород, чувствуем ветеранов в дни праздника, бесплатно возим в больницу – держу специально машину. Бесплатно оказываем ритуальные услуги. Многие пункты договором не предусмотрены. Человеческий долг! Надо жить интересами людей и проявлять заботу.

Снова возвращаемся на базу. Надежда Ивановна встречает нас с веселым настроением и приглашает на обед. Оказывается, для тех, кто занят на работе, организовано

питание. В небольшом вагончике копошатся молодые девушки, а приятный запах от свежих щей щекочет ноздри.

На прощание вручаю свою книгу с дарственной надписью. Надежда Ивановна принимает дар и неожиданно восклицает:

– Как это интересно! Я давно мечтаю открыть музей о нашей дружбе. Русские, украинцы, чуваши, татары... Все мы одна семья. Я полюбила чувашский народ за его трудолюбие, гостеприимство и поняла его душу.

Прощались мы словно давно знакомы. Солнце склонилось к закату, отсвечивая слабыми лучами многоцветную оранжею, редкие кустарники и дорогу, ведущую в город. За рулем снова Александр Михайлович. Мы молчим, но молчание не разъединяет нас.

Хозяин мне выкладывал лишь малыми дозами и никакого оптимизма не высказывал. Не торопился с прогнозами, но не впадал и в панику. Но я уже сейчас убежден — такие, как Ширтанов, поднимут Россию.

Александр Михайлович Богатов (Мишаади) родился в 1935 году в селе Кундюковка Ульяновской области. Окончил Ульяновский педагогический институт и Горьковскую высшую партийную школу.

Трудовую биографию начал педагогом в Тетюшской средней школе. Работал директором Ундоровской средней школы, зам. председателя Ульяновского райисполкома, секретарем Ульяновского РК КПСС, инструктором и зав. сектором печати Ульяновского обкома партии, зам. редактора газеты «Ульяновская правда», корреспондентом газеты «Канаш», советником губернатора.

Автор книг «Важное звено перестройки», «Возрождение», «Это начиналось так», «Восхождение», «Воспитанники Яковлевской школы» (первая книга, авторский коллектив), «Село на Московском тракте», «Партократы», «Кундюковка – село в степной долине».

Чувашский народный академик.

Член Союза журналистов СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. О тех, кому посвящена книга	5
2. <i>Абрамов Н. Г.</i> Время созидать!	6
3. <i>Верялов В. Г.</i> Выше всех наград	17
4. <i>Гайкина Е. П.</i> Счастливый миг признания	31
5. <i>Еграшкина Н. Н.</i> Когда цветет хмель	37
6. <i>Кислинский В. В.</i> Душой и сердцем коммунист	49
7. <i>Никитина Г. М.</i> Возвращение феникса	64
8. <i>Никонов В. В.</i> Притяжение земли	70
9. <i>Никонова А. С., Калашикова П. С., Краснова В. С.</i> Сестры	85
10. <i>Петров П. И.</i> Легких путей не искал	92
11. <i>Поскошин П. М.</i> Шел в ногу со временем	107
12. <i>Раков Г. Р.</i> Характер закаляется в борьбе	122
13. <i>Ромшикин В. Ф.</i> Не розами усыпана дорога	130
14. <i>Фурашова Е. А.</i> Кавалер ордена Ленина	144
15. <i>Царьков Г. И.</i> А жизнь продолжается	158
16. <i>Ширтанов А. М.</i> Фермерская жилка	173

Александр Мишаади
Мои современники

Корректор Н. Н. Еграшкина.
Компьютерный набор В. А. Земсков.
Компьютерная верстка В. А. Ефимова.

Подписано в печать 16.04.04. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л 11,16. Уч.-изд. л. 12,25.
Тираж 200. Заказ № 4275. Цена договорная.
Отпечатано с оригинал-макета заказчика.

ОГУП "Облтипография "Печатный двор".
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, д.27.